

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЕЛАБУЖСКИЙ ИНСТИТУТ

**ЧЕЛОВЕК
В СОВРЕМЕННЫХ
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ**

Материалы Всероссийской научно-практической
конференции

г. Елабуга, 24 – 25 ноября
2017 года

Елабуга – 2017

УДК 11/13
ББК 87.21я431

Печатается по решению редакционно-издательского совета Елабужского института КФУ (протокол № 16 от 23.11. 2017 г.)

Редакционная коллегия:

проф. А.Г. Сабилов (отв. редактор);
доц. Е.В. Громов;
доц. Смирнов С.В.;
доц. Ф.М. Сабирова (отв. секретарь)

Ч 39 Человек в современных социально-философских концепциях: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Елабуга, 24-25 ноября 2017 г., ред.кол.: А.Г. Сабилов (отв. ред.) и др. – Елабуга: Изд-во ЕИ КФУ, 2017. – 160 с.

Настоящий сборник включает в себя доклады и выступления участников Всероссийской научно-практической конференции «Человек в современных социально-философских концепциях», проводимой в Елабужском институте КФУ 24-25 ноября 2017 года.

Издание обеспечивает представление оригинальных идей в исследовании проблемы и служит дальнейшей разработке проблемы человека.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий, терминов и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых статей. Материалы печатаются в авторской редакции

УДК 11/13
ББК 87.21я431

© Коллектив авторов
© Издательство ЕИ КФУ, 2017

ТЕХНОСФЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК: КТО ОН?

Амиров Р.Г.

*Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского)
федерального университета, г. Набережные Челны*

Сократический призыв «Познай самого себя, ибо познаешь весь мир» по всей видимости, современной цивилизации становится наиболее актуальной и острой по проблеме предназначения человека во Вселенной, осознанию каждым индивидом и самим человечеством собственной идентичности. Сейчас самопознание детерминируется не столько эпистемологическими интересами, как это было в античности, которые могли бы быть удовлетворены огромным арсеналом знаний и достижениями естественных и гуманитарных наук, сколько антропологическими и экзистенциалистскими проблемами, образовавшимися вокруг современного, цивилизованного человека. Требуется новое осмысление человека и новая постановка нового бытия человека. По словам известного антрополога М. Шелера человек «стал целиком и полностью проблематичен». Он «больше не знает кто он такой, одновременно, он так же знает, что не знает этого» [1, с. 132]. Вечная неудовлетворенность человека уже в рамках культуры объясняется его «ущербностью», «недостаточностью» (А. Гелен), нежизнеспособностью по сравнению с остальным животным миром, наличием дефектов, имеющихся еще в пору эволюции. «Взгляд на человека как на существо недостаточное обоснован тем, что человек принужден от рождения преобразовывать окружающий мир, движимым чувством неудовлетворенности. Она побуждает философа отправиться на поиск бытийных оснований, могущих осветить природу недостаточности и способа обращения с ней» [2, с. 30], – пишет Захарова Е.В.

Традиционное бытие человека проходит в эпицентре взаимопересечений и взаимодействий био-социо-культурной сфер. В эпоху техногенной цивилизации бытие человека проникла техносфера, которая на поздних ее стадиях развития, по мнению А. С. Панарина: «теснит, деформирует и, наконец, грозит полным уничтожением тех сфер, которые относятся либо к уникальным дарам природы, либо к уникальным дарам культуры» [3, с. 280-281]. Тем самым вторжение техносферы и ее эволюция сегодня трансформируется в техносферную экспансию в бытии человека, которая, в конечном счете, подчинила все

его другие сферы. В процессе техносферной экспансии «человек стал стремительно видоизменяться и терять свои былые природно-функциональные качества, приобретая социальные и социально-техногенные» [4, с. 103], начался новый антропосоциальный процесс интеграции человека и техносферы, сформировавшего биотехносциального существа в человеческом облике. В связи с тем в литературе человек получил такие непривычные самоназвания как «биотехносциальное» (Э.С. Демиденко), «техногенное» (С.А. Храпов), «техносферное» (Н.В. Попкова) существо и т.п. Они, по сути, отражают глубокие качественные изменения в антропологическом субстрате и в духовной субстанции человека, направления, развития которых трудно предсказуемы.

Действительно, в современном постиндустриальном обществе техника (особенно информационная) и технологии стали основными элементами и действующими факторами в содержательном аспекте человеческой жизнедеятельности. Техногенное и техносферное составляющие имеют в бытии человека ошеломляющий диапазон распространения: от механизации труда и движения до технологизации отдыха и досуга, здравоохранения и спорта, и самое главное, интеллектуальной деятельности. Без них человек стал никем и ничем, совершенно беспомощным существом. Еще в первой половине 20 века, до того, как человечество вступило в информационное общество, русский философ Н.А. Бердяев с грустью отметил, что «жизнь делается все более технической. Машина налагает печать своего образа на дух человека. В цивилизации само мышление делается техническим, всякое творчество и всякое искусство приобретает все более технический характер» [4, с.260-262].

Действительно, в результате автомобилизации и технизации в крупных городах и населенных пунктах человек перестал ходить пешком, подниматься по лестнице многоэтажного дома, не может поддерживать без психотропных и фармакологических препаратов свою психоэмоциональную и нервную стабильность, не способен заниматься спортом и давать высокие результаты без употребления допинга, нуждается в имплантатах для поддержки функционирования внутренних органов. Но, пожалуй, самое не утешительное то, что мыслительная деятельность передается на компьютер, общение проходит через интернет и телефон, живые и эмоциональные контакты человека постепенно прекращаются. Что касается пищи, то из состава продуктов,

приобретаемых в сетевых супер- гипермаркетах, натуральные основы вытесняются искусственными, технологическими ингредиентами, которые, возможно, увеличат риск мутагенеза и появления генетических заболеваний. Все это, еще происходит в условиях обострения экологического кризиса, который так же возник в техногенную эру.

Независимо от того, что мы видим и о чем постоянно трактуем, «современный человек очень часто отождествляет себя с тем, что имеет». Да и другие люди судят по человеку на основании того, что он имеет.... Чем больше у тебя вещей, тем более ты вырастаешь в собственных глазах и глазах других людей. Постепенно человек сам и к себе начинает относиться как в вещи. Ему нет никакого дела до внутреннего богатства, его интересует только богатство внешнее» [5, с. 96]. Ведь, современные дети могут хвастаться перед ровесниками наличием у них супер- игрушек и вещей, как и их родители, мало отличающиеся от них, покупкой дорогих автомобилей, яхт и других малозначимых для жизни вещей, для утверждения своего «Я» перед другими.

Духовность, как высшая ступень социальности, все время, находясь в процессе догонки, не может синхронизировать свое движение с динамикой развития материально-вещественного мира, способного предоставлять людям комфорт и сверхкомфорт, при увеличивающимся вакууме социальности «дефектного» существа.

Ориентированный на потребительстве и сверхкомфорте техносферный индивид существует не в качестве человека, а как функция, приставка, вещь и средство. А это есть проявление того, «что социальное содержание человека в настоящий момент существует лишь на уровне его природы», что позволяет «вынести определенный диагноз человеку и обществу», – пишет Г.К. Сайкина [6, с. 154].

Таким образом, техносферная экспансия, происходящая в недрах бытия человека деформирует, модернизирует на свой лад его био- психо- социо-культурную структуры, порождает техногенного человека, частично утратившего свои антропологические свойства, неспособного к онтологической самоидентификации и ограничивает возможности для экзистирования по поводу своего техносферного существования, элиминированию феноменов своей социальной сущности, а сводит сущность человека только лишь к бытийному проявлению существования.

Литература

1. Шелер М. Человек и история. // *Th sis.* – 1993. – № 3. – С. 120-135.
2. Захарова Е.В. Феноменология недостаточного бытия // *Философские науки.* – 2010. – № 10. С. 31-36.
3. Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М: «Эксмо», 2003 – 413 с.
4. Бердяев Н.А. Смысл истории. – М: Мысль, 1990. – 199 с.
5. Губин В.Д. Основы философии: учеб. Пособие. – М.: Форум: ИНФРА – И, 2009. – 288 с.
6. Сайкина Г.К. Человек-бытийное или социальное существо? // *Ученые записки Каз. Ун-та: сер. гуманитар. науки.* – 2013. – Т. 155. – КН.1. – С. 143-156.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОГРАММ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Барябина Е.Н.

*Саратовский государственный технический университет им.
Гагарина Ю.А., г. Саратов,*

Выявление и устранение причин и условий, способствующих правонарушениям детей и подростков, призваны осуществлять организации и ведомства системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, учреждения социальной защиты, образования, здравоохранения, службы занятости, органы внутренних дел, опеки и попечительства, органы по делам молодежи. Опыт многолетнего сотрудничества автора с различными учреждениями региональной системы профилактики, работы в составе межведомственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав позволяет отметить ряд позитивных изменений – открытие новых учреждений социального обслуживания для семьи и детей, внедрение новых реабилитационных технологий в работе их специалистов. Вместе с тем, все более очевидным становится, что эффективность функционирования и планомерность развития данной системы трудно

обеспечить без оценки соответствия ресурсов системы потребностям детей и семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации или социально опасном положении. Практически отсутствующая сегодня аналитическая составляющая менеджмента системы может быть обеспечена в значительной степени социологическими и психологическими исследованиями в данной проблемной области.

Социально-психологическое сопровождение данной системы необходимо, прежде всего, на уровне целеполагания, концептуального обеспечения эффективной работы всех субъектов профилактики научно обоснованным пониманием генезиса проблемы. История социальных исследований проблемы молодежной девиантности насчитывает уже более века, и обобщение результатов этих исследований позволяет сегодня достаточно ясно представить систему причин и условий, способствующих безнадзорности и правонарушениям детей и подростков как индивидуального, так микро-, мезо- и макросоциального уровня.

Однако нельзя не учесть и то, что социальные проблемы имеют и временной и пространственный контекст. Каждый регион и даже муниципальное образование имеет свою экономическую, демографическую и социальную специфику. Для того чтобы грамотно планировать развитие системы профилактики и оценивать эффективность ее работы, необходимо, прежде всего, проанализировать имеющиеся ресурсы и их адекватность потребностям детей и семей и на уровне региона в целом и на уровне каждого муниципального образования.

Необходима аналитическая составляющая муниципальных и региональных профилактических программ, позволяющая оценить в качественных и количественных показателях основные потребности детей и семей группы риска, на которые и должна быть сориентирована профилактическая работа. Только зная основные особенности и потребности детей, мы сможем оценить и необходимые ресурсы для создания реабилитационного пространства, определить: какие формы экономической, социальной, педагогической и психологической поддержки необходимы и какое материальное, правовое, кадровое и методическое обеспечение для этого потребуется. Пока и на этот вопрос мы не можем ответить точно. Без мониторинга ресурсов, осуществляемого в рамках специальных социальных и психологических исследований мы не можем рассчитывать на планомерное развитие профилактических ресурсов районов и регионов.

Востребованность исследовательского сопровождения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних определяется также тем, что отработанный в ходе подобных исследований методический инструментарий оценки значимых характеристик детей и семей различных групп риска может быть использован в дальнейшем специалистами различных субъектов системы профилактики в реабилитационной работе, а также для мониторинга изменений, происходящих в проблемном поле детского и семейного неблагополучия.

Особую актуальность для обеспечения эффективного функционирования системы, ориентированной на позитивные изменения приобретает и соответствующий исследовательский подход – акционистский. Термин «акционистские исследования» появился благодаря работам социального психолога Курта Левина, утверждавшего, что лучший способ изучения социальных систем предполагает их изменение. Сегодня акционистские исследования относят к разновидности прикладных исследований, ставящих перед собой задачи не просто понимания социальных проблем, но и стимулирования позитивных социальных изменений, пересмотр подходов к их решению [1]. Определяя активистскую социологию в качестве мейнстрима социологии социальных изменений, Яницкий О. указывает на значимость исследований с позиции образа жизни, интересов и потребностей человека, живущего в определенных социокультурных условиях, т.е. исходя из принципа активистской социологии – «следуй за актором» [2].

В качестве предмета акционистских исследований может выступать, на наш взгляд, не только позитивный, но и негативный опыт внедрения инновационных практик в деятельность социальных служб, анализ барьеров и препятствий для позитивных структурных изменений. Опыт подобного исследования [3] показал, что уже сам процесс исследования, поиск ответов на вопрос о причинах неудач проекта вместе с представителями всех заинтересованных сторон, позволяет вернуть интерес к инновационным практикам со стороны участников проекта, выработать совместно с руководителями заинтересованных ведомств решения, необходимые для сохранения и развития инновационных практик.

Одна из задач акционистского исследования – внедрение результатов исследования в действия, стимулирующие позитивные социальные изменения. Особенность акционистских исследований заключается в преодолении дистанции между теми, кто исследует, и теми,

кого исследуют. Однако в связи с включением в исследование возникает проблема общего языка, и соответственно задача преодоления отдаленности профессиональных понятий от возможностей и потребностей практики. Настоящим пособием по активистскому подходу в целом и использованию понятного и простого языка для обсуждения сложных социальных проблем являются, на наш взгляд, получившие мировое признание работы выдающегося Норвежского криминолога Нильса Кристи. Особенно Кристи Н. предостерегает от использования «монополизированных», профессиональных слов, разъединяющих «профессионалов» и «непосвященных», а также слов «монополизирующих», т.е. ярлыков, используемых профессионалами по отношению к тем, чьи проблемы они изучают [4].

Специальные исследования необходимы также и для того, чтобы понять – каковы на сегодняшний момент профилактические ресурсы той или иной территории. Другими словами, нам необходимы специальные исследования, которые бы показали: какие направления, формы, методы, технологии востребованы, и соответствуют ли имеющиеся у нас ресурсы этим потребностям. Такого рода информация сможет стать той аналитической основой программ профилактики детской безнадзорности и правонарушений, которая обеспечит планомерное и эффективное развитие системы профилактики. В ряду таких исследований окажутся необходимыми и количественные исследования, позволяющие собрать необходимые статистические данные о социально значимых параметрах групп риска, и качественные, ориентированные на получение более глубокого и достоверного знания об интересах, нуждах, ценностях, жизненных смыслах тех, для кого функционирует система.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Методы прикладных социальных исследований. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, при участии ООО «Норд-медиа», 2008. – 215 с.

2. Яницкий О.М. Проблемы активистской социологии в России // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. – М.: РОС, 2012. – С.294-301 <http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part1.pdf>

3. Бярябина Е. Социальная работа в российских судах для несовершеннолетних: история и перспектива регионального проекта //

Социальные работники как проводники перемен. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2012. с. 89-108

4. Кристи Н. Простые слова для сложных вопросов. – СПб.: Алетейя, 2011. – 68 с.

ДИСКУРС-АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ ИЗУЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРЕ РАЗЛИЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Бикмухаметова З. М.

*Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального
университета, г. Елабуга*

Молодежь у каждого взрослого поколения вызывает двойственные чувства. С одной стороны, это – зависть и восхищение, с другой – страх и паника. Эти представления существуют не сами по себе, а питаются распространенными в обществе дискурсами. Йоргенсен дает следующее понятие «Дискурс – это совокупность текстов (устных и письменных), которые производят люди в разнообразных ежедневных практиках» [2]. Согласно теории дискурса Эрнесто Лакло и Шапталя Муффа, представляющих постструктуралистскую теорию, различные дискурсы, представляющие определенный способ общения и понимания социального мира, вовлечены в постоянную борьбу за превосходство. При этом они всегда формируются под патронажем господствующей в государстве идеологии и поддерживаются соответствующей политикой. В связи с этим, особое значение имеет такое дискурсивное пространство, как общественно-политическая сфера. Так, в Советском Союзе молодежь будто бы должна была участвовать в политическом процессе, ибо за нею, то самое долгожданное «светлое» будущее. Расшифруем данный дискурс. Среди всего общества молодежь выделяли в особую популяцию людей, за которыми была закреплена «своя» миссия: улучшить общество, предотвратить тленное влияние Запада, сохранить обороноспособность страны, природу, традиции прошлого. Если взять 30-е гг., то политический дискурс сводился к тому, что «молодежь – защитники социалистического Отечества» [6]. Часто, существующие в обществе концепции, мысли, видения по созданию определенного конструкта

молодежи, поддерживались дискурсом средств массовой информации. Советские фильмы, музыка, литература того времени – все, что окружало молодого советского человека было пропитано духом героизма. Определенным фундаментом в формировании образа героя среди молодежи стала запутанная и полная загадок история Павлика Морозова [1]. Согласно советским журналам, ведущими дискурсами также были «комсомольцы обязаны охранять поля», «все талантливое рождается в советском народе». Как отмечалось выше, дискурсы реализуются с помощью текстов, хотя могут существовать и вне текстов. Научные исследования являются одним из инструментов формирования этих дискурсов в обществе. Так, основные теории осмысления молодежи в мире, в целом, и в России, в частности, сложились в 1920-е– начале 1930-х годов. Ведущие концепции по предмету исследования касались в основном рабочей молодежи, учащейся молодёжи и молодёжного движения. Основные направления исследований молодежи в России в начале XX века отражали новые процессы, которые разворачивались в динамичных условиях революционных перемен. Молодежь представлялась как активный участник трех русских революций, а всякое революционное преобразование в масштабах всего общества ведет к обновлению правящей элиты за счет прихода молодых поколений политиков, общественных деятелей. В 1920-е годы формируется обширная литература по изучению рабочего подростка, молодых рабочих в аспекте психологии, педагогики и социологии. Среди работ этого рода и сегодня интерес представляют книги И. А. Арямова «Рабочий подросток», В. А. Зайцева «Труд и быт рабочих подростков» и др. Молодёжь, в контексте общественных процессов, изучалась также М.И. Калининным, С.М. Кировым, Н.К. Крупской, В.И. Лениным, А.В. Луначарским, Е.М. Ярославским, и др. В первые годы Советской власти В.И. Ленин разработал концепцию становления и развития молодёжи в условиях переходного общества от капитализма к социализму, а также развил дальше марксистскую теорию, касающуюся основ жизнедеятельности молодежи [4]. В трудах В.И. Ленина, а соответственно и в общественно – политической литературе, появляются термины «сознательный молодой рабочий», «сознательный молодой крестьянин», «сознательный молодой солдат», но в большей мере в указанный период распространяется понятие «рабоче-крестьянская

молодёжь», которое в дальнейшем становится основой более общего понятия – «советская молодёжь».

Таким образом, со становлением Советской государственности молодежь провозглашается миссией и надеждой прогрессивного человечества на реализацию идеи светлого коммунистического завтра, авангардом модернизационных преобразований, «строителями коммунизма» [5]. В соответствии с ленинскими идеями строится целая система образования и воспитания молодежи, основная цель которых состояло в воспитании обостренного патриотического сознания, готовности к отстаиванию социалистических ценностей в борьбе с внешними и внутренними врагами советского общества.

Согласно главному теоретику идеи конструктивного дискурса Мишель Фуко, один дискурс начинает преобладать над другим в конкретный исторический момент и, в основном, это зависит от той социальной и политической власти, в рамках которой эти дискурсы существуют [3]. Так в разгар «хрущевской оттепели», с проявлением девиантных тенденций, в первую очередь, в молодежной культуре, ведущим дискурсом становится «молодежь как проблема». Эта тревога приобрела особые размеры с того самого момента, когда впервые «взрослые» увидели молодых людей, слоняющимися без дела по улицам разросшихся городов. Этот тип дискурса поддерживается публикациями и репортажами о подростковой наркомании, насилии, подростковой депрессии и самоубийствах.

Подход к молодежи как социальной проблеме стимулировало многих ученых к исследованию причин и факторов, под влиянием которых данный дискурс сформировался. С 60-х годов научные коллективы и отдельные ученые начали активно изучать проблемы труда и трудового воспитания молодежи, идейно-политического воспитания, общественной активности, ценностных ориентаций молодежи, жизненного старта и т. д. В этих исследованиях сложился научный авторитет таких ныне известных российских социологов, как Н. М. Блинов, Б. А. Грушин, С. Н. Иконникова, И. М. Ильинский, А. И. Ковалева, И. С. Кон, В. Ф. Левичева, В. Т. Лисовский, М. Н. Руткевич, М. Х. Титма, В. Н. Шубкин и др. Постепенно исследовательские границы молодежной проблематики расширяются. На волне перестройки усиливается внимание к изучению молодёжных субкультур: В.Ф. Левичева изучала неформальные молодежные объединения; Н.В.

Кофырин – неформальные молодежные группировки Ленинграда непосредственно на местах их «тусовок». Работа И.Ю. Сундиева «Самодетельные объединения молодежи» посвящено преступным молодежным группировкам. Белорусские социологи И.Н. Андреева и Л.Г. Новикова изучали молодежные субкультуры крупных городов. Они пришли к выводу, что маргинальные субкультуры имеют в советских условиях особую социальную базу – «полугородскую» (мигрантскую) молодежь – и становятся способом включения в городскую культуру. Коллективная монография трех авторов – В. Чупрова Ю. Зубок и У. Уильямса «Молодежь в обществе риска» – посвящена становлению молодого поколения в переходный период.

Таким образом, дискурсы «молодежь как надежда» и «молодежь как проблема» существуют и сегодня, и тексты, которые актуализирует данные представления о молодёжи (неважно проблематизация молодёжи или определение её особой миссии), основываются, прежде всего, на выделении молодёжи как особой привлекательной группы людей, где возраст может рассматриваться как ресурс и как основание для контроля со стороны взрослых.

Литература:

Дружников Ю.И. Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова. – М.: Московский рабочий, 2003. – С. 94.

Йоргенсен М.В. Филлипс Л.Дж. Дискур-анализ. Теория и метод. – 2008. – С. 12.

Омельченко Е. Л. Сабирова Г.А. Новые молодежные движения и солидарности России. – Ульяновск: Изд-во Ульяновского государственного университета, 2011. – С. 9.

Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры – М.: Изд-во Институт социологии РАН, 2000. – С. 95.

Омельченко Е. Молодежь: Открытый вопрос. – Ульяновск: Изд-во Симбирская книга, 2004. – С. 8-9, 27-28, 29.

Социальные и культурные ценностные ориентации российской молодежи: Теоретические и эмпирические исследования / Под. ред. В.А. Лукова. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007.– 80 с.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В СТАНОВЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (ФИЛОСОФСКО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Бутенко С.В.

*Волгоградской гос. академии последипломного образования, г.
Волгоград*

Россия давно уже стала одним из участников мировой политики. Последовательно вступая в экономические и политические союзы (ОДКБ (1992), ШОС (2001), ЕврАзЭС (2008), БРИКС (2011)), наше государство становится ключевым игроком глобализационных процессов. Однако, это накладывает и своеобразные обязательства по проведению не только внешней, но и внутренней политики, в первую очередь, находя отражение в системе образования.

Образование традиционно является одной из важных сфер общественной жизни, играя определяющую роль в развитии общественных отношений и преобразований.

Не смотря на это образовательный процесс достаточно консервативен, а сложившееся, в течение длительного исторического времени, пространство редко подвергается глобальным трансформациям. Любые же изменения, касающиеся образования, в той или иной степени обусловлены государственными политико-идеологическими установками и запретами. В связи с этим, актуальным представляется исследование феномена исторической идентичности в условиях современных модернизационных процессов, роль и влияние государства на становление исторической идентичности современного российского общества. Так, министр народного просвещения Сергей Семенович Уваров, автор теории официальной народности, говоря о просвещении, признавался, что это «огонь, который не только светит, но и жгёт». Император Николай I считал, что необходимо ограничить доступ к образованию, которое сеет зерна инакомыслия в обществе. Несмотря на это, стремление преодолеть «декабристские», «имперские», «тоталитарные» и другие установки видоизменяло подходы к образовательному процессу в целом, но нисколько не снижало его роли в развитии общественно-политических отношений, как прошлого, так и настоящего.

Важную роль в становлении и развитии, как отдельного гражданина, так и всего общества в целом, играет историческая наука, всегда рассматривавшаяся как одно из главных государственных орудий

просвещения народа. Определяя место истории в системе образования, С.С. Уваров отмечал: «В народном образовании преподавание Истории есть дело государственное... История... образует граждан, умеющих чтить обязанности и права свои, судей знающих цену правосудия, воинов умирающих за Отечество, опытных вельмож, добрых и твердых царей» [11, с. 17-18].

Проведенные, за последние 15 лет, реформы вскрыли в системе российского образования латентные проблемы, требующие внимания не только научных и общественных кругов, но и государственного контроля. Одним из таких вопросов современного образования в целом и исторического образования в частности является проблема формирования исторической идентичности на уроках истории и роли государства в этом процессе. Историческая идентичность рассматривается нами как сложный социально-психологический феномен, включающий в себя:

- 1) осознание индивидом единства с историческим прошлым своего народа;
- 2) глубинно-психическое, эмоциональное переживание этого единения;
- 3) объективное изложение исторических фактов.

В этом случае историческую идентичность можно определить, как социально-психический феномен, хранящий в течение долгого времени наиболее прочные представления общества о самом себе, и передающий их из поколения в поколение. Историческая идентичность в своей основе имеет различные измерительные пласты, помогающие исследователям координировать глубину своего научного поиска – это географическое, традиционное, культурное, конфессиональное, национальное и т.д. измерения. В зависимости от того, какой из изучаемых пластов доминирует в исследовании, меняется и сама структура идентичности, что говорит о достаточно динамичном характере изучаемого вопроса.

Именно историческая идентичность, играющая важную роль в процессе социализации современной молодежи, определяющая как историческую форму социального бытия российского общества, так и бытие каждой личности, чаще всего подвергается попыткам трансформации извне. Стремление к деидеологизации постсоветского пространства, которое, в конечном счете, сводится к борьбе с отечественной историей и советскими памятниками, копирование (слепое подражание) западных установок и подходов, публичные призывы (в

первую очередь через интернет пространство) к разделению России – все это подтверждает наличие ментального разрыва, произошедшего в последнее десятилетие прошлого века, отражающегося так же и в кризисе исторической идентичности социума. Д.В. Полежаев рассматривает менталитет как устойчивую во «времени большой длительности» (Ф. Бродель) систему внутренних глубинно-психических социокультурных установок общества, формируемых (и функционирующих) как под воздействием внешних условий, так и на уровне внесознательного (неосознанного) [2, с. 4].

При этом менталитет, влияя на становление и развитие ментальности каждой отдельной личности, не является окончательной субстанцией формирования индивида, постоянно видоизменяясь под воздействием внешних и внутренних факторов. Одним из таких факторов и является историческая идентичность, переживающая, по мнению ряда исследователей, период кризиса. В данном случае под кризисом исторической идентичности можно понимать медленное разрушение представлений, определяющих идентификационные векторы формирования исторического пространства личности: представления о целостности истории (во времени и пространстве), устойчивом «Я» (отказ от признания истории со стороны окружающих), представления о преемственности исторических событий, а также потеря личностных смыслов и ориентиров. Все это приводит к последствиям, наблюдаемым нами с середины 80-х годов XX века – процесс дегероизации отечественной истории как извне, так и изнутри, ощущение психологического дискомфорта, дестабилизации внутреннего мира личности и ломка его жизненных установок. В результате личность начинает жить вне исторического времени, пытаясь сформировать свою идентичность не на фактической основе, а на своей мечте, своем воображении. Идентичность, не имеющая крепкий фактологический фундамент, способна разрушиться в один миг, если пошатнется вера личности в созданную иллюзию.

Поиск массовым сознанием ответов на вопросы «Кто мы?» и «Откуда мы?» приводит к стремлению сформировать новую историческую идентичность через анализ собственной истории. Однако зачастую анализу подвергаются не исторические источники, а коммерческие проекты (речь идет о художественной литературе, содержащей в своей основе авторский вымысел), отличающиеся своей

легкодоступностью и широким тиражированием как на страницах интернет пространства, так и через витрины книжных магазинов.

Ряд исследователей видит возможность духовного возрождения нашего общества в создании Евразийского союза, который должен стать альтернативой глобалистским тенденциям, развивающимся на «Западе». Идея «восточного» вектора развития России, восходящая своими основами к идеям славянофилов, получила в условиях современного общественного развития новый толчок. Однако, подобный шаг возможен только с одобрения социума, который и станет основным участником объединительного процесса. Более того, подобный социальный синтез должен иметь крепкие ментальные основания, обосновывающие каждой отдельной личности необходимость данных шагов (примером может служить процесс воссоединения Крыма с Россией, который воспринимался каждой из сторон как единственно верный путь дальнейшего развития). Отсутствие же ментальных оснований может привести к кардинально противоположным тенденциям – стремление к политической, экономической и культурной независимости, а процесс создания единого союза восприниматься с позиций принудительного ущемления национальных интересов.

Идея создания Евразийского союза (также восходит своими корнями к XIX веку) должна иметь под собой ментальные основания, базирующиеся на исторической идентичности социума. Историческая идентичность, включающая в себя осознание индивидом единства с историческим прошлым своего народа, предполагает и признание прошлого (как дореволюционного, так и советского) личностью. Отношение к прошлому становится основой самоидентификации индивида, а наиболее важную роль здесь играют источники, на которых базируются идентификационные векторы. Появление «альтернативных» историй рождает перед современной личностью новую проблему – Если история постоянно переписывается (причем авторами, которые даже не имеют исторического образования), каким идентификационным вектором должен воспользоваться индивид? Обоснованием является та ситуация, которая сложилась в современном обществе – Народ не доверяет истории соседа, не потому что сам переписал историю, он ее переписал, потому что не доверяет истории соседа. Если в период СССР разность истории обуславливалась историческими школами и подходами в изучении источников (в конечном счете, самим педагогом, который

интерпретирует факты на уроке), то в настоящее время все зависит от того, сколько научны те основы, которые становятся краеугольным камнем будущих исследований. Важную роль в данном случае должно играть государство, которое придерживается официальной (идеологической) точки зрения при трактовке исторических фактов.

В условиях современного развития социума история воспринимается как векторное развитие по направлению к прошлому, а не к будущему. При этом меняется и личностное отношение, как к событиям прошлого, так и к отдельным историческим личностям. Каждый период в истории, зафиксированный в исторической памяти общества, начинает оцениваться избирательно в процессе его удаления в прошлое. Так, сталинский период оценивается современным поколением вполне положительно (проект 2008г. «Имя России» показал, что в течение всего опроса Сталин занимал 1 место), тогда как 20 лет назад отношение к этой исторической личности было кардинально противоположным.

Историческая наука, определяющая историко-культурный образ социума, обосновывающая наличие определенной политической системы, неоспоримо является важнейшим регулятором современных общественно-политических отношений, в которых заинтересовано государство. Однако в условиях преодоления последствий ментального разрыва и кризиса исторической идентичности особое значение приобретает деятельность, направленная на возрождение исторических образов и традиций в сознании подрастающего поколения, формирование представления об истории как о целостном процессе, переживающем как взлеты, так и падения. Именно в этом процессе нам видится создание надежной ментальной основы, открывающей перед индивидом осознание значимости своего существования, как в качестве личности, так и в качестве гражданина. Образование (в особенности историческое) в данном случае выступает в роли каналов, обосновывающих необходимость поддержания преемственности поколений, ее традиционные основы, осуществляющих передачу государственных установок, влияющих, в том числе, и на формирование ментальности личности.

Границы исторической идентичности и государственной политики (исторического образования) совпадают, однако в настоящий момент не историческая идентичность формирует границы государственной политики, а государственная политика через историческое образование

формирует границы исторической идентичности. Этот процесс имеет свои негативные стороны. Во-первых, общественное развитие опережает государственные реформы, проводимые в стране. В результате преобразования, проводимые в настоящее время, были востребованы значительно раньше, а к моменту принятия закона, уже потеряли свой идентификационный вектор и актуальность. Во-вторых, сформированные государственной политикой границы, сдерживают развитие исторической идентичности личности (на формирование которой оказывают влияние не только государственные установки, но и сторонние источники), замедляя путь формирования историко-культурного образа социума.

В условиях развития современного общества, тенденциях глобализации мирового пространства, необходимо усиление роли исторической аргументации как ресурса самоутверждения государства на мировой арене. Один из исследователей идентичности С.П. Поцелуев справедливо утверждает, что: «Смысл идентичности состоит не только в том, что «Я» отождествляет себя с какими-то социальными категориями, но и в том, что оно утверждает свою уникальность посредством серии таких идентификаций» [9, с. 111].

В целом историческая идентичность есть результат интериоризации в сознание личности исторических норм и символов (даты, термины, события и т.д.), которые помогают в формировании, фиксации и воспроизведении идентичности. Все вышеперечисленные символы воплощают идею общественного единства, выражающегося не только в народном единстве, но и подтверждающие необходимость общей государственной структуры, сложившейся в течение длительного времени. Исторические символы выступают в роли средств общения между людьми, помогая им увидеть свою принадлежность к конкретному народу, проживающему на территории государства, усвоить общественные идеалы.

Историческая идентичность помогает личности увидеть себя в своем прошлом, что, в конечном счете, формирует некую целостность сознания индивида. По мнению И.В. Демина, так социокультурные общности (так и личности – *Бутенко С.В.*) «обретают и утрачивают свою идентичность только в истории, посредством истории, через историю» [1, 5]. Анализируя развитие жизни, личность обращается к своему прошлому, так как современные события, происходящие в настоящее время, имеют собственное основание в прошлом и напрямую зависят от отношения личности к своей

истории. Прошлое (история) всегда предстает перед нами как элемент возможной реальности, но не как объективная реальность. В этой связи в зависимости от желания исследователя, любой исторический факт может интерпретироваться и как подтверждение положительной динамики современного развития, так и ее отрицание. В тоже время сама интерпретация, по мнению ряда исследователей, предполагает овладение прошедшими событиями, уже подвергавшимися критическому анализу в прошлом.

Любое государство есть проект, который существует во времени и пространстве. Существование проекта поддерживается наличием исторической идентичности и ментальных оснований, которые утверждают в сознании общества необходимость наличия данной формы общественного объединения, объясняют историческую необходимость создания государства, важность его сохранения для передачи последующему поколению. Именно поэтому государство заинтересовано в становлении, развитии и утверждении исторической идентичности общества. В период кризиса идентичности, данный проект начинает претерпевать определенные изменения, качаясь подобно маятнику от полного отказа от проекта (период революционных событий 1917 г., 80-90-е гг. XX в. в России), до фанатического следования традициям. Проект (государство) существует до тех пор, пока его поддерживают элементы проекта (индивиды, социальные группы и т.д.). При утрате поддержки происходит развал существующего проекта – развал Российской империи, распад СССР. Жить вне истории невозможно. Не случайно до сих пор остаются актуальными слова К. Ясперса «нет пути в обход мира, путь идет только через мир, нет пути в обход истории, путь идет только через историю» [12, с.280]. В конечном счете, все можно выразить следующей мыслью – скажи, каким ты видишь свое прошлое, и я скажу, каким будет твое будущее.

Личность, существующая в настоящем, неразрывно связана со своим устоявшимся историческом прошлым, тогда как историческое будущее еще неопределенно. В результате познание настоящего личностью, так или иначе, ориентировано на историческое будущее, что очень важно для осознания связи времен, проходящей через саму личность. Процесс становления исторической идентичности играет важную роль в личностном развитии, позволяя ей ориентироваться при определении индивидуального места в историческом пространстве.

Государство, заинтересованное в формировании исторической идентичности, принимает активное участие в этом процессе, в первую очередь через систему образования. Именно через систему образования подрастающему поколению передаются устоявшиеся в культуре нормы, легитимные традиции, традиции усвоения этих традиций. Именно степень образованности человека является показателем сформировавшейся идентичности, а образование (в особенности историческое) в данном случае выступает в роли каналов, осуществляющих передачу государственных установок. Не случайно в статье «Россия: национальный вопрос», Президент России В.В. Путин обращает внимание на следующее: «Гражданская задача образования, системы просвещения – дать каждому тот абсолютно обязательный объём гуманитарного знания, который составляет основу самоидентичности народа. И в первую очередь речь должна идти о повышении в образовательном процессе таких предметов, как русский язык, русская литература, отечественная история – естественно, в контексте всего богатства национальных традиций и культур» [10].

Кризис идентичности, разразившийся в конце прошлого века, определил и ментальный разрыв в сознании социума, который привел разрушению представлений, определяющих идентификационные векторы, как развития отдельной личности, так и государства в целом. Особое значение в условиях кризиса приобретает деятельность, направленная на возрождение исторических образов и традиций в сознании подрастающего поколения, формирование представления об истории как о целостном процессе, переживающем как взлеты, так и падения. Первым государственным шагом в этом процессе является историко-культурный стандарт. Формирование единого образовательного пространства по истории является наиболее актуальной проблемой современности, когда преподавание отечественной истории происходит по учебникам, выстроенным в одной концептуальной линии, не противоречащим друг другу, а направленным на общий конечный результат – становление гражданской, исторической и культурной идентичности личности, что отвечает современным интересам государства и общества в процессе формирования идентификационного пространства. Система ценностей, сформированная у обучающегося, основанная на доводах разума и непротиворечивых знаниях – будет

конечным результатом исторической идентичности, в котором так заинтересовано государство и общество.

Развитие государства, его будущие стремления, место в мировом политическом пространстве зачастую определяются тем наследием, которое государство получило от своего прошлого. Именно через историческую идентичность происходит формирование неповторимого исторического образа государства. Отсутствие ментальных оснований и исторической идентичности, обосновывающих социуму наличие единого государства, может привести к кардинально противоположным тенденциям – стремление к разрушению созданного единства, политической, экономической и культурной независимости, а наличие государства будет восприниматься с позиций принудительного ущемления национальных интересов. Поиск ментальных оснований дальнейшего развития, как каждой отдельной личности, так и государства в целом, должен начинаться с определения роли каждого участника сложившихся отношений.

Литература

1. Дёмин И.В. Проблема исторической идентичности в постметафизической философии истории / И.В. Дёмин // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2015. № 2(18) – С. 3-18.

2. Полежаев Д.В. Идея менталитета в русской философии «золотого века». – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. – 360 с.

3. Полежаев, Д.В. Психология русского народа: социальный аспект самоидентификации (из творчества И.А. Бунина) / Д.В. Полежаев // Философия хозяйства. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – № 4 (34). С. 78-81.

4. Полежаев, Д.В. Менталитет и национальный характер образования / Д.В. Полежаев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 4 (38). С. 12-16. (Сер. «Педагогические науки»).

5. Полежаев, Д.В. Русский характер в контексте принципа открытости ментальных исследований / Д.В. Полежаев // Философия социальных коммуникаций / ВИЭСП. – 2010. – № 4 (13). С. 109-120.

6. Полежаев, Д.В. Российская идентичность в исторической динамике: ментальные аспекты исследования / Д.В. Полежаев // Известия Волгоградского государственного технического университета: межвуз.

сб. науч. ст. – № 2 (155) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2015. (Сер. «Проблемы социально-гуманитарного знания». Вып. 20). С. 29-34.

7. Полежаев, Д.В. Ментальный подход в образовании: философское измерение социальных проектов / Д.В. Полежаев // Сибирский учитель. – 2016. – № 4. С. 67-71.

8. Полежаев, Д.В. Философские основания национальной идентичности / Д.В. Полежаев // Сибирский учитель. – 2017. – № 2 (111) март-апрель. С. 60-67.

9. Поцелуев С.П. Символические средства политической идентичности. К анализу постсоветских случаев / С.П. Поцелуев // Трансформация идентификационных структур в современной России / Под ред. Т. Г. Стефаненко. М.: МОНФ, 2001 – С. 106 – 159

10. Путин В.В. Россия: национальный вопрос – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html, свободный. – Яз. рус.

11. Уваров С.С. Государственные основы. М., Институт русской цивилизации, 2014, С. 608

12. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., Политиздат, 1991. – 527 с.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖА

Валиуллина Ч.Ф.

*Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова
(ИЭУП), г. Набережные Челны*

Любой процесс обучения необходимо строить на основе следующих концептуальных положений: системности и последовательности, преемственности, личностно-ориентированного подхода, ориентации на непрерывное самосовершенствование обучаемого.

Рассмотрим подробно личностно-ориентированное общение, которое реализуется посредством деятельности, предполагающей сотрудничество, саморазвитие субъектов учебного процесса. Процесс учения рассматривается как нормальное саморазвитие личности и одновременно как его результат. Происходит смещение традиционных

педагогических ценностей в сторону процесса диалога, общения и самовыражения.

Основой процессуального характера личностно-ориентированного образования является учебная ситуация, которая актуализирует, делает востребованными личностные функции студентов. Для конструирования такой ситуации необходимо представить элементы содержания образования в виде разноуровневых задач; обеспечить усвоение содержания в условиях субъектно-смыслового общения; имитировать социально-ролевые и пространственно-временные условия, обеспечивающие реализацию личностных функций. Для организации дидактической среды, учебной ситуации, в которой будет актуализирован потенциал саморазвития студента, требуется создание игровой сферы.

Современное производство постоянно развивается, и знания, полученные студентом, постепенно устаревают. В связи с этим перед преподавателями стоит проблема формирования у обучаемых желания учиться самостоятельно. Для этого необходимо формировать и развивать у студентов колледжа в процессе познавательной деятельности такие профессиональные и личностные качества, как подход к решению задач с профессиональной точки зрения, ответственность, трудолюбие, стремление к достижению цели, гибкость мышления, любознательность, внимательность, наблюдательность. Кроме того, успешной профессиональной деятельности современного специалиста способствуют самоконтроль, рефлексия, самовоспитание, самоопределение и этическая грамотность.

В последние годы вопросам подготовки квалифицированных специалистов уделяется особое внимание. Это не случайно, поскольку вопрос о квалифицированности – это, по сути, вопрос о качестве подготовки. Если преобладают внешние, утилитарные мотивы, подготовка приобретает формальный характер, она ориентирована не на качество знаний и навыков учащихся, а на увеличение количества выпускников, т.е. штамповку «квалифицированных» специалистов.

Высшая и средняя профессиональные школы переходят на новые государственные образовательные стандарты, идёт работа по их учебно-методическому обеспечению. В этой связи, считает М. Ю. Ананченко, особое значение как на федеральном и региональном уровнях, так и на уровне образовательного учреждения приобретает вопрос о модели выпускника. Для вузов и колледжей – это вопрос о модели будущего

специалиста, а, значит, и о факторах его профессионального становления. На формирование профессиональной культуры будущего специалиста влияют как особенности самой профессии, так и иные факторы. Среди них можно выделить объективные и субъективные, более или менее значимые, личностные и социальные. Объективное воздействие оказывают общемировые тенденции в образовании, социально-философские проблемы культуры, состояние системы образования и качество образовательных услуг, культура образовательного учреждения, престижность профессии в обществе [1, с. 11].

Подготовка к успешной профессиональной деятельности должна сопровождаться самостоятельной работой личности по оценке индивидуальных особенностей, увлечений и интересов, результатов осознания уровня развития профессионально важных качеств в интересующей профессии и саморазвитием, основанном на представлении о себе как субъекте профессиональной деятельности. Исследуя данную проблему, необходимо затронуть вопрос о соотношении сформированности социально-психологических предпосылок студентов с планами деятельности и выявлении индивидуальных особенностей студентов в освоении будущих профессиональных обязанностей. В контексте нашего исследования в понятие социально-психологических предпосылок, необходимых для освоения деятельности студента, мы включаем способности, профессиональные качества личности, направленность личности, ее мотивы, интересы.

И. В. Зимняя выделяет три плана соответствия психологических характеристик человеческой деятельности: предрасположенность (пригодность), готовность и включаемость. В содержание пригодности входят тип нервной системы, возрастные свойства, а также уровень сформированности психических процессов [3, с. 67–70].

Необходимо отметить, что для овладения профессиями разного профиля нужны специальные способности. Исследования показывают, что успешно овладевают профессиями люди с сильным типом нервной системы, характеризующиеся высокой работоспособностью нервных клеток и способностью выдерживать сверхсильные раздражители. Это обеспечивает психологическую и эмоциональную устойчивость человека. Сильный тип нервной системы обеспечивает формирование таких профессиональных качеств, как самообладание, выдержка, умение правильно оценить обстановку, что, в свою очередь, способствует успеху

в профессиональной деятельности. Необходимым показателем пригодности к деятельности, например, менеджера является высокий уровень сформированности интеллекта. Он необходим для формирования аналитических способностей, а также умений прогнозировать и проектировать деятельность. Студент с высоким уровнем интеллектуального развития способен: анализировать, синтезировать, обобщать, делать выводы. У студентов со средним уровнем интеллектуального развития эти умения развиты недостаточно. Поэтому могут возникнуть проблемы при выполнении данного вида деятельности. И А Зимняя рассматривает профессиональную готовность как отрефлексированную направленность на профессию типа «человек – человек», мировоззренческую зрелость, широкую и системную профессионально-предметную компетентность, а также коммуникативную потребность [3, с. 69].

Сфера деятельности «человек – человек» требует от студентов обладания следующими качествами: устойчиво хорошим самочувствием в ходе работы с людьми, потребностью в общении, способностью мысленно ставить себя на место другого человека, способностью быстро понимать намерения, помыслы, настроения других людей, способностью быстро разбираться во взаимоотношениях людей.

В овладении личностью нравственным опытом выделяют этапы, связанные с возрастными психологическими особенностями. Однако следует учитывать, что нравственное развитие осуществляется не только до школы и в школе. Оно продолжается при получении профессионального образования, в процессе профессиональной деятельности. В 1923 г. С. И. Гессен выделил 3 ступени нравственного образования (аномия, или беззаконие; гетерономия, или чужезаконность, и автономия – самозаконность), две из которых соотносятся с дошкольным и школьным возрастом, а третья – со свободным самообразованием [2, с. 88–122].

Последовательное прохождение личностью стадий нравственного развития отметит позднее и Л.Кольберг, выделивший три уровня морального роста (доконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный). По мнению исследователя, моральное развитие инвариантно, а его уровень определяется посредством наблюдения: на первой стадии моральные размышления не выходят за пределы личного понимания; затем человек начинает учитывать интересы других людей в

группе, ориентируясь на «закон и порядок»; на третьем – постконвенциональном – уровне морального развития личность уважает права других, оставаясь верной тщательно изученным ценностям, и действует в соответствии с логично развитыми и универсальными, общепринятыми принципами. Л.Кольберг отмечает, что подавляющее большинство людей никогда не достигают третьего уровня и не являются морально автономными. При этом продвинувшиеся на более высокий уровень морального развития люди предпочитают либеральные позиции консервативным [4, с. 188–190]. Этически компетентный специалист – автономная личность, соответствующая по типологии, предложенной Л. Кольбергом, второму и третьему уровням морального развития.

Один из простых и эффективных путей преодоления этических проблем в сфере профессиональной деятельности – не иметь их. Однако избежать ситуаций, требующих этических знаний и поведения, невозможно. Поэтому необходимы специальные программы по развитию этической компетентности, интегрированные в существующую культуру организации, имеющие позитивные цели (учить и направлять, а не ловить и осуждать), сфокусированные на отличии правильного от неправильного. Отметим, что целый ряд вопросов в области этики может не возникнуть, если справедливость, уважение, взаимопомощь, доброта, дружелюбие будут фундаментальными этическими ценностями и нормами организации.

Литература

1. Ананченко, М. Ю. К вопросу о сущности и факторах становления профессиональной культуры специалиста [Текст] // Формирование профессиональной культуры будущего специалиста: Материалы X областной студенческой науч. конф. и V междунар. педагогических чтений / Сб. ст. и тезисов / Под ред. М. Ю. Ананченко, П. Е. Овсянкина. – Архангельск: Издательство СГМУ, 2003. – С. 11.

2. Гессен, С. Й. Основы педагогики. Введение в прикладную философию [Текст] / С. Й. Гессен. – М.: Школа пресс, 1995. – 448 с.

3. Зимняя, И. А. Педагогическая психология: Учеб. пособие [Текст] / И. А. Зимняя. – М.: Логос, 2003. – 383 с.

4. Corporate Etics: A Prime Business Asset. Ed. Keogh James. – N. Y: The Business Roundtable, 1988.

ТАТАРСКИЙ ЧЕЛОВЕК: МОДЕЛЬ ТАТАРСКОГО ЧЕЛОВЕКА В ТАТАРСКОМ ЭПОСЕ

Гагаев А.А., Гагаев П.А.

Мордовский государственный университет, г. Саранск

Этноэпические нарративы развиваются согласно стадиям развития татарского этноса в формах добулгарской булгарской, средневековой Золотоордынской (расцвет культуры и упадок) культуры, Казанского ханства, фольклора XVIII-XIX веков, XX века, XXI века. В этих нарративах реализованы формы архаического героя («Туляк», борьба с природой), классического героя («Идегей», борьба с внешними и внутренними врагами и формирование этноса татар), религиозно-дидактического героя исламского типа (Кыссаи Сякам, борьба с врагами и победы на основе веры-ислама). Эти герои являются и архетипами – «Идегей», Чур батыр, Сякам, Субра; архетипы мифического характера – Алып, Аджаха и др. Крупнейшие герои периода Заката Золотой Орды и татар – Ногай, Мамай и Идегей. Но основной именно общетюркский и вместе с тем татарский герой и эпос – Идегей. Суть его – именно становление татарского этноса и татарской идентичности и идентификации булгарских, угро-финских, славянских, монгольских, среднеазиатских генотипов татарской умме, отличая получившуюся целостность в борьбе с внешними и внутренними врагами от указанных этносов в деятельности Идегея и его 17 сподвижников, членов уммы как 12 апостолов Христа! Первообраз «Идегея»: естественность жизни и изменения со стороны младшего поколения в отношении своего внутреннего мира и старшего поколения в умме, формируя новую государственность нового народа; тип исламского человека, видящего невидимое и слышащего неслышимое в коллективном познании в исламских формах в умме (иджтихад, иджма, бидда, кыяс, сахих, иснад, тафсир, тавил, таклид и т.п.), и реализуя путь справедливости – Аллаха и целостности; структура мышления на основе условно-категорических умозаключений в идеале исламской жизни в умме – будущая жизнь определяет и исправляет жизнь настоящую; совместимость, выводимость, следование булгарской, угро-финской, монгольской Чингиза, среднеазиатской, славянской примордиальных традиций в иерархии Ислама, преемственность и наследование таким образом, что младшее поколение определяет старшее, которое входит в иные традиции и не

уверовало в умме; идеал целостности и порядка в умме; идентичность и идентификация в имя татар на основе совместимости суннитской и шиитской версии ислама (халиф Али) и осуществлении справедливости Уммой как субъектом формы жизни; телеология Родины, справедливости, Дома и преемственной связи поколений и наследования, преодолевая конфликт поколений в умме; циклы борьбы уммы с внешней и внутренней опасностью (разгром Витовта, захват Хорезма, поход на Москву, некоторое восстановление мощности и стабильности Золотой Орды) и гражданская война, приведшая к гибели Золотой Орды и Казанского ханства, гибель цивилизации, трагедия оккупированного народа и исчезновение эпоса в большой форме, сосредоточение на исламе как основе самосохранения; стандартные переменные татарского исторического действия, предполагая вооруженную борьбу за свободу и независимость, и покорность превосходящей силе русского государства.

Исламский этноэпический умма – нарратив Идегея:

Умма, познание в умме и сон Абу Бакра:

Еще Идегей сказал так:

«Свояк – не свояк, земляк – не земляк,

Разве не все мы – одно?

Не каждому разве дано

Семнадцать верных друзей?

Семнадцать, храбрых семья,

Семнадцать, радость моя!

Умоемся на заре,

Усядемся на ковре.

В отгадчики вас я беру.

Видел я сон в эту ночь.

Если мой сон к добру.

Истолкуйте его к добру.

А если мой сон дурной, –

Когда ж не к добру мой сон, –

Семнадцать, вокруг меня

Стойте крепкой стеной!

[Идегей: татарский народный эпос: пер. с татар. С.Липкина / Науч. ред. М.А. Усманов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. – 256 с.]

Мотив 16 – мотив вражды людей, которые живут страстями, собственностью и властью, это и мотив 6 – противоречивости, а вместе –

мотив жажды справедливости, как предпосылка к созданию коллектива, который борется с несправедливостью за свой народ. «Он сотворил человека из капли. И вот, он – открыто враждующий» (Св. Коран, Сура 16 Пчелы: 4(4)). «и приметы, а по звезде они находят дорогу. Неужели тот, кто творит, таков же, как тот кто не вторит? Неужели вы не опомнитесь?» (Св. Коран, 16:16-17(17)). «Поистине, Он не любит возносящихся!» (Св. Коран, 16:25). «Терпи же, ведь твое творение – только с Аллахом, и не печалься за них и не будь в стеснении от того, что они ухищряются (128). Поистине, Аллах – с теми, которые боятся, и теми, которые делают добро!» (Св. Коран, 16:128 (127)). Мотив 17 – ветхозаветный мотив Ноева ковчега и строительства из него Дома с 17-ю дверьми (Быт. 8:20). Имеет место 17 свечей у Гроба Господня. Фаридаддин Аттар: «Вменил Он (число) 17 более остального». Число 17 представлено в доме – мечети пророка Мухаммада. В пяти молитвах мусульман имеет место 17 коленопреклонений. Племя курайшитов, из которого происходил пророк Мухаммад, имеет 17 родов, то есть число 17 – число, представляющее пророка Мухаммада. Число 17 в мусульманском творении присуще Престолу, а 18 тысяч созвездий – следующее творение. Но число 17 представлено как числа 7 и 17 ударов палкой в Яссе Чингисхана. А Идегей творил суд по Яссе Чингисхана, поэтому число 17 – число Идегея, и в этом числе тождественные пророк Мухаммад, Чингисхан и Идегей, который продолжает традиции Чингисхана в традиции пророка Мухаммада и сам Идегей – воплощение Чингисхана и пророка Мухаммада – Посланник, который пришел к становящемуся татарскому народу, начал его творение в катастрофе Золотой орды и начал это творение созданием уммы из 17 свидетелей его прихода. Катастрофа – число 18. Число 17 – Надежда и новое творение этнического мира в исламской вере и умме – прообразе целостного татарского этноса, встающего из пепла Золотой Орды. 1 – Аллах, а 7 – Возмездие и Награда в этой и будущей Жизни, Его суд! Семнадцатая сура Корана – Знание Корана и требование быть верными в Исламе Пророку Мухаммаду (Идегею) (17 Перенос ночью: 87(85)-90(88)). Это предупреждение тем, кто не познает Коран: «И оставили Мы ее знамения, но найдется ли хоть один припоминающий?» (Св. Коран, 54 Месяц: 15(15)). 17 – истина и справедливость осуществления учения Аллаха в жизни. «Должное! Что такое истинное?.. И ослушались они посланника Господа своего, и схватил Он их хваткой великой... чтобы сделать это для вас (крах

Золотой Орды и падение Казани – *А. А. Гагаев*) напоминанием и чтобы внять этому могло ухо внимающее... вот в тот день падет падающее, и небо расколется, и будет оно в тот день слабым.. . Ниспослание от Господа миров... И ведь он – истина несомненности» (Св. Коран 69 Неизбежное: 1-52(52)). Истина в Пророке и Идегее – сближение Неба и Земли, утверждение Дома Али: «И сказано было: «О земля, поглотит твою воду; о небо, удержишься!». И сошла вода, и свершилось повеление, и утвердился он на ал-Джуди, и сказали: «Да погибнет народ неправедный!»... «Сказал: «О Нух! Он не из твоей семьи; это – дело не праведное; не спрашивай же Меня, о чем ты не знаешь. Я тебя увещаю не быть из числа неведующих» (Св. Коран, 11 Худ: 46(44)-48(46)). «Пребывайте в своих домах и не украшайтесь украшениями первого неведения... Выстаивайте молитву, давайте очищение и повинуйтесь Аллаху и Его Посланнику. Аллах хочет удалить скверну от вас, семьи его дома и очистить вас очищением (Св. Коран, 33 Сонмы, 33(33)). Сакалейн: «Пророк в местечке Хум между Меккой и Мединой произнес проповедь и сказал: «Я оставляю среди вас две драгоценности. Первая из них это Книга Аллаха, в ней истинный путь, так держитесь за Книгу Аллаха. И мое семейство. И Я напоминаю вам про мое семейство, Я напоминаю вам про мое семейство». Две драгоценности: Книга Аллаха ахль аль-бейт – семейство или род Пророка: Мухаммад, 12 имамов; Али, Фатима, Хасан, Хусейн, но не жены – не Айша, не Умм Салам. «И мы облегчили Коран для поминания, но найдется ли хоть один припоминающий!» (Св. Коран, 54 Месяц: 17(17)). «И погубили Мы вам подобных, но найдется ли хоть один припоминающий?» (Св. Коран, 54 Месяц: 51(51)). Пророк Мухаммад повторяет это суждение в суре несколько раз. Так же высказался Христос: «Но Сын Человеческий придет найдет ли веру на земле?» (Лк 18:8). 19 – число тех, кто попадет в Ад! «Над ним – девятнадцать» (Св. Коран 74 Завернувшийся: 30). 17 – и мусульманский человек – связь видимого и невидимого, а человек – Свидетель пришествия Идегея Посланника, который видит невидимое и слышит неслышимое, даруемое Аллахом! Отрубленная Голова Посланника предсказывает будущее и Ад и жизнь этноса в исламе и исламской умме. Посланник погиб, но созданная им умма продолжила жизнь. Это суть Идегея. Это исламский суннитско-шиитский нарратив Идегея. «Для тех, которые не веруют в будущую, – притча о зле, а для Аллаха – притча величайшая. Поистине, Он – велик и мудр!» (Св. Коран, 16:62(60)). 16 –

прообраз краха тех, кто не верит в будущую жизнь (страсти) и предсказание перехода к 17 или будущей жизни! «Когда солнце будет скручено, и когда звезды облетят, и когда горы сдвинутся с мест. Куда же вы идете?» (Св. Коран, 81 Скручивание: 1(1)-3(3), 26(26).

Число 7 и 17 фиксируют периодичность свойств химических элементов в периодическом законе Д. И. Менделеева. Оказалось, что элементы с одинаковыми химическими свойствами повторяются периодически через 7 или 17 мест. Так, например, после щелочного металла лития через 7 элементов снова появляется щелочной металл натрий, а ещё через 7 элементов – тоже щелочной металл калий, затем период становится длиннее; щелочной металл рубидий стоит на 18-м месте после калия, цезий – на 18-м месте после рубидия.

В Идегее вводится модель именно татарского исламского человека: фитра и фатр; видеть невидимое и слышать неслышимое в исламской вере в коллективном познании в умме (иджма, иджитхад, тавил и тофсир – так познает в своих речах и диалогах, монологах Идегей и Субра), идя не вслед, а навстречу Аллаху – Сякам; условно-категорические умозаключения и субъективная вероятностная модель истины в конструировании нарратива будущего; синтез суннизма и шиизма, отношения совместимости, выводимости, следования в Евразии; формирующаяся умма как субъект формы жизни и её законодательство; идентичность и идентификация в Евразийский этнос, поддерживая свое различие от других евразийских этносов и русских, в особенности на основе суннитского ислама, исламское образование и философия, исламско-татарский патриотизм; (как отмечает А.Г.Сабилов, именно ислам и исламская философия позволили этносу сохранить себя в русском государстве), телеология справедливости и достатка с позиций общего блага уммы – этноса; циклы борьбы уммы с ассимиляцией и русификацией, борьба Чур-батыра с русской экспансией; активная деятельность, вооруженная борьба и татарское просвещение, интегрирование в турецкую и арабскую исламскую культуру и философию, развитие форм татарстанизма. Человек и Личность в исламе, полагает Али Шари ати, тот, кто хорошо понимает божественные нормы; видит и слышит невидимое, не видит противоречий в Таухиде; любит Аллаха и идет навстречу Аллаху; руководствуется фитра и фатр – естественностью Природы и Традиции; находится наедине с Аллахом; живет в умме; имеет целью совершенствование себя и мира,

справедливость на Земле, отрицая прометеевского человека; осуществляет борьбу за справедливость; действует в аттиномии ненасилия. Любовь к Богу выше знания. Гайфутдинова Р. М. показывает типологические сравнения мотивов этноэпических татарских нарративов и нарративов других эпосов и сказок народов мира. Это такие мотивы как типология батыра (Гильгамеш и Энкиду шумер), образ волка в тюркских сказках, сказания об Алыпях (Улып в Чувашии, Корт-Айк и Яг-Морт удмуртов, Хель – гниющая богиня скандинавов), сказание об Ак-батыре (мотив взгляда, который убивает; это мотив индусской мифологии о Боге Шани, который отрезает части тела взглядом – отрезал голову Ганеши), дастан «Алпамша», чудесного рождения ребенка и попыток убить этого ребенка злыми силами, мотив конечной гибели героя в борьбе с необходимостями ради жизни этноса. Имеет место персидско-иранский и тюркский мотив близнецов и близнецового мышления. Идегей и Кин-Джанбай, Алып – близнецы как антагонизм добра и зла, но не исследует этот мотив в аналогии в персидском зороастрийском эпосе (Дух добра и дух зла – Ахура Мазда и Спента Майнью и Анххро Майнью); существует форма именно близнецового мышления (удмурты, коми, нанайцы, чукчи, русские, татары, армяне, венгры, финны). Таким образом показывается и Тохтамыш как образ деградирующего человека, как получеловека, в жестокости убивающего младенцев. Это образ Получеловека – Палэсмурта удмуртов; Боку, Какзаму, Агды-Грома, Хима-амбы, Ганки нанайцев; Корт-Айка и Яг-морта коми; Кровавого Обманщика и богача Мотлинто и Кочатко (полумедведя – получеловека) чукчей, Шурале татар, Куйгорожа мокшан, троллей шведов, норвежцев и финнов – мотивы Алыпов.

Литература

1. Гагаев А. А. Философия татарской сказки. – Саранск-Пенза: 2017. – 90 с.
2. Гайфутдинова Р. М. Философско-культурологический дискурс ценностных смыслов татарских этноэпических нарративов. Дисс. на соиск. уч. ст. к.ф.н. по спец. 24.00.01 – Теория и история культуры. – Казань: 2017. – 170 с.
3. Идегей: татарский народный эпос: пер. с татар. С.Липкина / Науч. ред. М. А. Усманов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. – 256 с.
4. История современной зарубежной философии: компаративистский подход. – СПб.: 1997. – 480 с.

5. Никольский А.Б., Суворов А.В. Химия. Учебник для вузов. – СПб.: Химиздат, 2001. – С. 224-238.

6. Сабиров А.Г. Татарская философия: история, сущность и роль в духовном развитии татарского народа. – Елабуга: Изд. Филиала КФУ в г. Елабуге, 2012. – 158 с.

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ В ОБРАЗАХ КИНЕМАТОГРАФА ДОКОМПЬЮТЕРНОЙ ЭПОХИ

Гайнутдинов Р.Р.

*Елабужский институт Казанского (Приволжского)
федерального университета, г. Елабуга,*

В настоящее время перед человечеством остро стоит проблема виртуализации бытия человека, как индивидуума и вида. Такому положению вещей способствует не только высокий уровень технологического развития, но также экономические и социальные особенности современного мира. У большинства населения планеты наблюдается изменение мировоззрения в отношении виртуального. Морально люди готовы к возникновению виртуальности, к виртуализации собственной жизни, и одна из главных заслуг в популяризации этих идей виртуальности принадлежит кинематографу – как одному из самых востребованных и наиболее технологичных искусств, что позволяет создавать максимальный эффект присутствия в виртуальной реальности.

Несмотря на то, что человечество готово к появлению виртуальной реальности, а частично уже и массово пользуется такими её дарами, как электронная почта, безналичный расчёт, покупки через интернет и прочее, не существует исчерпывающего понимания того, что такое виртуальная реальность. Кроме того, появление виртуального предсказывали задолго до воплощения его в жизнь различные творцы художественными средствами.

Произведения искусства любого жанра и вида являются в какой-то мере объектами виртуализации пространства. Однако из всех искусств именно кино находится наиболее близко к полноценному воплощению виртуальной реальности. Именно поэтому кажется наиболее интересным исследовать, каким образом презентуется идея виртуальности в кинематографе.

В философию термин «виртуальное» введён Фомой Аквинским в XIII веке, в работе «Сумма теологии». Примером употребления им данного термина может быть его суждение о богословии: «И это ясно также из начал этой науки (которые суть вероучительные догматы), которая относится к Богу; но субъект начал и всей науки – одно и то же, поскольку вся наука виртуально содержится в началах [3; с. 12]». Таким образом, изначально слово «виртуальное» употреблялось в значении «потенциальное»: начала науки содержат в себе все её выводы в той мере, в какой причина содержит следствие. Позже данный термин стал применяться, как синоним слов «недействительное», «иллюзорное», «искусственное». Само понимание виртуальности (т.е. нереальности) сущего, пусть и без использования данного термина, занимало философов давно. Например, ещё Платон в своей теории идей говорил о двух уровнях реальности – мире вещей и мире идей [2; с. 311-313]. При этом материальный мир он определяет, как ненастоящий, являющийся лишь искажённым отражением мира идеального, подлинного. Рене Декарт в трактате «Первоначала философии» также подвергал сомнению реальность мира материи, единственной подлинной реальностью объявляя реальность сознания (мышления): «Положение: «Я мыслю, следовательно, я существую» – первичное и достовернейшее из всех, какие могут представиться кому-либо в ходе философствования. Из этого мы познаём различие между душой и телом, или между вещью мыслящей и телесной» [1; с. 409]. Как видим, вопрос о подлинности и виртуальности сущего волновал философов всегда.

Виртуальная реальность – это информационная среда, воспринимаемая сознанием человека, как реальность, отличная (а в некоторых случаях и неотличимая) от сущего. Последний на сегодня и наиболее, если угодно, виртуализированный метод виртуализации появился с возникновением и развитием компьютерных технологий. Виртуальная реальность, созданная при помощи компьютеров, подарила пользователям то, чего не смогли все остальные способы виртуализации – интерактивность. А технические приспособления, такие как виртуальный костюм, очки и шлем, обеспечили полную чувственную симуляцию – человек видит, слышит и осязает то, чего не существует вне симулятора. Два этих слагаемых вместе дали то, чего не хватало в виртуализациях на ранних этапах развития цивилизации – настоящий эффект присутствия.

Современный интернет объективно является реальностью, существующей вне классического мира материи.

Именно в таком виде понятие «виртуальная реальность» и было представлено широкой общественности. Массовая культура приняла киновизуализацию компьютерной виртуализации «на ура» и в сознании рядового обывателя, благодаря таким кинохитам, как «Матрица», «13-й этаж», «Хакеры», «Джонни-мнемоник», «Призрак в доспехах», «Авалон», «Нирвана», виртуальная реальность напрямую связана с компьютерными технологиями. Но и в докомпьютерную эпоху вопрос реальности бытия волновал человечество. Поэтому отдельный интерес вызывает то, каким образом виртуализация бытия была оформлена в докомпьютерном кинематографе. Рассмотрим ряд картин, которые наглядно демонстрируют, каким образом мог быть воплощен процесс виртуализации в эпоху без компьютеров.

В 1969 году выходит в кинопрокат лента американского режиссёра Джека Смайта «Человек в картинках», поставленная по рассказам Рэя Брэдбери и основанная на четырёх новеллах, одна из которых – «Вельд» – рассказывает о семье, живущей в автоматизированном доме с особой детской комнатой. Фильм поднимает множество проблем, с которой пришлось столкнуться спустя почти полвека после его создания. Распространённый в наше время синдром интернет-аддикции, когда пользователи глобальной сети не хотят выходить из неё, постоянно желают находиться на связи со своими подписчиками в социальных сетях, пренебрегая реальностью вне интернета – это не придуманный недуг, а реальная угроза, которая подпитывается всё усиливающимся процессом виртуализации.

Прозорливость Брэдбери заметна и в другом фильме, снятом в 1966 году. Это лента «451 градус по Фаренгейту» французского режиссёра Франсуа Трюффо. Антиутопия о мире, в котором запрещена литература, иллюстрирует виртуализацию бытия посредством телевидения. Оно полностью заменяет супруге главного героя повседневную реальность. Экраны величиною со стену постоянно транслируют в режиме прямого эфира нескончаемое ток-шоу с интерактивным эффектом присутствия. Телезвёзды становятся зрителю ближе родственников, практически членами семьи.

Менее пессимистичен советский кинематограф. Кинодиалог советского режиссёра Ричарда Викторова, состоящая из фильмов «Москва – Кассиопея» (1973) и «Отроки во Вселенной» (1974),

демонстрирует прямо противоположный эффект от комнаты отдыха, аналогичной детской комнате из «Человека в картинках». Эта комната установлена на звездолёте и используется для расслабляющего времяпровождения во время длительного космического путешествия в другую Галактику. Она действительно приносит пользу, психологически разгружая экипаж, вынужденный проводить долгое время в ограниченном пространстве космического корабля. Интересно, что физическое воплощение обстановки и предметов виртуализации в советской картине – данность, задуманная конструкторами и обеспеченная технически (герои ушибаются о скульптуру, мокнут в воде, окунувшись в ванну), а в американской ленте – дефект, который приводит к трагическим последствиям (львы иллюзорной Африки оказались живыми и сожрали родителей).

Также идея использовать виртуализацию в развлекательной индустрии великолепно воплощена в картине «Мир Дикого Запада» (1973) Майкла Крайтона. Атракцион, аутентично воплотивший на многоакровом участке земли эпоху Фронтiera – затея масштабная и амбициозная. Конечно, принёсшая своим создателям огромную прибыль. Позднее, в 1990-х годах, Крайтон модифицировал идею и придумал ещё один всемирно известный парк развлечений – «Парк Юрского периода», вместо ковбоев населив его динозаврами.

Стоит отметить, что виртуализация докомпьютерной эпохи имеет одну отличительную особенность – в её пространстве люди находятся физически, в то время как киберпейс (термин, обозначающий глобальное виртуальное пространство, созданное посредством компьютеров, впервые введён в обиход писателем Уильямом Гибсоном в 1982 году) пользователи посещают мысленно, вступая в нейронную связь с кибернетическими устройствами. До сих пор такого рода связь остаётся фантастическим допущением, несмотря на то, что глобальная компьютерная сеть, предсказанная фантастами в конце 70-х годов прошлого столетия, уже существует.

Подводя итог своему обзору, хочется обратить внимание на следующие аспекты:

во-первых, деятели докомпьютерного кинематографа рассмотрели не только развлекательный потенциал виртуализации, но и практическую пользу, сейчас использование виртуализации гораздо шире самых смелых прогнозов – электронные финансы, интерактивные конференции, облачные

хранилища информации, это и многое другое уже воплощено, интегрировано и является незаменимым элементом бытия современного общества;

во-вторых, несмотря на наиболее полную реализацию потенциала виртуализации в компьютерной её разновидности, не стоит списывать со счетов виртуализации творческую, биохимическую и технологическую, существует множество областей человеческой деятельности (от лечения психических заболеваний до тренировки специалистов узкой направленности), в которых они с успехом применяются.

Литература

1. Декарт Рене. Начала философии/ Рене Декарт. Избранные произведения. К трёхсотлетию со дня смерти. Пер. с фр. и лат. и вст. статья В.С. Соколова. – М.: Госполитиздат, 1950. 714 с.

2. Платон. Государство/Древнегреческая философия. От Платона до Аристотеля: Сочинения. / Пер. древнегреч.; Худож. П. Сацкий. – Харьков: Фолио, М.: ООО «Фирма «Изд-во АСТ», 1999. – 832 с.

3. Святой Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть первая. Вопросы 1-64. Под редакцией профессора Н. Лобковица и канд. филос. наук А. В. Апполонова. Перевод А. В. Апполонова. – М.: Издатель Савин С.А., 2006. 870 с.

ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

Галимов И.Р., Сафина Л.А.

Казанский национальный исследовательский технологический университет, г. Казань

Образование является фундаментом развития человеческого общества, позволяя передавать накопленный опыт, знания и умения от одного поколения людей к другому. Воспитательная функция образования задействует также культурную составляющую человеческого развития, которая, в свою очередь, является неотъемлемой частью восприятия окружающего мира в целом, и людей в нем в частности.

Сформированная в настоящее время образовательная система требует концептуального пересмотра. Богатое наследие советской системы имеет существенный недостаток – она была ориентирована на потребности государства, что, к примеру, выражалось в

политизированных научных дисциплинах, затрагивающих положения марксизма-ленинизма.

Современный рыночный уклад в экономике требует пересмотра данной позиции. Один из принципов стандарта ISO 9001: 2015, реализующего основы системы менеджмента качества в современных организациях, является ориентация на потребителя [3].

Педагог является субъектом образовательного процесса, поэтому также несет ответственность за его качество и способен частично перестроить образовательный процесс под отдельно взятые требования обучающихся.

Нацеленность на адаптивную модель обучения, обеспечивающую равноправный доступ к качественному образованию в 60-е годы двадцатого века сформирована опираясь теоретический подход Mastery learning, разработанный Б. Блумом. Ее сущность в том, что существует возможность существенно улучшить результаты обучения, если поставленные цели тщательно формулируются, урок разделяется на временные промежутки и время обучения варьируется. Концепция Mastery learning – это фундамент всех современных концепций индивидуализации обучения.

Европейские представители естественно-научного течения в педагогике рассматривали человека как природное существо, уделяя его биологической части ведущее значение. Субъективная (личностная, социальная) природа личности выводится из естественной природной и рассматривается как продукт биологических свойств и различных врожденных реакций, совокупность которых и составляет личность человека. Данный посыл экстраполировалась в область педагогической практики, направляя её на реализацию природных данных.

Завершая анализ сущности человека и его развития в рамках естественно-научного педагогического течения, подчеркнем тот факт, что она разрабатывалась в рамках сциентистского подхода: информация естественных наук о природе выступала аксиомами также и для педагогического знания. Это повлияло на обновление исследовательского аппарата педагогики, к смене ранее существующих приоритетов в педагогической проблематике. Методологической основой концепции человека, при этом, выступала теория эволюции. Она сформировала натуралистический подход к пониманию человеческой природы как природы особого вида животного.

Существующие наработки ученых в данном направлении рассматривали человека как живое существо на высоком уровне развития, дух и разум которого представляют собой всего лишь возведенные на новый уровень высшие психические способности животных. Учитывая биологический фундамент, поведение человека рассматривалась теперь в разрезе «стимул-реакция» [2].

Другое направление концептуализации человека в педагогике – психологический гуманизм, который берет свое начало в середине двадцатого века и противопоставит существующему бихевиористскому подходу к личности, был представлен Г. Олпортом, А. Маслоу, К. Роджерсом. А. Маслоу считал, что суть гуманистического воспитания заключается в раскрытии педагогом того, что в человеке уже заложено изнутри, в его психологическом восприятии окружающего мира.

Учение, которое направлено во внешний мир, уступает место учению, которое направляется в противоречивый внутренний мир человека. В этом случае открывается путь к самоактуализации. Данная философия охватывает темы жизненной цели, деятельности общества и некоторые другие аспекты человеческого существования [1].

Таким образом, существующие педагогические концепции позволяют ориентировать образовательный процесс на потребителя и адаптировать его. В процессе педагогической деятельности как внешнее стимулирование человека, соответствующее бихевиористскому подходу к личности, так и создание условий для мотивации и самоактуализации, соответствующее психологическому гуманизму, а также дополняющая их концепция Mastery learning должны, прежде всего, учитывать требования и особенности объекта педагогической деятельности – человека.

Литература

1. Бокова Т. Н. Анализ основных философско-педагогических концепций США в XX веке // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. №2-1. С.110-114
2. Бузыкова Ю. С. Разработка концепции человека и его развития в рамках естественно-научного педагогического течения (конца XIX-начала XX вв.) // ОНВ. 2006. №10-2. С.156-160
3. Никаноров П. А., Езрахович А. Я., Дзедик В. А. ИСО 9001: 2015. Третий звонок //Стандарты и качество. – 2015. – №. 6. – С. 22-26.

ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СССР В 1930-Е ГГ

Гарифзянова А.Р., Каишев И.Н.

*Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального
университета, г. Елабуга*

Для современной России сегодня характерна интересная тенденция, связанная с идеализацией советского через масс-медиа, а происходит это на экране телевизора, в Интернете и во всевозможных средствах массовой информации. Молодежь, которая не была свидетелями того времени зачастую идеализирует те образы, которые транслируют нам с экранов телевизоров. Поэтому происходит создание вымышленного (нереального) образа советской молодежи и соответственно мы видим сравнение советской идеальной молодежи с современной. Советская молодежь представлялась не только через рассказы, песни, мероприятия, и, в целом, молодежную политику в сфере спорта и физкультуры, но прежде всего, через самый доступный агитационный инструмент – плакат. Визуальные образы советской молодежи легко считывались и были понятны всем. Поэтому возможность рассмотреть, какой была молодежь в 1930-е годы, а также как конструировался их образ через плакаты, является актуальной темой для современного исследователя.

Объектом исследования стала советская молодежная политика в области физкультуры и спорта. Предмет: советские плакаты о спорте и молодежи 1930-х годов, как способе визуального конструирования образа советского молодого человека.

Мы опирались на работы, связанные с изучением советских агитационных плакатов. Так были использованы статьи: Воропаева Д.В. «Особенности советского агитационного спортивного плаката», где автор показывает особенности и значение агитационных плакатов о спорте [1, С.167]. Также Лежень Евгений Евгеньевич «Плакат как средство политическом агитации в 1917 1930-е годы», где показаны, какую роль в агитации и идеологизации играли советские плакаты [2, С. 121].

В данном исследовании были использованы общенаучные и социологические методы исследования. Для изучения основных векторов молодежной политики в 1930-е гг. был использован анализ источников и литературы по заявленной теме. Из социологических методов был использован метод семиотического анализа, где образ интерпретируется

как знак или система знаков. Семиотика – это прежде всего анализ знаков и символов. На изображениях отдельный элемент может выступать как отдельный знак или система.

Исходя из всего вышесказанного, целью данной курсовой работы является изучить, каким образом конструировался образ молодого советского человека через визуальные образы советских плакатов о спорте 1930-х годов.

Данная цель реализуется путём решения следующих задач:

1. Изучить, какую роль играл советский плакат в формировании образа советской молодежи.
2. Осуществить и обосновать выборку советских агитационных плакатов, связанных с заявленной темой.
3. На основе семиотического анализа дать интерпретацию образов в выбранных агитационных плакатах.

Советские агитационные плакаты стали одним из символов той эпохи. Агитационный плакат как главное средство информации, агитации и пропаганды имело огромное значение в воспитании и информировании молодежи. В советском изобразительном искусстве агитплакат – особенно после Октябрьской революции 1917 года – самое распространенное явление. Он позволял донести до широких масс всю необходимую информацию о событиях в стране и за рубежом. Оформлением агитплакатов часто занимались известные советские художники среди которых были: Родченко, Дени, Моор, Кустодиев, Черемных, Малютин.

Плакат долгое время занимал лидирующие позиции в системы изобразительного искусства. Среди причин данной тенденции была: массовость, коллективный характер работы по изготовлению, а также связанная с отходом от искусства как досугового потребления. Поэтому неудивительно, что он стал одной из доминирующих форм искусства и пропаганды.

Для анализа были выбраны советские плакаты о физкультуре и спорте 1930-х гг., где показаны молодые девушки и парни, чтоб рассмотреть, как и через что конструировался образ молодежи того времени.

Для выявления особенностей в конструировании образа молодежи был использован семиотический анализ.

В семиотической интерпретации образ является знаком или системой знаков, за которыми скрываются культурные значения. «Семиотика представляет собой коробку, полную аналитических инструментов, которые служат для того, чтобы разложить образ на части и проследить, как каждая из них функционирует по отношению к более широкой системе значений (...) Необходимо использовать понятия, которые точно описывают значения, навеянные этим образом». Семиотический анализ имеет, главным образом, формальный характер и устанавливает процедуры, с помощью которых реализуются значения образа [3, С.84]. В семиотической интерпретации образ является знаком или системой знаков, за которыми скрываются культурные значения, поэтому основой семиотического анализа является расшифровка выбранных знаков.

Первое, что бросается в глаза – это обилие красного цвета на каждом из представленных плакатов, то есть красный цвет стал одним из символов советской эпохи, поэтому неудивительно, что он используется как один из основных, точнее советских цветов. Вторым доминирующим цветом выступает белый, как цвет чистоты и открытости, притягивающий внимание и вызывающий спокойствие.

Образ идеальной молодой девушки сталинских времен представлен. Сразу видна общая аккуратность, чистота одежды, широкое здоровое тело, эмоции показывают неподдельное счастье. Обе девушки очень агендерны, волосы короче плеч, отсутствие макияжа, перед нами, прежде всего, здоровое спортивное тело. Мы видим зачастую, что на заднем плане большое количество детей, которые являются приемниками физкультурного движения. Главными атрибутами одежды становятся мешковатые шорты и футболки.

Мужской образ, в свою очередь, имеет ярко выраженную мускулатуру при этом тоже главным атрибутом одежды является шорты и футболка.

Каждый из плакатов связан с парадом физкультурников, которые в 1930-е годы стали значимым атрибутом публичной советской политики в сфере спорта и молодежной политики.

Акценты сделаны в плакатах, в основном, на внешних качествах – спортивной фигуре, хорошем самочувствии, которое выражается в широкой улыбке, демонстрации силы, мощи и физической выносливости.

К ценностным характеристикам, которые демонстрируются на данных плакатах являются: мужество, воля, здоровье, сила.

Данные плакаты демонстрируют массовость и всеохватность физкультурной программы. На агитационных плакатах наглядно показано, как на заднем фоне все советские люди являются участниками физкультурного движения.

На плакатах слабо различается индивидуальность каждого отдельного человека, люди воспринимаются как общая безликая масса. Коллективное начало – доминирует через разного рода визуальные знаки в рассматриваемых плакатах.

Таким образом, мы видим, что агитационный плакат является важным пространством создания представлений о том, каким должен быть советский молодой человек, к чему он должен стремиться и как должен жить. Плакат превращается в своеобразный язык коммуникации власти и молодежи. Анализируя плакаты рассматриваемого времени, в целом, понятны основные ожидания власти от советской молодежи «как надежды». Вообще данный конструкт «молодежь как надежда» окончательно сформировался именно в 1930-е годы. Об этом в своей книге «Молодежь. Открытый вопрос» пишет Омельченко Е.Л.: «С молодежью связываются самые лучшие идеи будущего социального устройства мира, жизнь взрослых рассматривается как некий залог будущего счастья детей. В будущий период переносятся модели гармоничного сосуществования людей всех социальных групп. Ныне живущая молодежь приобретает некоторые преимущества перед взрослыми, поскольку именно она уже сегодня несет в себе «светлое» завтра – этому представлению соответствуют разнообразные идеологизированные конструкции молодежи, в том числе и теории коммунистического воспитания молодежи» [4, С.9]. Советский плакат в сфере спорта носит идеологизированный характер и его основными функциями остается пропаганда и конструирование образа правильного советского человека.

Литература

1. Воропаев Д.В Особенности советского агитационного спортивного плаката // Проблемы совершенствования физической культуры, спорта и олимпизма. – 2015. – №1. – С. 161-169.

2. Лежень Е.Е. Плакат как средство политическом агитации в 1917-1930-е годы // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2013. – №3 – С.122-124.

3. Штомпка П. Визуальная социология. – М.: Логос, 2007. – 168 с.

4. Омельченко Е.Л. Молодежные культуру и субкультуры. – М.: Институт социологии РАН, 2000. – 214 с.

ОБРАЗЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г.ТУКАЯ

Гаффарова А.А., Ибрагимова А.З.

*Елабужский институт Казанского (Приволжского)
федерального университета, г. Елабуга*

Произведения Г.Тукая являются одними из наиболее читаемых и изучаемых современниками и подталкивают на изучение его творчества, выразившего как в качественном изложении и переводе европейских и русских поэтов и писателей, так и в собственном неповторимом творчестве, увековечившим Г.Тукая. По мнению В.М. Жирмунского: «Ни одна из величайших национальных литератур не развивалась в отсутствие творческого взаимодействия с литературами иных народов», [1, с. 264]. Действительно, развитие национальных литератур зачастую осуществляется вследствие межлитературного взаимодействия, который обогащает их другими формами и жанрами, мотивами и образами.

В истории множества национальных литератур выделяются периоды, когда межлитературный диалог становится причиной невероятного скачка. В татарской литературе начала XX века, например, мощнейшим катализатором, оказавшим существенное влияние на идейно-эстетическое содержание и поэтику, явился синтез многовековых традиций Востока с достижениями словесного искусства Запада. Татарская литература начала XX века ассимилировала и впитывала достижения русской и западноевропейской литератур достаточно своеобразно. Достаточно часто происходил и прямой перевод текстов, и соотношение различных национальных образов и мотивов, смешение и взаимопроникновение жанров. Наиболее продуктивной и действенной с точки зрения обогащения национальной литературы было, на наш взгляд, смешение и взаимопроникновение, когда происходило

взаимовоздействие целых моделей мира. Именно данное явление прослеживается в творчестве молодого Г.Тукая.

Авторские переводы и переложения на татарский язык у Г. Тукая всегда отличались очень точной передачей смысла произведений [2, с.52]. Становление и развитие художественного стиля изложения и литературно – поэтического языка Г. Тукая сыграли немаловажную роль множество различных факторов, к которым смело можно отнести к примеру переводы басен русских поэтов. По мнению профессора И. Нуруллин, поэт только «в 1906 году опубликовал в журнале «Эльгасрел-джадид» («Новый век») немногим менее ста переводных басен, 65 из которых принадлежали такому великому сочинителю басен как А.И. Крылов»[3, с.67]. В более поздний период Г. Тукай и сам становится признанным мастером данного жанрового направления. Одно из самых знаменитых его произведений в этом жанре, это бесспорно «Шурале», в котором он показал смекалку простого дровосека. Также является достаточно закономерным, «что его первым произведением поэтического характера на татарском языке был очень грамотный перевод стихотворения А. Кольцова «Что ты спишь, мужичок?», которое было опубликовано в 1905 году под названием «Сон мужика». Г. Тукай в своём изложении на первые роли выводит образ мужика, когда-то почтенного и имеющего вес в своём окружении, уважаемого, но из-за инертности и лени превратившегося в жалкого и нищего отщепенца, и стихотворение завершается тем что Г.Тукая с горькой иронией подводит итог: «Түгел шевелись, яхшырак йокла инде ул чакта». («Не шевелись, лучше спи уж тогда») [3, с.59].

В тоже время как Кольцов так и Г.Тукай поддерживают позиции наивных просветителей, считающих, что человек сам должен ковать своими руками собственное счастье, собственным умом и добросовестным трудом. Несмотря на то что в творчестве Г.Тукая существенное место занимают свободные переводы, он ни одно иностранное произведение в буквальном толковании не переводил, а осуществлял развитие мотивов, и основным, определяющим в его произведениях оставалось именно сугубо присущее ему тукаевское национальное мышление и мировоззрение с учётом местного татарского колорита.

Душу Г. Тукая по его собственному мнению озарили бессмертные стихотворные произведения А. Пушкина, которого он считал

вдохновенным, неподражаемым поэтом, единым во вселенной [5, с.89]. В стихотворении «Из Пушкина» (1906), в первую очередь, по моему мнению, сохранена основная идея русского поэта, призывающего красавицу забыть о быстротечности, бренности жизни на земле и отдаться сиюминутному веселью. Вместе с тем, в подтексте – осуждение многожёнства, таким образом, из девяти строк русского поэта у Тукая «выросли» двадцать.

В творчестве Пушкина Тукай определял направления решения проблем национального характера, возникшие перед татарской интеллигенцией после поражения революции 1905 года.

Одним из значимых произведений является стихотворение «Мэхбус» (1907) – фактически являющегося переложением знаменитого произведения Пушкина «Узник», в котором были отражены недовольства среди татар на усиление цензуры, на притеснение джадидистских учебных заведений.

Герой с романтическим настроем, отчаянный борец за свободу, с глубокой скорбью переживающий своё пленение и заточение в железную клетку. Горячий призыв «чёрной птицы» отправиться в степь, как братья, тревожит душу узника. Свободолюбивая личность героя, способная совершить жертвенный поступок ради наступления всеобщего светлого будущего, соответствовала эстетическим требованиям направления прогрессивного романтизма.

По мнению Г. Халита достаточно своеобразным и любопытным является тот факт, что русские и западные традиции поэтического характера вошли в творчество татарского поэта не параллельно, а в определённом значении в качестве какого-то единого «сплава», соединившись с восточным колоритом, и с этим как я считаю необходимо согласиться.

Программный характер имеет стихотворение «Поэту» (1907), опубликованное с примечанием: «Одно из наставлений почтенного Михаила Юрьевича Лермонтова», в котором Г. Тукай излагает свои мысли и суждения, следуя за учителем, и рассуждает о недооценке, недостаточном понимании роли литературных произведений и литературы как таковой в жизни общества и людей.

Взаимное проникновение в изложении авторского перевода двух художественных миров – «своего» и «чужого» – оказывало влияние не

только на содержание, выражение, идею стихотворных произведений, но оказывало влияние и на форму, стихосложение.

Относительно стихотворения «Вэгазь» («Назидание», 1907), изложенного по лермонтовскому произведению «Опасение», Н. Хисамов отмечает: «Лермонтовская четырёхструнная строфа у Тукая разрастается до 19 стрóf (бейт) или 20 строк русского оригинала на татарском занимает 38 строк.

Лирическое начало и смысловая острота Лермонтова теряется в многословном назидании». Таким образом стихотворение преобразаясь и видоизменяясь в изложении Г.Тукая приобретает иную, особую систему ценностей, указывающую на особое мировидение включающее национальные особенности.

Общеизвестным является тот факт, что Г. Тукай очень высоко оценивал поэтические произведения Байрона. «Этот человек родил всемирное течение «байронизма», он обрушил на весь белый цвет бурный поток высоких, великих и благородных чувств, которые клокотали безвыходно, по слабодушию и творческой беспомощности тех, в душах которых они родились». В тоже время из-за особенностей языкового барьера он не мог в полной мере проникнуться великой поэзией Байрона, Шиллера, Шекспира, Гейне и др.,

Но в тоже время в переложениях раздвигал, разрушал, передвигал «границы», проникая и изучая особенности мышления и духовный мир западного обывателя и человека, его психологические особенности, менталитет.

Делая вывод по данной статье, необходимо отметить тот факт, что, в переводах, переложениях, подражаниях Тукая наличествует удивительный «сплав» татарской, русской и западноевропейской литературы, как бы межлитературное слияние.

Г. Тукай, при использовании литературы одного народа, одной нации, им формируется художественный мир другой. Г. Тукай изыскивает и находит в другой литературе сюжет, мотив, полет мысли, чувственный оттенок, даже слово, и обязательно указывает на источник. В то же время, в любом обращении к «чужому» слову, он никогда не выступает в роли простого интерпретатора или переводчика. Он создаёт новое произведение, вкладывая в него свое индивидуальное видение, превращая «чужое» в «свое», при этом не ущемляя достоинств первого, его авторских прав.

Литература

1. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. – М.: Статут, 2001. – 500 с.
2. История татарской литературы нового времени (XIX – начало XX века). – Казань: Фикер, 2003. – 476с.
3. Тукай Г. Избранное в двух томах. – Том 1. Стихотворения и поэмы. – Казань: Татар.кн.изд., 1960. –343с.
4. Тукай Г. Избранное в двух томах. – Том 2. Публицистика, критика. – Казань: Татар.кн.изд.,1961. – 291с.
5. Халит Гали. Многоликая лирика. – М.:Волтерс Клувер. –336с.

ПРОБЛЕМА ГУМАНИЗМА В ВОСПОМИНАНИЯХ ФРОНТОВИКОВ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Гимадеева Г.Р.

*(научный руководитель, доцент Гарифзянова А.Р.),
Елабужский институт Казанского (Приволжского)
федерального университета, г. Елабуга*

Великая Отечественная война, которая началась 22 июня 1941 г., была самым страшным явлением за всю историю страны. Продолжалась эта война 1418 дней и ночей, но в итоге наша страна выдержала этот натиск врага и вышла из этой войны победителем. Но какими силами была достигнута эта победа знают только сами участники этой войны. Ведь они рассказывали ужасные вещи, что происходило и то с чем они столкнулись. Это были не люди, они шли лишь с одной целью уничтожить всех и установить собственный порядок на чужой земле.

Война фашисткой Германии против СССР носила особый характер. Германский нацизм хотел не просто захватить территорию СССР, но и полностью стереть с лица земли Россию как государство. О каком гуманизме может идти речь с их стороны?! По словам А. Буллок: «В любой войне таких масштабов и такой напряженности, как в России, неизбежны жестокости с обеих сторон, но если и это принять во внимание, то масштабы бесчеловечности и с немецкой стороны очевидны, и они прямо проистекают из расистских убеждений Гитлера.... Он считал, что немцы не только превосходят народы Восточной Европы, но что пропасть, разделяющая их со славянами и особенно с евреями...»[1, 494 с.]. Ведь у нашего народа не было таких мыслей об уничтожении целой нации, наши земляки просто хотели выжить в этой

суровой войне и им тоже приходилось переходить черту дозволенного. Идти против своих моральных качеств, против своей совести.

Есть множество примеров, когда человеку на войне приходилось идти со своим «не хочу». Есть отличительная черта наших солдат на войне они воевали не только за себя, чтобы выжить, но и за своего товарища. Таким является Газинур Гафиятуллин он не стал прятаться как трус, а заслонил своей грудью немецкий пулемет. Здесь он показал пусть он и погибнет, но спасет еще несколько жизней, которые ему будут благодарно до последнего своего вдоха. Можно отметить как жажда мести уничтожило несколько жизней. Елену Мазаник, которая взорвала правителя оккупированной Белоруссии генерала Вильгельма Кубе. Фашисты по приказу Кубе убивали людей, без причины расстреливали детей в детских домах. Мазаник в это время устроилась уборщицей в дом Кубе, пронесла часовую бомбу в комнату Кубе. Положила бомбу под кровать. Ночью бомба взорвалась. Это происшествие показало для оккупантов, что все будут казнены. На сколько человеческая жестокость с обеих сторон возрастала. При этом это был способ выживания, для них казалось сделать такую безумную вещь это продвинуть хоть на один шаг нашу страну к победе. Это была бессмысленная борьба между двумя нациями, которая одна из них следовала идеям, которые они считали будут правильными. Ведь это жестокость не проходила стороной и молодое поколение, которые так же на равне со старшими сделали не мало. Зина Портнова работала в офицерской столовой. Она наступала в суп яд от которого умерло 100 фашистов. Прием пищи считается самым важным элементом в нашей жизни, какова вероятность того, что ты просто умрешь, съев своего любимого супа. Эта девушка безжалостно стравляла фашистов как «крыс». Ведь во время перерывов они не казались такими жестокими, даже можно было задуматься не все они пришли сюда по собственной воле все здесь потому что так им приказали. Так же эта девушка во время своего допроса застрелила того, кто выдал организацию «Юные мстители». Ее преданность была настолько сильной, что не каждый бы осмелился бы забрать чью-то жизнь из-за какой-то пусть будет и значительной информации. Эта девушка в столь юном возрасте может ли она считаться ребенком беззаботным. Думаю, что уже нет, ведь для нее ничего не стоит забрать чью-либо жизнь пусть и врага.

Во время Великой Отечественной войны «ужас» творили – не только на поле боя, но и в немецких госпиталях. По записям советского

военнопленного врача Ф. И. Чумакова лазарет был прекрасно организован, за что можно похвалить немцев. Но пленные все равно погибали не из-за плохого лечения или ухода, а из-за голода. Пленные получали голодный поек, что сокращало шансы на выживание. По словам Ф.И. Чумакова «Большинство из попадавших в обычные лазареты лагерей военнопленных являлись не больными в обычном смысле этого слова, а ослабленным дистрофиками, отечными доходягами» [2, С. 510] Можно сказать немцы истребляли военнопленных не оставляя им шанса на выживания. Вроде бы сделали услугу вылечили, но самое главное это восстановить силы, как это сделать если нет должного ухода. От того что другие теряли силы другие подпитывались этим и им становилось легче на душе. Человечностью и помощью тем, кто уже не сможет ответить за удар здесь и не присутствует. .А.Кондрашова в своих воспоминаниях рассказывает как она была партизанкой, а маму забрали в плен фашисты «Два года ее с другими нашими женщинами водили впереди себя, когда шли на свои операции; они боялись партизанских мин и всегда гнали впереди себя местное население. В случае, если есть мины, эти люди будут подрываться, а солдаты останутся целыми..... Мама моя всегда ходила в белом платочке. Она была высокая, ее всегда первой различали..... Дадут команду стрелять – стреляешь. Все разбегутся, попадают, и не знаешь, убита мама или нет.....»[3, С. 542]. Так на примере этой партизанки можно увидеть, что не чувства владели человеком, а долг к родине. Глубоко в душе она переживала за свою мать, но убить больше фашистов – был единственной целью на тот момент. В тот момент в ее голове творился вероятно огромный хаус, но в большинстве случаев она выступала как боец и соображала, как боец. В августе 1944 г. батальон ведет бои под Кишиновом. Поставлена задача обойти противника с правого фланга, закрыть пути отступления противнику на запад. Сделав 25 км ночной переход заняли рубеж. На заре приняли бой, он длился 4 часа. Враг потерял 2 танка, 3 орудия, 4 пулемета и 150 солдат, 15 сдалось в плен. Вечером подошла колонна противника с танками и артиллерией. Батальон Валиева не дал прорваться ни одному танку. Сражение продолжалось всю ночь. Из слов Валеева «Мы отбили несколько атак противника, совершили сами несколько контратак. В этом бою наш батальон уничтожил 5 танков, Зорудия, 6 пулеметов, более 350 фашистов, солдат и офицеров. Взято в плен более 100 фашистских солдат, кроме того 7 офицеров и 1 генерал –

который был пленен лично Валеевым» [4, Воспоминания]. Кому то это поканется мало, но ведь сколько человеческих жизней унес этот человек. Безусловно он считается героем, но каким надо быть холоднокровным чтобы проделать такие ужесточающие вещи. Можно ли назвать его разумным и гуманным человеком?!

Деля вывод по данной статей хочется отметить, да мы пришли к победе 1945 г. Победа была за нами. Но сколько нужно было смелости и нервов, чтобы достичь этих высот. В это время думаю каждый в стране встретился с такой силой со стороны противника, что думать о правильности и не правильности своих поступков не было времени. Гуманность в человеке оставалось на какое-то определенное время, но она не присутствовала на протяжении всего времени. Поэтому человек сам того не подозревая радовался убитому человеку, хоть он и был врагом, он все равно был живым. В такие тяжелые времена гуманность не всегда сопутствовала им, она не сохранялась, когда на путь стоял враг, но она была безгранично большой ради своей страны.

Литература

1. Воспоминания Валеева Х.В. (1907 года рождения) – 1.02.2017 г. // для исследований в музей Мамадышского района.

2. Война 1941-1945: Факты и документы / Под. ред. О.А Ржешевского. –М.: Олма Медиа Групп, 2011. – 494 с.

3. Из мемуаров советского военнопленного врача Ф.И. Чумакова о показательном немецком госпитале «Гросс-лацеретт-Украина» в городе Смела // Хрестоматия по отечественной истории 1914 – 1945 гг.: пособие для студентов вуза / Под ред. А.Ф. Киселев, Э.М. Щагин. – М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 1996. – С. 510

3. Из воспоминаний А.А. Кондрашовой, партизанки-разведчицы Бытошской партизанской бригады // Хрестоматия по отечественной истории 1914 – 1945 гг.: пособие для студентов вуза / Под ред. А.Ф. Киселев, Э.М. Щагин. – М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 1996. – С. 542

4. Из воспоминаний Кондрашовой А. А. партизанки-разведчицы Бытошской партизанской бригады // Хрестоматия по отечественной истории 1914 – 1945 гг.: пособие для студентов вуза / Под ред. А. Ф. Киселев, Э. М. Щагин. – М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 1996. – С. 542

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА

ЧЕЛОВЕКА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ ИНТЕРНЕТА

Гимадеева Д.Р.

*Институт социально-философских наук институт Казанского
(Приволжского) федерального университета, г. Казань*

Интернет интенсивно проникает в разные области общественной жизни, вызывая значительные изменения. Преобразования происходят не только в информационной сфере, но и в общественной, политической и экономической. Статусные перемещения индивида в социальном пространстве также претерпевают значительную трансформацию. Классическая теория социальной мобильности показала, что наибольшее влияние на мобильность общества, то есть его открытость/закрытость, имеют социальные институты, выступающие в качестве каналов (лифтов) социальной мобильности. В процессе изменения общества происходит преобразование социальных институтов, и их воздействие на процессы социальной мобильности трансформируется.

В условиях информационного общества необходимо оценить, как новейшие технологии повлияли человека с точки зрения его продвижения в социальном пространстве. Известный ученый У. Мартин считал, что под информационным обществом следует понимать «развитое индустриальное общество», центрами становления которого в то время выступали Япония, США и страны Западной Европы [1]. Ф. Уэбстер конкретизирует направленность изменений в условиях информационного общества по сферам общественной жизни (технология, экономика, занятость, пространственный фактор и культура) [2]. Увеличение доли информационного бизнеса и его преобладание в валовом национальном продукте рассматривается как признак общества нового типа. Если в экономической сфере информационная активность доминирует над деятельностью в области сельского хозяйства и промышленности, то, следовательно, учеными делается вывод о становлении информационного общества.

Понятие «социальная мобильность» ввел в научный оборот П.А.Сорокин, который понимал под мобильностью перемещение индивида из одной социальной группы в другую; исчезновение одних и появление других социальных групп; исчезновение целой совокупности групп и полную замену ее другой [3]. Социальный статус человека – важный

показатель развития общественной жизни, эффективность функционирования которого зависит от множества факторов. Сорокин подчеркивал, что мобильность существенно различается как на разных этапах исторического развития, так и в неодинаковых условиях отдельных стран. Основной посылкой, с которой начинает П. Сорокин свой анализ, является видение индивида как участника многих общественных структур, рассматриваемых им как сложная сеть взаимопроникающих друг в друга социальных систем и подсистем. Проблема общественной дифференциации решается им исходя из внутригруппового различия статусов индивида. Под социальным статусом П. Сорокин понимает совокупность прав и привилегий, обязанностей и ответственности, власти и влияния, которыми обладает индивид. Интернет как пространство социальных практик позволяет снять традиционные барьеры, нивелируя различия индивидов по перечисленным показателям с помощью дистанционных технологий, доступности и всепроникновенности Интернета.

Российское общество находится в стадии трансформации процессов мобильности под воздействием перехода страны в новый – информационный этап развития. Социальная мобильность находится в процессе активной трансформации, связанной как с реорганизацией, встраиванием в социальную структуру информационно-коммуникативного компонента, так и несовершенством системы, сложившейся в постперестроечный период.

Использование в повседневной профессиональной деятельности компьютера и сети Интернет привносит ряд новых возможностей, меняет принцип построения трудового процесса, на которые указывает известный теоретик информационного общества М.Кастельс: «Эта трансформация представлена подъемом сетевого предпринимательства. Подобная новая организационная форма бизнеса в условиях информатизации является историческим эквивалентом так называемой фордистской организации индустриализма». [4, с.49]. Таким образом, нужно отметить появление новых форм занятости (удаленная работа, фрилансерство и др.), которые значительно влияют на процессы социальной мобильности в обществе [4, с.85]. В современном обществе мы наблюдаем активное участие интернета сначала как вспомогательного инструмента внутри перечисленных традиционных каналов мобильности, затем – как самостоятельного канала социальной мобильности, который является самодостаточным для

профессиональной и материальной самореализации индивида, надления его социальным статусом. О важности данного процесса можно говорить с различных позиций. Для человека возможность продвижения вверх означает увеличение доли получаемых им социальных благ, способствует реализации его личных качеств, причем, чем более ясны и прозрачны правила мобильности, тем более выражена мотивация индивида к самореализации. Мобильность способствует общественному развитию через создание новых групп, идей, приобретение нового опыта. Что касается движения вниз, то, уменьшая долю социальных благ, оно способствует росту самосознания, более реалистичной самооценке индивида и соответственно более реалистическому выбору цели, включая менее оплачиваемую, но более интересную работу, усиливает сплочение семьи.

Таким образом, в условиях динамичного развития информационного общества, социальная мобильность становится основополагающей и определяющей общественное развитие.

Литература

1. Martin W.J. The Information Society. London: Aslib, 1988. P.174.
2. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект пресс, 2004. – 400 с. С.14.
3. Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность. – М.: Человек. Цивилизация. Общество, 1992. – С. 302-373.
4. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: У -Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с. С.49

ОБРАЗЫ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ В МИРОВОЗЗРЕНИИ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

Громов Е.В.

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета г. Елабуга

Мировая культура – одно из наиболее многозначных понятий современной философии, и, вместе с тем, одно из наиболее неоднозначно воспринимаемых явлений в жизни общества. Разнообразие подходов к ней огромно – от полного отрицания мировой культуры как факта в

пользу множественности локальных культур, до провозглашения её единственно подлинной культурой, по отношению к которой любые локальные общности могут считаться лишь вариациями единого целого. По мнению Ф. Броделя, многозначность этого понятия predetermined самой его историей, в ходе которой на изначальное его значение – культура, как противоположность варварству – наслаивались новые смыслы, связанные с тем, что он, вслед за Л. Февром, именуется «...расчленением этой «громоздкой империи цивилизации на автономные провинции»» [2; с.182], то есть переходом от представлений о единстве мировой культуры к идее культурно-цивилизационного многообразия человечества.

Тем не менее, идея единой мировой культуры прочно утвердилась в мировоззрении многих наших современников. Её устойчивость – результат многих десятилетий, в течение которых она не только разрабатывалась несколькими поколениями философов, культурологов и историков, но и активно насаждалась в массовом сознании при участии школы, университета, средств массовой информации и политических институтов. Возникнув в восемнадцатом – девятнадцатом столетиях в трудах сперва французских просветителей, а затем – в произведениях классиков немецкой философии [2; с.182-186], она, вместе с европейской цивилизацией, завоевала мир к концу позапрошлого века. Её происхождение определило и её содержание – до сих пор в качестве идеала мировой культуры выступает именно культура западноевропейская, пусть обогащённая заимствованиями из духовного наследия индийской, китайской и японской цивилизаций, вошедшими в моду на протяжении последних ста лет. Противопоставление Западной Европы, как мира цивилизованного, всему остальному человечеству, как миру варварскому, со становлением идеологии мультикультурализма оказалось не преодолено, но лишь замаскировано, поскольку, как показывает анализ Чандрана Кукатаса [7], сама эта идеология – продукт классического западноевропейского либерализма.

Таким образом, восприятие идеи единой мировой культуры в мировоззрении, в том числе, русского человека, неотделимо от восприятия цивилизации западноевропейского образца, и рецепция его в творчестве российских философов в основе своей имеет их отношение к Западу. Центральная проблема этой рецепции – вопрос о единстве или различии исторических путей западноевропейской культуры и России, о

том, является ли наша страна частью Европы или же составляет особую целостность, с собственной самобытной культурой и особой исторической судьбой. Впервые с этой проблемой Россия столкнулась ещё в ходе реформ Петра Великого, когда, «ежели... Россия получила лучший выход из дома, то и Европа в свою очередь стала легче проникать в русский дом» [1; с. 476]. Однако до девятнадцатого века она не получала должного теоретического осмысления, поскольку ранняя русская философская мысль целиком и полностью находилась под влиянием философии Просвещения, из которой усваивала и зарождающийся образ универсальной культуры европейского образца. Социально-политические проекты и утопии Екатерины Великой, Радищева, Новикова и других мыслителей второй половины восемнадцатого столетия, полностью подчинены стремлению преобразовать российскую действительность по западной модели, причём не по модели реальных западноевропейских абсолютных монархий той эпохи, но по образу идеального «просвещённого» Запада, почерпнутому из трудов Руссо, д'Аламбера и Монтескье. В определённом смысле, Екатерина Великая (по крайней мере, на заре своего правления) может рассматриваться как своеобразная предшественница французских революционеров конца века. Характерное для этого направления русской мысли противопоставление традиционной русской культуры европеизированному идеалу, доходящее до полного отвержения первой, уже в следующем столетии нашло крайнее воплощение в творчестве П.Я. Чаадаева и В.Г. Белинского. Чаадаев считает, что «В Европе всё... было одушевлено животворным началом единства. Все там из него происходило, все к нему сходилось. Все умственное движение той поры только и стремилось установить единство человеческой мысли, и любое побуждение исходило из властной потребности найти мировую идею, эту вдохновительницу новых времён. Чуждые этому чудотворному началу, мы стали жертвой завоевания. И когда, затем, освободившись от чужеземного ига, мы могли бы воспользоваться идеями, расцветшими за это время среди наших братьев на Западе, мы оказались отторгнутыми от общей семьи, мы подпали рабству, ещё более тяжкому, и притом освящённому самим фактом нашего освобождения» [6].

Для поздних западников характерен более умеренный взгляд на мировую культуру и место в ней России. В.С. Соловьёв, твёрдо придерживаясь представлений о единстве человечества, и, следовательно,

о идеальном и грядущем единстве мировой культуры, допускает многообразие локальных культур, как конкретных проявлений глобального всеединства. Задача России, по его мнению – стремиться к вхождению в это единство при сохранении своего особого облика как христианской державы. На протяжении всей своей истории она «...нуждалась не в никоновском клерикализме, а в сознании своей несостоятельности и в решении действительно улучшить свою жизнь. Крепкое государство было создано Москвою, национальное существование обеспечено. Но историческому народу, как и отдельному человеку, мало существовать – он должен стать *достойным* существования» [4; с. 290].

Оппоненты российских западников, философы-славянофилы и их преемники, также не миновали в своём творчестве проблемы мировой культуры. Тенденция отождествления западноевропейской культуры и мировой нашла отражение и в этом направлении отечественной мысли. При этом, вопреки распространённому стереотипу, почвеннический подход к данной проблеме не означал отрицания ценности западноевропейской культуры и даже заимствований из неё в российском мире. Если ранние славянофилы, такие, как Хомяков или Аксаков, и видели будущее России в возрождении идеалов Святой Руси, то Запад в их мировоззрении предстал как брат Востока, духовно и материально богатый, но разлучённый со своим братом вследствие исторической трагедии раскола между церквями. Потому А. Хомяков, обращается к западным христианам: «...Вы много сделали для человечества в науке и в искусстве, в государственном законодательстве и цивилизации народов, в практическом осуществлении чувства правды и в практическом применении любви. Более того: вы сделали все, что могли, для человека в земном его бытии, увеличив среднюю долготу его жизни, и для человека в его отношении к Божеству, поведав Христа народам, никогда не слышавшим Его Божественного имени. Честь и благодарение вам за ваши безмерные труды, плоды которых ныне собирает или соберёт впоследствии все человечество» [5]. Таким образом, мировое значение культуры христианского Запада признаётся русским мыслителем, но неполнота этого значения предопределена её религиозной историей. Восполнить её можно лишь одним путём – воссоединением церквей, и вместе с тем – воссоединением двух великих ветвей христианской культуры, причём идейной базой для воссоединения должно служить

восточное Православие. Даже Н.Я. Данилевский, один из основоположников культурно-исторического подхода к мировой истории, рассматривающего человечество как мозаику локальных культур, отдаёт должное достоинствам культуры, претендующей на звание мировой: «Нравственное достоинство европейских народов пережило все испытания и возросло в течение долгой борьбы, ими вынесенной» [3; с. 286]. Именно с развитием европейской культуры он связывает зарождение такого явления, как национальное самосознание, которое в его эпоху пробуждается уже в славянских народах, и прежде всего – в русском.

Сложившаяся традиция восприятия европейской культуры как мировой нашла оригинальное отображение в сознании и мировоззрении русского человека и оказала существенное влияние на трактовку культурного многообразия в отечественной философии. Признание культурной ценности Запада и его духовного богатства сочетается в ней с тезисом о необходимости восстановления единства между ним и Россией – через вхождение нашей страны в ареал западной культуры или через возвращение Европы к идеалам Православия.

Литература

1. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Том 3. Перевод с французского доктора исторических наук Л.Е. Куббеля. Вступительная статья и редакция доктора исторических наук Ю.Н. Афанасьева. – М.: Прогресс, 1992. – 678 с.

2. Бродель Ф. Очерки истории / Пер. с фр. Э. Орловой. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2015. – 223 с.

3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии А. В. Белова / Отв. ред. О. А. Платонов. Изд. 2-е – М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. – 816 с.

4. Соловьёвъ В.С. Византизмъ и Россия/ Собрание сочинений В.С. Соловьёва. Съ 3-мя портретами и автографомъ. Под редакціей и с примѣчаниями С.М. Соловьёва и Э.М. Радлова. Второе издание. Томъ седьмой (1892-1897). Санктъ-Петербургъ, Книгоиздательское Товарищество «Просвещеніе», 1914. 763 с.

5. Хомяков А.С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. [Электронный ресурс]/ Библиотека «Вехи». Русская религиозно- философская и художественная литература. URL:

<http://www.vehi.net/khomyakov/katolichestvo.html> (дата обращения: 11.11.2017).

6. Чаадаев П.Я. Философические письма. [Электронный ресурс]/ Библиотека «Вехи». Русская религиозно- философская и художественная литература. URL: <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html> (дата обращения: 01.11.2017).

7. Чандрян Кукатас. Теоретические основы мультикультурализма. [Электронный ресурс]/ Полит.Ру. URL: <http://polit.ru/article/2007/05/27/multiculturalism/> (дата обращения: 12.10.2017).

ФЕНОМЕН ЗАСТОЯ В ПОЛИТИКЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЧЕЛОВЕКА ПОЛИТИЧЕСКОГО

Давлиев И. А.

*Набережночелнинский институт (филиал) КФУ,
г. Набережные Челны*

Политическая стагнация – это феномен застоя в политической сфере общества сопровождающаяся прекращением политического развития, свертыванием преобразований, распадом политических структур или их крахом. Чаще всего этот термин заменяется более простым термином «застой», который берет свое начало от доклада М.С. Горбачева на XXVII съезде ЦК КПСС, где констатируется, что «в жизни общества начали проступать застойные явления» в экономической и социальной сферах. [1] Одним из самых известных примеров застоя является период с середины 1960 г. до второй половины 1980 г. так называемая «Эпоха застоя», отмеченная практически полным отсутствием потрясений в политической сфере общества.

Политическая стагнация процесс очень длительный, поэтому его трудно заметить и вовремя устранить. Причинами возникновения политической стагнации могут являться просчеты органов государственной власти и неэффективность стабилизационных механизмов политической системы. Однако чаще всего политическая стагнация зарождается не в политической, а в экономической или социальной сфере.

Стагнация в экономической сфере характеризуется постоянным снижением темпов роста, сырьевой экономикой, низким уровнем качества товаров, оттоком инвестиций, ростом безработицы, отставанием в развитии наукоёмких отраслей, снижением уровня жизни и инфляцией. В социальной сфере, как правило, это остановка развития культуры и искусства страны, цензура в СМИ.

Провал в экономике ведет к ухудшению социальной ситуации в обществе, что неизбежно вызывает возникновение политической стагнации. Это пассивность и сужение форм политического участия субъектов политической системы, закрытость и стандартизация политической жизни, поддержание в государстве стагнирующей стабильности, силовое решение политических конфликтов, политическое отчуждение общества, декоративность демократических институтов и

процедур, высокий уровень забюрократизированности общественной жизни. В период политической стагнации ведется усиленная борьба с инакомыслием и политической оппозицией, так например, происходило в эпоху Брежневского застоя – процесс Синявского – Даниэля в 1965г. Можно проследить рост числа самоубийств в 1965г с 17,1 до 29,7 на 100 000 населения в 1984г и ухудшение криминальной обстановки в стране, в СССР с 1973 по 1983 год число совершаемых преступлений увеличилось почти вдвое (тяжкие насильственные преступления, разбои и грабежи – в два раза, квартирные кражи и взяточничество – в три раза).

Нерешенность этих проблем ведет к политической радикализации борющихся за политическую власть и влияние сил. Подобная радикализация создает вызов существующей политической системе, который может закончиться ее радикальной трансформацией или же развалом. В подтверждение этой теории можно обратиться к историческим кейсам, например распад Югославии, трансформация Веймарской республики в Третий рейх, Арабская весна. Все перечисленные события стали следствием длительной экономической стагнации, переходящей в социальный кризис, а затем и в политический.

Самым заметным признаком политической стагнации можно назвать кадровый застой в органах государственной власти. В период Брежневского застоя по принципу несменяемости кадров многие руководители различных ведомств и регионов занимали должность более 10 лет, к примеру, Леонид Ильич Брежнев занимал пост генерального секретаря ЦК КПСС с 1964 по 1982 год, Алексей Николаевич Косыгин был председателем Совета Министров СССР с 1964 по 1980 год и это не единичные случаи в этот период.

Анализируя исторические кейсы, можно выявить цикличность: застой – кризис – реформы. Застой неизбежно приводит к кризису, после которого проводятся реформы. Так же и происходило в истории СССР, сначала был брежневский застой, потом кризис СССР, после чего перестройка и ельцинские реформы. Дальше должен был случиться новый застой, который частично начался при Путине, учитывая то что до 2003 года были и экономические реформы, и контрреформы в политической сфере. После дела Ходорковского и «разноцветных революций» начинают проявляться признаки застоя. Четырехлетие Дмитрия Медведева мало что поменяло в стране, хоть и было ориентировано на модернизацию. Практически никаких существенных

изменений не происходит, наоборот, политика становится всё более закостеневшей. При сравнении брежневского застоя и нынешней политической ситуации в России можно выделить множество сходств. Фактическая несменяемость кадров, коррумпированность органов власти, идеология направленная на стабильность и консерватизм, боязнь дискуссий и перемен, управление (административная вертикаль, максимальная централизация, бюрократическая иерархия), сырьевая экономика, аполитичность населения и громкие показательные процессы над инакомыслящими. [2]

Для предотвращения политической стагнации сложившейся в России необходимо принять следующие меры:

1. Необходимо создать Общественное телевидение, открытое для всех точек зрения и свободное от политической цензуры и государственной пропаганды.
2. Осуществляется комплекс мер по обеспечению независимости судов. Вводится система административных судов с отдельным производством по злоупотреблениям чиновников.
3. Все правоохранительные структуры государственной исполнительной власти ставятся под общественный контроль.
4. Чиновники должны работать по контрактному методу, при его расторжении за коррупцию или произвол, полученные блага будут изыматься.
5. Законодательно ограничивается возможность исполнительной власти вмешиваться в партийное строительство и избирательный процесс.
6. Ввести законы о прозрачности финансирования политических партий, о запрете представителям крупного бизнеса занимать государственные должности.
7. Ввести действительно альтернативные и конкурентные выборы на всех уровнях, снизить проходной барьер для партий [3].

Литература

1. Период Брежневского застоя// URL: <http://historykratko.com/period-brezhnevskogo-zastoya>
2. Рыжков В. 26 мифов о России. Ложь и тайны страны. – М.: Астрель, 2012 – 160с.
3. Г. Явлинский. Оценка современной политической системы России и принципы ее развития. Тезисы к заседанию Государственного совета 22 января // URL: <http://www.yabloko.ru/news/2010/01/22>

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ РОЛИ РУКОВОДИТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ МНОГОАСПЕКТНОГО ПОДХОДА К УПРАВЛЕНИЮ ПЕРСОНАЛОМ

Дырин С.П.

*Набережночелнинский филиал ОВО «Университет управления
ТИСБИ», г. Набережные Челны*

Опираясь на концепцию управленческих ролей Г. Минцберга [2], нам представляется целесообразным выделить следующие функционально-личностные роли руководителя в контексте многоаспектного подхода к управлению персоналом.

1. Идеологические роли руководителя:
 - идеолог-проектировщик корпоративных ценностей;
 - миссионер-транслятор корпоративных ценностей;
 - аналитик сформированности корпоративных ценностей.
2. Социально-психологические роли руководителя:
 - социальный педагог;
 - социальный работник;
 - регулировщик межличностных отношений;
3. Экономические роли руководителя:
 - нормировщик труда;
 - мотиватор деятельности персонала;
4. Оперативно-управленческие роли руководителя:
 - проектировщик организационных отношений;
 - проектировщик квалификационных требований к персоналу;
 - организатор оперативно-кадровых работ;
 - организатор социально-бытовых условий деятельности персонала.

Рассмотрим каждую выделенную функционально-личностную роль руководителя более подробно.

Идеолог-проектировщик корпоративных ценностей. Данная ролевая позиция является определяющей в общей функциональной системе управления персоналом и присуща прежде всего представителям высшего менеджмента. Известный исследователь проблем корпоративной культуры Э.Шейн [3] отмечает, что проектирование содержания корпоративной культуры определяется особенностями миссии и

стратегии организации и является прерогативой владельцев компании и ее высших руководителей. Можно выделить два подхода в деятельности идеолога-проектировщика. С одной стороны, он непосредственно инициирует необходимые, с его точки зрения, элементы корпоративной культуры. С другой стороны, он осуществляет селекцию инициатив персонала, выделяя среди них те, которые способствуют формированию соответствующей корпоративной культуры. Однако в любом случае, как уже отмечалось, позиция проектировщика корпоративных ценностей – это главным образом персональная позиция первого руководителя.

Миссионер-транслятор корпоративных ценностей. В рамках данной ролевой позиции руководитель выступает как активный субъект формирования соответствующей корпоративной культуры. Данная ролевая позиция, в отличие от предыдущей, является универсальной, поскольку она присуща руководителю любого уровня управления. Важнейшими условиями успешной реализации данной ролевой позиции является:

- наличие у руководителей необходимых харизматических свойств воздействия на поведение подчиненных;
- личный пример в безусловном соблюдении корпоративных ценностей.

Невозможно предположить, что подчиненные воспримут те или иные корпоративные ценности, если они наглядно видят, что руководитель лишь транслирует их, но не придерживается в своей повседневной практике.

Аналитик сформированности корпоративных ценностей. Данная ролевая позиция предполагает непрерывное рефлексивное отношение к ситуации в организации. Анализируя происходящее, руководитель все время должен отвечать на вопрос: насколько это происходящее адекватно заявленным корпоративным ценностям. Данная ролевая позиция также является универсальной, она присуща руководителям любого уровня.

Социальный педагог. Находясь в позиции социального педагога, руководитель обеспечивает первичную адаптацию вновь пришедших работников, а также вторичную адаптацию к изменившимся условиям деятельности. Основными направлениями деятельности руководителя как социального педагога являются:

- обеспечение процесса принятия работником базовых организационных ценностей, превращение работника в патриота организации;

- обеспечение процесса выстраивания соответствующих экономических отношений с предприятием;
- обеспечение процесса приспособления работника к возложенным на него производственным функциям;

Социальный работник. Выступая в данной роли, руководитель призван обеспечить социальное благополучие работника, уменьшение значения действующих на работника многочисленных стрессовых факторов.

Регулировщик межличностных отношений. Говоря о данной ролевой позиции руководителя, важно разобраться, что понимается под межличностными отношениями. Со времен теоретиков «Школы человеческих отношений» отношения работников в организации принято различать на формальные, то есть отношения между рабочими местами, и неформальные, или межличностные. Нам представляется, что подобное деление несколько упрощает реальную ситуацию. Существующие в неформальных организациях межличностные отношения можно с определенной долей условности разделить на два класса: а) собственно межличностные отношения; б) организационно-межличностные отношения.

Собственно межличностные отношения построены исключительно на взаимной симпатии участников друг к другу. Коммуниканты в этих условиях не получают никакой практической пользы от подобных отношений. Чаще всего собственно межличностные отношения имеют ярко выраженный аффективный характер, однако иногда они могут иметь ценностно-рациональную либо традиционную природу.

Организационно-межличностные отношения между членами неформальной группы выстраиваются по поводу выгод, которые можно получить вследствие хороших межличностных отношений с теми или иными членами группы, а также вследствие самого факта принадлежности к данной группе. Этот тип отношений, в отличие от собственно межличностных, имеет не столько аффективную, сколько целерациональную природу.

Мотиватор деятельности персонала. Функциональное назначение данной роли состоит в обеспечении у подчиненных необходимой мотивации на выполнение поставленных перед ними задач. Предполагается, что для эффективной реализации данной роли

необходимо осуществление следующих задач:

- анализ ценностно-мотивационных характеристик различных категорий работников, определяющих их отношение к труду;
- анализ адекватности применяемой в рамках организации системы мотивации труда ценностно-мотивационным особенностям различных категорий работников.

Проектировщик организационных отношений. Назначение данной управленческой роли состоит в разработке двух взаимосвязанных продуктов: структуры рабочих мест и организационно-функциональных связей между рабочими местами. Это предполагает, что структура управления должна быть спроектирована, прежде всего, как структура связей по выполнению основных управленческих функций (планирование, организация, контроль, регулирование).

Проектировщик квалификационных требований к персоналу. Нам представляется, что в рамках данной роли реализуются следующие требования-стандарты: количественные и качественные характеристики продукта деятельности каждого рабочего места; технологический процесс (процедура) получения желаемого продукта производственной деятельности; комплекс теоретических знаний, необходимых для получения требуемого продукта; комплекс необходимых технологических, коммуникативных и организационных умений.

Организатор оперативно-кадровых работ. Как уже отмечалось ранее, значительная часть оперативно-кадровых работ на предприятии осуществляется специализированной службой по работе с персоналом. Однако это не означает, что линейный или функциональный руководитель освобожден от реализации оперативно-кадровых функций. Несмотря на наличие на предприятии передовой службы персонала, вооруженной современными диагностическими методиками, автоматизированными системами управления персоналом и т. д., решающее слово в реализации большинства оперативно-кадровых функций принадлежит именно руководителю.

Организатор социально-бытовых условий деятельности персонала. Так же, как и в предыдущем случае, на большинстве предприятий имеется специализированная служба быта, отвечающая за поддержание соответствующих социально-бытовых условий. Но одновременно эти же задачи возлагаются на линейного руководителя. Находясь в данной функциональной роли, руководитель обязан:

– обеспечивать организацию соответствующих социально-бытовых условий как силами своего подразделения, так и посредством взаимодействия со специализированной службой быта предприятия.

Литература

1. Дырин С.П. Управление персоналом: многовариантный характер современной российской практики. – СПб: Петрополис, 2008.
2. Минцберг Г. Структура в кулаке: создание эффективной организации / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2001.
3. Шейн Э. Организационная культура и лидерство / Пер. с англ.; Под ред. В.А. Спивака. – СПб.: Питер, 2002

ЧЕЛОВЕК ПОЛИТИЧЕСКИЙ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Задворнов А.В., Костромин В.В.

*Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского)
федерального университета, г. Набережные Челны*

Сейчас сложно представить жизнь человека без использования новейших технологий, таких как компьютер, интернет, мобильная связь и многое другое. В среднем человек проводит за ними минимум час или два, а то и больше. Долгое время государства не применяли их в глобальных проектах для реализации политики и власти, но скорее всего это время прошло. Летом 2017 года Китай запустил систему контроля, использующую новейшие технологии. По задумке властей она должна отражать «социальное доверие». Власти экспериментируют с ней, но уже сейчас можно сделать некоторые выводы. Система социального доверия потенциально создаст рейтинг среди всех граждан государства, учитывающий большинство их действий и выдающий им оценку – положительную или отрицательную. Таким образом, власти Китая хотят выявить тех, кого следует поощрять, а кого наказывать. В сущности, это попытка сконструировать идеального гражданина.

Информация для анализа будет собираться с множества источников. Начиная от государственных учреждений, заканчивая частной

информаций из мобильных приложений или интернета, в виде данных из социальных сетей.

Система предполагает поощрять людей с высоким рейтингом и выдавать им бонусы, такие как облегченные условия кредита, упрощенные государственные процедуры. Граждане, потерявшие рейтинг, буквально утратив доверие, будут ограничены. Известно о том, что таких людей не будут брать на работу, им будет тяжелее купить билеты дальнего следования и т.д.

Система намеренно или по техническим причинам (так как находится на тесте) не имеет четких правил. Каждый город, участвующий в системе, устанавливает свои условия и сложно предположить насколько сильно власти будут вмешиваться в жизнь граждан и регламентировать её. Уже сейчас в одном из китайских городов власти ввели штрафы для родителей, которые не регулярно посещают систему.

Поддержание и развитие структур контроля, подобных китайской системе «социального доверия» – это одна из самых больших угроз плюрализму в политике. В государстве с такой системой, не останется места альтернативам, так как именно оно будет устанавливать нормы и распределять баллы. Вопросы, связанные с политикой, будут регламентироваться, поставлены под учет рейтинга. В таких структурах может не оказаться места для реальной оппозиции.

Недовольные политикой люди попросту будут ограничены. Система, анализируя деятельность человека, например, посещенных им сайтов, оценит его, как неблагонадежного. Этот факт моментально скажется на его жизни: он останется без работы, государственные инстанции не будут его обслуживать, в социальном плане от него под страхом могут отвернуться. Такой человек будет подвергнут остракизму и выведен из государства.

Такое положение дел схоже с тоталитарным режимом, но здесь есть одно большое отличие. Старые тоталитарные режимы не могли одновременно и в реальном времени собирать информацию и контролировать граждан, оценивая их деятельность на микроуровне. Новым контролирующим органам не требуется огромные бюрократические структуры.

О связи тоталитаризма и технологий писали К. Фридрих и З. Бжезински: «Тоталитарные общества выглядят как тенденции современной технологической оснащённости государства, доведенные до

своего логического конца» [2, С. 90]. Особенно остро вопрос стоит для недемократических режимов.

Но является ли это угрозой для демократических стран? Сложно представить, что похожие контролирующие системы появятся в один момент. Однако, могут появиться структуры для борьбы с терроризмом, люди могут принять их положительно. Они могут не обладать такими возможностями, как китайская система «социального доверия», но уже будут вести контроль, которым возможно злоупотреблять.

Прогнозируемым результатом может стать трансформация демократии, предпосылки которой усиливаются в современном мире. Особенно изменилась структура и возможности политических партий. Сейчас одним из основных приоритетов для них, чтобы прийти к власти, является применение политических технологий: всевозможная реклама, анализ общественного мнения и т.д. Для этого необходимо огромное количество ресурсов, и старая модель политических партий, где большую часть капитала создавалась взносами членов, просто неэффективна. «На ее смену пришла другая: частные лица жертвуют огромные суммы на реализацию программы партии и будущую поддержку, то есть партия уже выражает мнение не только своих избирателей, но и говорит от лица крупных инвесторов, которые в этом заинтересованы» [1, С.96].

С этим связан и другой фактор, что нынешние демократии в большинстве представляют собой соревнование консервированных элит – устоявшихся партий и их членов. Этот факт сильно подкрепляется предыдущим. Рискованные идеи не поддерживаются инвесторами, а приоритет уходит на укрепление уже имеющихся связей. Организовать политическую кампанию без значительных инвестиций, почти что невозможно и из-за этого новым политическим силам сложно реализоваться, так как они не обладают необходимыми ресурсами.

Важной тенденцией трансформации современных демократий становится появление и распространение эффекта абсентеизма в демократических странах. Одной из возможных причин такой ситуации – недоверие к существующей политической системе. Это возможно объяснить тем, что политические партии все чаще пытаются реализовать требования инвесторов, а не избирателей, а также становятся участниками громких коррупционных скандалов.

Другие политические организации, в виде движений – не представляют большой силы. «После упадка рабочего движения, другие

не смогли собрать вокруг себя такое же большое количество людей и со временем маргинализировались» [1, С.74].

Однако, развитие технологий, особенно интернета и социальных сетей позволили в какой-то мере преодолеть эти проблемы. Так, в избирательных процессах появилась возможность, частично, избавиться от спонсирования со стороны компаний с помощью краудфандинга. Политические движения обрели новую жизнь и прекрасно обосновались в интернете. Теперь им проще существовать, организовывать большое количество людей, распространять информацию и это не требует так много ресурсов. Политически активный гражданин, потерявший доверие к старым институтам, может присоединиться к переродившимся движениям или попытаться создать свое.

Стоит понимать, что все эти новшества появились благодаря интернету, но насколько он может быть полезен, настолько может быть и опасен, как в случае с Китаем. Создание таких структур с благими намерениями, к примеру, для поиска потенциальных террористов, скорее всего, будет использоваться властями не только для этого. С ее помощью возможно будет дискредитировать неугодные социально-политические движения и их лидеров. Не исключено и выдавливание оппозиционных сил из Интернет пространства, что фактически равняется полному их исчезновению.

Таким образом, политическая элита различных стран нацелена на использование информационной среды для обеспечения прозрачности мировоззрения человека, в первую очередь в аспекте его лояльности к власти. При этом такой неототалитаризм способен мимикрировать под либерально-демократические модели и практически не обнаруживается консьюмтариатом. Такая ситуация с каждым днем усиливает позиции нетократии в современном массовом обществе. В распоряжении нетократов широчайший диапазон инструментов (отбор по геотаргетинговым характеристикам пользователя, SEO оптимизации, «бот-войска», «троллинг» и др.) и, главное, возможность по своему усмотрению конструировать информационный контент. Человек политический испытывает беспрецедентное манипулятивное воздействие, подвергаясь разного рода информационным атакам. В этих условиях противостояние неототалитаризму в современном информационном пространстве постепенно становится важнейшей задачей гражданского общества.

Литература

1. Крауч К. Постдемократия. – М.: Изд. дом Гос. ун-та, Высшей школы экономики, 2010. – 192 с.

2. Friedrich C.J., Brzezinski Z.K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. –Cambridge. Mass.: Harvard University Press, 1965. – 439 p.

ВЛИЯНИЕ МЕСТОРАЗВИТИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА ПОЛИТИЧЕСКОГО В РОССИИ: ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

Задворнов А.Н., Степанов А.П.

*Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского)
федерального университета, г. Набережные Челны*

Политические взгляды человека зависят от многих факторов. Например, от влияния государства, воспитания и характера человека, его окружения и выводов, сделанных на основе личного опыта и др. Теория географического детерминизма ключевую роль в формировании человека политического отводит природно-климатическим факторам.

Основания этой теории обнаруживаются уже в работах древнегреческих философов Демокрита и Парменида. В европейской философии данная концепция в системном виде была представлена в произведениях французского просветителя Ш. Монтескье. Значительный вклад в развитии теории внесли представители геополитической науки, в первую очередь Д. Маккиндер и Н. Спайкман.

В отечественной философии идея влияния месторазвития на формирование человека политического наиболее глубоко разработана евразийцами. Понятие «месторазвитие» введено в научный оборот П.Н. Савицким. Евразийцы предлагали целостное рассмотрение социально-исторической и географической среды. При этом подчеркивалось, что в отличие от географического детерминизма, понятие «месторазвитие» предполагает диалектику, то есть взаимовлияния, как природы на социальную систему, так и деятельность народа по приспособлению природы к этосу нации.

Следует иметь в виду, что месторазвитие иерархично и более крупные месторазвития включают малые. Эта евразийская идея восходит к теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского.

К важнейшим выводам евразийской философии (Н.С. Трубецкой, Л.П. Карсавин и др.) относится и то, что у России свое месторазвитие, а значит своя форма соучастия народов в политическом управлении. Эта форма получила название демотия. Она предполагает систему земских советов, представительств местного самоуправления, культурных и профессиональных союзов. В качестве примеров приводились казаческая демотия, Новгородского вече, выборы настоятеля церкви прихожанами в Московском государстве. Центральная идея демотии состоит в реализации принципов прямой демократии на местах, при сохранении общегосударственной политической идентичности и недопустимости «разложения на самостоятельные политические единства, враждебные друг другу и питающие дух национального партикуляризма и сепаратизма» [2, С. 261].

Установки и привычки, которые были у наших предков, передались и нам, а, следовательно, и текущее политическое сознание граждан России корнями уходят к тому, как наши предки развивались под влиянием месторазвития. Приведем отдельные примеры влияния месторазвития на формирование человека политического в истории России.

Наиболее резко влияние среды заметно в трудовой и духовной жизни крестьянства. Исторической территорией Российского государства является обширная зона в Восточной Европе, которая имеет короткий сельскохозяйственный сезон, низкую сумму активных температур. В этой зоне также преобладают малоплодородные и неплодородные почвы. Обработка таких почв должна быть очень тщательной и кропотливой и занимать большое количество времени. Но земледельческий сезон был очень коротким – примерно 100 рабочих дней. За такой небольшой срок крестьянская семья из четырёх человек качественно обрабатывала только малую площадь земли, чуть больше одной десятины. При таком объёме работы невозможно получить излишки, которые можно потратить на улучшение существующего положения. Большая площадь земли напрямую зависела от погоды, потому что её качественно обработать не успевали. Поэтому в России на протяжении многих столетий урожайность зерновых культур была на крайне низком уровне и не имела почти никаких шансов на увеличение. К тому же практически невозможно было улучшить урожайность за счёт удобрений, так как единственный доступный вид удобрений – навоз был всегда в дефиците.

Обычно его хватало на удобрение земли раз в 9-12 лет. Также было мало скота, потому что его почти нечем было кормить. Ввиду низкой урожайности и длинного стойлового периода было невозможно заготовить качественный корм. Для поддержания плодородия земли пашни приходилось оставлять без обработки, чтобы сделать перелого, а расчищали их обратно под пашню уже новые поколения семьи. Такой метод многие века был единственным способом восстановления плодородия и поддержания сельского хозяйства [1, С. 77]. Но этого категорически не хватало для увеличения прибавочного продукта, а значит – и не было возможным хоть какое-то развитие.

Из-за этих факторов общество обладало низким уровнем разделения труда, что влекло за собой крайне медленный темп развития промышленности и торговли. К тому же земледелие было экстенсивным, следовательно, требовалось постоянное увеличение пашен. Но при этом сохранялся дефицит рабочей силы.

Эти факторы неизбежно влияли и на развитие человека политического. Постоянная необходимость насильственного изъятия государством у крестьян прибавочного продукта в размерах, далеко превосходящих то, что русский крестьянин мог бы отдавать без ущерба для себя, привела к появлению весьма жесткого механизма политического принуждения крестьянства со стороны государственной власти. Отсюда деспотическая, самодержавная форма государственного правления, сочетание системы «государственного феодализма» с суровым и страшным режимом крепостничества в сфере помещичьего землевладения и хозяйства. Параллельно «развивалась миграция крестьян в более плодородные земли с менее суровым климатом, что повлекло за собой укрепление государственных границ и усиление военных функций» [1, С. 78].

Таким образом, объём работы и тяжесть труда крестьян практически не совпадала с их результатами. Это непременно заставляло крестьян не верить в свои силы и полностью надеяться на природу и прочие факторы, не зависевшие от них. Немалая доля крестьян была в этих условиях подвержена чувству обреченности и становилась от этого отнюдь не проворной и не трудолюбивой.

В итоге мы получаем примерно такой портрет: человек, вынужденный работать в тяжёлых условиях и ограниченное время, почти всегда получающий результат, несоответствующий приложенным

усилиям. Результат сильно зависит от погоды, что заставляет крестьянина надеяться на факторы, никак от него не зависящие. Это порождает неверие в свои силы и суеверность, а также религиозность. Крестьянину часто приходилось работать даже не на себя, а на помещика. На себя у него практически не остаётся времени. На фоне всего этого неизбежно появится апатия и безразличие к своей жизни, а при отсутствии положительного примера того, что можно жить лучше и по-другому, крестьянин считает, что так жить и надо. Отсюда и определяющие черты человека политического: политический пассивизм, абсентеизм, квиетизм и принятие государства, как порабощающего механизма, взаимодействие с которым не может привести к положительным последствиям.

Почему же так важно знать, как жили наши предки? Потому что это передаётся и нам. Несмотря на, вроде бы серьёзное изменение образа жизни современного гражданина России, у нас сохраняются общие черты характера. Они передаются из поколения в поколение. Примечательна инертность граждан в политической жизни нашей страны. Явка на выборы в Государственную Думу в 2016 году составила 47,81 %, что говорит о том, что больше половины граждан России не воспользовались своим законным правом участия в выборах. Малую инициативу граждане проявляют и в предпринимательстве. Доля в ВВП малого и среднего предпринимательства составляет 19,9 % на 2015 год. В то время как в США, Франции, Англии их доля превышает 50 %.

Вместе с тем не стоит забывать и о том, что в целом народ русский даже в годину жестоких и долгих голодных лет, когда люди приходили в состояние «совершенного изнеможения», находил в себе силы и мужество поднимать хозяйство и бороться за лучшую долю. В целом это свидетельствует и о потенциальной возможности реформирования человека политического в современной России. Для этого в частности следует осознать истоки формирования политического мировоззрения россиян.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что месторазвитие во многом повлияло на политическое сознание российских граждан. И сейчас у нас есть возможность осознать свои ошибки и заблуждения и развивать политическое сознание. Россияне должны понять, что они реально могут участвовать в жизни государства и улучшать его. Следует избавляться от политической пассивности и апатии.

Одной из важнейших задач для России, на наш взгляд, является осознание гражданами своей ответственности за состояние общества и государства. Наиболее эффективным методом развития ответственного отношения к стране должно быть распространение прямой демократии и создание условий для участия граждан в делах местного сообщества. Ответственное отношение к своему малому месторазвитию, в дальнейшем может быть перенесено и всю Россию, и станет частью общегосударственной политической идентичности.

Литература

1. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // *Общественные науки и современность*. – 1995. – № 1. – С. 76-87.

2. Трубецкой Н.С. Общевразийский федерализм // *Евразийская хроника*. – Париж. – 1927. – Вып.9. – С. 234-269.

КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ В РАЗРЕЗЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Зарипова Л.М.

*Экстерн-соискатель Казанского государственного института культуры
(научный руководитель: д.ф.н., профессор Комадорова И.В.), г. Казань*

Планетарные процессы современности маркируются терминами «глобализация» и «мультикультурализм», а, значит, культуры сегодня «вынуждены искать сообщаемость друг с другом, разместившись на одной планете» [5, с.10]. В данных условиях адекватное осознание мировоззренческих (общекультурных) угроз есть неизбежная необходимость для личности. К числу угроз, в частности, может быть отнесена следующая: «безусловно, есть зарождающаяся глобальная культура, и она по своему происхождению и содержанию, безусловно, американская. Это не единственное направление изменений в современном мире, но, ... это преобладающая тенденция, которая проявляется и, вероятно, будет проявляться в обозримом будущем» [4, с.5]. Следует отметить, что помимо глобализации (более связанной с цивилизацией), а также регионализации (связанной с культурой), существует также и глокализация, означающая глобальный контекст «малых пространств» – локусов культурно-цивилизационной идентичности.

Понимание хронологии современности разнится, в частности, бытует точка зрения, что это период с середины XIX века до наших дней [2, с.37]. Принимая во внимание данное обстоятельство, отметим, что именно «с XIX века отдельно взятый человек стал более зависимым от дополнения его другими людьми» [1, с.23], то есть стал более зависимым от процессов коммуникаций. Можно констатировать, поэтому следующее: главными фигурантами жизненных событий наряду с

личностью являются также культура и коммуникация (конечно же, не только они, есть ещё и стечение обстоятельств, и эон истории и пр.). Глобальное же культурное развитие характеризуется тем, что оно «имеет ярко выраженную тенденцию к унификации локальных сообществ, что проявляется в распространении общих ценностей, норм, стандартов, идеалов, отчасти имеющих универсальный характер» [3, с.40].

Коммуникации сегодня следует рассматривать в качестве инварианта/атрибута общественного бытия, социальные же коммуникации – в качестве его варианта/модуса. Коммуникация, по определению М.К. Петрова, есть «возможность сохранения коллективного опыта, предстающая как попытка идентификации социальных знаний: коммуникация обнаруживается там и тогда, где нужно устранить рассогласование между тем, что есть и тем, что нужно, коммуникация работает на закрепление норм и стабилизацию...» [5, с.40-41]. Коммуникация из средства диалога культур превращается в само содержание общения, вынуждая культуры подчиняться неким общим законам коммуникации. Таким образом, принадлежность личности к определённому социуму и определённой культуре проявляется, в том числе, посредством связи с другими людьми.

Любая культура начинается с человека – индивида (социального атома). Императив гуманитарного роста: приобщённый к общеродовым культурным значимостям (ценностям) человек не может не проявлять собственную общеродовую культурную сущность. Стабильность мира традиций, свойственная культуре восточного типа, должна стать атрибутом культуры западного типа, в этом проявится межкультурная компромиссность, столь необходимая сегодня. Что является продуктом развития общества, продуктом концепций, которые конкурируют или вытесняют другие, продуктом базовых культурных представлений? Ответ: качество социальной коммуникации, их вариативность. Культура и общество не являются последними основаниями, задающими смысл и способ бытия всему. И общество, и культура сами нуждаются в таких основаниях. Разделяя, усваивая, присваивая общечеловеческие ценности, человек относится к себе и к бытию через мироотношение человечества – его существование подчиняется самооценке «что из себя сам я сделал?». Таким образом, конституирование культурного пространства перенаправляется из режима опустошения в режим наполнения.

Первейшим критерием культурного подъёма является требование, чтобы члены конкретной социальной группы не стремились искать «где-то в другом месте» источник своего культурного развития, а имели его «у себя». «У нас», в Татарстане, имеются таковые источники, в частности, около современного города Болгар расположено городище Булгар – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, которому планируется присвоить статус федерального, он также включён в число объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Предполагается, что городище Булгар и город Болгар станут новым федеральным туристическим центром: в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 20.02.1995 г. №176 Музей-заповедник включён в Перечень объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения. Создание и развитие Болгарского государственного историко-архитектурного музея заповедника есть пример выработки нового смыслообразующего ядра культуры в контексте регионализации. Существующие социальные подсистемы (архивы, библиотеки, музеи, клубы и др. организации просвещения), играют большую роль в процессах «окультуривания» человека, становления его как личности как члена того или иного культурного сообщества; вне этого личности не бывает, а человек вырастает просто биологическим индивидом, дикарём, варваром... Важно также отметить и то, что всеобщее культурное наследие, невзирая на субъективно-индивидуальный опыт, указывает человеку на узость сугубо утилитарного отношения к действительности.

И личность, и культура, являясь двумя социальными онтологиями, обладают разделённой ответственностью. Одна из функций культуры заключается в поддержании самого бытия культуры, личность же можно трактовать как одну из форм социальной жизни. Отсюда: с формированием личности видоизменяется и сама культура, личность представляет собой и точку роста культуры в том смысле, что именно через ее активность (коммуницирование) и творчество происходит развитие культуры. С.С. Неретина, (характеризуя концепцию культуры М.К. Петрова через призму материалистической идеологии, отмечает превалировавшую в СССР трактовку культуры в качестве надстройки, а стало быть, совсем не обязательного фактора, потому что главное – это производство), отмечает: «Игнорируя фактор культурного наследия, мы как-бы вышибали дух из духа» [5, с.11]. Времена изменились. При

системном использовании всех наших знаний о структуре и функционировании объектов культурного наследия (Болгарский историко-архитектурный музей-заповедник) следует ожидать успехов в теоретическом осмыслении, методическом обеспечении и практической реализации принципов регионального социально-экономического устойчивого развития.

Коммуницирование (общение) – это врождённое, социально необходимое человеку действие, а «человек на то и человек, что не может разбрасываться природой ему дарованным достоянием» [5, с.10].

Литература

1. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь.–М.:«Логос».–2002- №3(34)–С.23-34– URL:<http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim.html>.

2. Ивин А.А. Основы социальной философии. – М.: «Высшая школа», 2005. – 440 с.

3. Касаткин П.И. Глобализация культуры: проблемы и перспективы// «Власть». – 2017. – №8. – С.40-48.

4. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире (под ред. П. Бергера, С. Хантингтона; пер. с англ. В.В. Сапова). – М.: «Аспект Пресс», 2004. – 379 с.

5. Петров М.К. Язык, знак, культура. – М.: «Едиториал УРСС», 2004. – 328 с.

ЧЕЛОВЕК И СПЕЦИФИКА ГУМАНИТАРНЫХ ПАРАДИГМ

Ильин А.Г.

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

Современная философия науки и философская антропология предоставляют все большее значение опыт специфики и методологического потенциала гуманитарного знания, возможностей гуманитарно-научной парадигмы, что объясняется самой логикой становления постнеклассической науки, процессами ее гуманизации и гуманитаризации. В начале XXI века потребность в осмыслении гуманитарной парадигмы научного познания обусловлена, кроме всего прочего, еще до сих пор не преодолен существенным отставанием в

становлении методологии гуманитарных наук от аналогичной сферы естествознания. Сегодня методологические исследования гуманитарно-научной парадигмы знания приобрели немалое значение. Можно только догадываться, какие достижения нас ожидают в этой сфере философии науки в будущем. По крайней мере, предпосылки для долгожданного прорыва создан философами и методологами науки прошлого. В результате упорного труда нескольких поколений мыслителей в западноевропейском методологическом дискурсе постепенно сформировалось расширенное понимание знания. Оно стало трактоваться как атрибут человеческого бытия, культурно-исторический феномен, обусловленный факторами времени и пространства, различными формами практик и теоретической деятельности. «Сюда включаются все формы вне – и донаучного знания (в частности, магия считается предельным опытом, где также осуществляется решение практически-познавательных задач), оказываются социокультурные контексты познания – в конце концов, исследуется «совокупный познавательный процесс» [1, с. 34]. Тем самым предметное поле неклассической теории познания человека предельно расширяется, она становится исторически и гуманитарно ориентированным синтетическим знанием, преодолевающей «голый теоретизм», ограниченную автономность познания с ее внутренними законами, которые не имеют отношения к реальной познавательной деятельности» [2, с. 15- 16].

Говоря о гуманитарной парадигме знания, стоит вспомнить, что наука в ее современном понимании зародилась в эпоху Возрождения и Нового времени, когда человек заняла центральное место в картине мира. Выдающиеся философы и ученые той поры были убеждены, что научное познание призвано служить человеку, удовлетворять ее телесные и духовные потребности. То есть миссия науки изначально считалась гуманитарной [4].

Конечно, были времена резкого противопоставления естественнонаучного и гуманитарного знания, когда каждая сторона пыталась обосновать свое право называться наукой. Представители гуманитарного познания вынуждены были в основном защищаться от критики, но это сыграло чрезвычайно важную роль в предметном самоопределении гуманитаристики и утверждении ее научного статуса. «Ученые, как основные субъекты науки, являются в первую очередь учеными-исследователями (они решают актуальные научные проблемы). Вместе с тем, многим из них присуща и функция преподавателя. Ученые

по совместительству преподают в различных учебных заведениях дисциплины, в рамках которых они занимаются научными исследованиями и обучают своих аспирантов, готовят себе смену» [3].

Сегодня упомянутая полемика постепенно угасает, перерастая в поисках компромисса. При этом обычно сами ученые-естественники инициируют обсуждение проблем, связанных с научного знания (вспомним хотя бы антропный принцип, идею дополнительности Бора, принцип универсального эволюционизма, синергетику и т.д.). С обеих сторон делаются шаги навстречу. И оснований для такого взаимосближения немало. Между двумя, на первый взгляд, абсолютно противоположными методами общим является то, что они оперируют одними и теми же категориями, например, «индивидуальное» и «общее». Действительно, социальный метод как основа естественнонаучного познания – это сведение индивидуального к общему, тогда как основой гуманитарной методологии считается сведения общего к индивидуальному. Здесь напрашивается аналогия с характеристикой метода научного познания Декартом и Бэконом в пределах самого естественнонаучного познания (рационалистическая дедукция и эмпирическая индукция).

Таким образом, можно проследить последовательную смену разновидностей концептуального самоопределения науки. Если натуралистическая парадигма науки XVII-XVIII веков, абсолютизируя объективную действительность, которая отображается в теоретических построениях, акцентировала внимание на целостности природы, хотя и представляла ее чисто механистически, то есть как сумму частей, одной из которых является сам человек, а наука двух следующих веков онтологическую модель трансформировала в эпистемологические с ее субъект-объектной дихотомии, с которой закономерно следовало противопоставление знания о природе и о человеке, то в конце 20-го и в начале нынешнего века происходит своеобразное возрождение целостности, в которой антагонистические противоположности становятся органическими. Речь идет о гуманитарной общенаучную парадигме, способную служить основой восприятия не только социокультурных, но и природных явлений.

Литература

1. Афанасьев А.И. Парадигмы гуманитарных наук / А.И. Афанасьев, И.Л. Василенко. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/NIO/Philosophia/afanas_ev.doc.htm

2. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие – М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. – 464 с.

3. Сабиров А. Г. Субъекты влияния образования на развитие современной науки// NovaUm, №6, 2017. Режим доступа – <http://novaum.ru/public/p160>

4. Смирнов С.В. Сущность и причины роста социальной значимости лженауки // NovaUm // №6, 2017. Режим доступа – <http://novaum.ru/public/p164>

ПОЛИТОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ

Исаева К.А., Смирнова В.Ю.

*(научный руководитель: доцент кафедры философии и социологии
ЕИ К(П)ФУ Ильин А.Г.), г. Елабуга.*

В условиях отсутствия концептуального плюрализма академическая политология в современной России постепенно теряет интерес к привлечению современных методологических подходов для объяснения политических процессов, мало учитывает результаты эмпирических исследований, а затем теряет свою основную социальную функцию формирование критически мыслящего гражданина.

Когда встает вопрос о социальном значении любой дисциплины, то речь, как правило, идет о ее функциях. Отечественные авторы традиционно в таких относят познавательную, мировоззренческую, ориентирующую, идеологическую и апологетическую. Настороженность вызывает зачисления некоторыми авторами в функции политологии нормативно-ориентирующей и апологетической функций. «Нормативно-ориентирующая функция политологии связана с ответом на вопрос: что лучше? Выбор следует осуществить? Кроме обоснования преимуществ

того или иного выбора, эта функция содержит и формулировки нормативных политических моделей, то есть самих альтернатив» [1, с.123].

С первого взгляда все кажется логически обоснованным. Поиски идеального политического устройства и способа принятия оптимального политического решение волновали политических мыслителей еще со времен античности. Проблема, однако заключается в том, что политология, как и любая общественная дисциплина, не может иметь и не имеет четко сформулированного идеала, то есть нормы, как мерил политического устройства или политического поведения. Предположение о том, что политически образованный гражданин способен сделать лучший выбор, чем необразованный, эмпирически не подтверждается. Анализ устоявшихся норм политического поведения граждан, таких как выборы, референдумы или участие в политических партиях, общественных организациях и т.д. показывает, что одни и вторые склонны принимать решение под влиянием своего социокультурной среды, то есть не рационально. То же самое в значительной степени касается электорального поведения граждан, входящих вполитических партий, общественных организаций и движений [2, с. 43].

С другой стороны, вопрос о том, «что лучше» не может решаться исключительно нормативно. Ценностные ориентации и предпочтения граждан определяются целым комплексом факторов, среди которых образование и политическая образованность есть лишь его составляющими.

Еще одна функция политологии, которая появляется у некоторых авторов в списке того, что политология выполняет – апологетическая. «Дело в том, что любая политическая система должна себя защищать, поэтому политическая наука не остается нейтральной к политической системе, потому что она выполняет служебную роль – оправдание политической власти в данной системе, ее ценностей, принципов функционирования, системы политических решений, ее политической элиты» [3, с. 34]

Такое определение служебного статуса политологии в отношении с существующим политическим режимом является ответом на вопрос о том, что политология делает в недемократических и переходных режимах, чем на то, что она должна делать в открытых обществах. Поскольку современный политический режим в Украине сохраняет некоторые черты авторитаризма, то апологетическая функция здесь приобретает особое

значение. Предоставление искусственной легитимации существующему режиму не принесет пользы ни власти, ни обществу. Власть будет медлить с проведением настоящих реформ, а общество будет скатываться все ближе к атактистическим форм социальной организации.

Одним из проявлений политически корректного поведения в академических кругах есть существование определенных тем, о которых не принято говорить. Наиболее табуированными темами являются коррупция и плагиат. Эти темы касаются профессиональной этики преподавания в высшей школе, однако, к сожалению, остаются в стороне большинства вокруг- академических дискуссий.

Коррупция является системным явлением и выходит за пределы проблематики этой работы. Однако, как показывает анализ содержания многих академических изданий, плагиат остается неотъемлемой чертой профессионального инструментария значительного количества отечественных политологов. Раз за разом можно встретить заимствования отдельных формулировок, а то и перепечатка целых фрагментов текста без ссылок на оригинальный источник. Если целью таких авторов есть что-выдать и включить это в перечень научных «достижений», то такая цель слишком эгоистична. Терпимости плагиата притупляет этические требования к академической деятельности и негативно влияет на качество их продукции. Недаром на Западе существуют достаточно жесткие требования к любым научным публикациям, а подозрение в плагиате автоматически означает конец научной карьеры.

Литература

1. Гельман В.Я. 2004. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? – Полис, № 4.
2. Лапкин В.В., Пантин В.И. Волны политической модернизации в логике «противоцентра». – Мегатренды мирового развития. – М., 2001.
3. Мельвиль А.Ю. 2004. О траекториях посткоммунистических трансформаций. – Полис. – № 2.

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Исаева К. А., Смирнова В. Ю.

*(научный руководитель: доцент кафедры философии и социологии
ЕИ К(П)ФУ Ильин А.Г.), Елабужский институт КФУ, г.Елабуга*

Некоторые отечественные авторы выступают за необходимость их разграничения, я считаю такой разделением лишним ввиду того, что политология, как и политическая наука, должны объяснять политическую действительность, сочетая умозрительные, в-логические и эмпирические методы [3, с. 64]. Академическая политология человека отличается от теоретической и прикладной в том, что она использует результаты теоретических и эмпирических исследований для преподавания в высшей школе и ориентации в жизни людей. Поскольку среди массы учебных материалов, доступных для использования в современных условиях, главным остается учебник, то именно от качества учебника во многом зависит и качество усвоения студентами той или иной учебной дисциплины.

Начиная с недавних пор было подготовлено множество учебников по политологии человека, часть из которых уже выдержала более одно издание. Несмотря на довольно значительное количество учебников их качество, за редким исключением, не отражает современного уровня теоретических и прикладных исследований в области политологии. На наш взгляд, главным недостатком большинства учебной литературы по политологии является отсутствие четкого методологического стержня и концептуальная бедность, в значительной мере отражается в эклектичном характере формирования содержания учебников. Таким стержнем, как правило, является своеобразным углом взгляда автора или авторов на способ изложения материала, как правило, есть определенная теоретическая установка или подход, который разделяет автор и кладет в основу написания учебника. «Подходит» в общественных науках принято считать свободно совмещенную или менее развитую, чем теория систему суждений и гипотез. Подход указывает на специфический способ взгляда на то или иное явление, определяется особым набором понятий, способом их интерпретации, даже языком [2, 85]. В основе же подхода чаще всего

лежит исходное понятие, будь то конфликт или стабильность (Консенсус), элитаризма или плюрализм, нормативизм или бихевиоризм, политическая коммуникация, так необходимая для человека, или политические институты, наиболее часто встречающихся в учебной литературе такого рода. Отсутствие четко определенного подхода является одной из главных методологических проблем, с которыми столкнулась значительное количество отечественных авторов.

Еще одной проблемой методологического характера является отсутствие четкого определение предмета дисциплины и разрыв между формулировкой предмета и способом его раскрытия в содержании учебников. Удивление вызывает тот факт, что большинство тем учебников в разных авторов сформулированы почти идентично, однако почти каждый из них пытается предложить свое определение предмета политологии.

Такое определение служебного статуса политологии в отношении с существующим политическим режимом является ответом на вопрос о том, что политология делает в недемократических и переходных режимах, чем на то, что она должна делать в открытых обществах [1, с. 78]. Поскольку современный политический режим в мире сохраняет некоторые черты авторитаризма, то апологетическая функция здесь приобретает особое значение. Предоставление искусственной легитимации существующему режиму не принесет пользы ни власти, ни обществу. Власть будет медлить с проведением настоящих реформ, а общество будет скатываться все ближе к атавистическим форм социальной организации. Отсюда действительно стоящим пропитанием, который политология может дать власти и обществу является осуществление критического анализа действий власти со стороны общества и критической оценки собственных действий самой властью. Сохранения критической, но не циничной, а затем ответственной мировоззренческой установки, является одним из краеугольных камней политологии. Такая мировоззренческая ориентация гуманистической политологии способствовала бы формированию активного, лишённого страха и опасности манипулирования, гражданского общества в России и странах СНГ [3, с. 45].

Близким к функциям политологии вопрос о гражданской позиции политолога и роль преподавателя политологии. В Западной интеллектуальной традиции, которую в значительной степени разделяют наши ученые, утвердился «веберовской» принцип свободы от оценок,

суть которого сводится к стремлению максимальной незаангажированности в суждениях и разграничении личных политических предпочтений от предмета исследований. Если практика последних лет показывает, что этот принцип игнорируется значительным количеством политтехнологов, то преподавателями политологии он в большинстве случаев соблюдается.

Литература

1. Пантин В.И. 2004. Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М.: Прогресс. 2016.
2. Умов В.И., Лапкин В.В. Кондратьевские циклы и Россия: прогноз реформ. – Полис. – 2014. – № 4.
3. Хорос В.Г. Модернизация как общемировой процесс. – Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. – М.: Политическая мысль. 2009.
4. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. L. 1989.

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА В КОНЦЕПЦИЯХ РОССИЙСКИХ ФИЛОСОФОВ

Исмагилов Т.Ф.

НИИ механики Московского государственного университета, г. Москва

Проблема выявления роли политического фактора в формировании и развитии русского человека является актуальной в философии. Она рассматривалась такими известными философами, как Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев, Н. О. Лосский, П.А. Сорокин, В.С. Барулин, Ю.А. Левада, Д.В. Полежаев и др. Данные философы писали об огромной значимости политического фактора в формировании и развитии русского человека.

Наиболее комплексным образом о роли политического фактора в формировании и развитии русского человека писал Н.А. Бердяев. Он назвал следующие политические факторы, повлиявшие на русского человека в российском обществе: «борьба с татарскими нашествиями и татарским игом, всегдашняя гипертрофия государства, тоталитарный режим

Московского царства, смутная эпоха, раскол, насильственный характер петровской реформы, крепостное право, которое было самой страшной язвой русской жизни, гонения на интеллигенцию, казнь декабристов, жуткий режим прусского юнкера Николая I, безграмотность народной массы, которую держали в тьме из страха, неизбежность революции для разрешения конфликтов и противоречий и ее насильственный и кровавый характер и, наконец, самая страшная в мировой истории война» [1, с. 46–47].

В свою очередь В.С. Соловьев особо выделил роль византийского фактора. Он писал, что, приняв византизм, Россия постепенно обособилась от всего остального христианского мира, в нем установилось тотальное господство государства над человеком, что в свою очередь привело к полной зависимости русского человека от государства [2, с. 562 – 602].

Н.О. Лосский считал, что на формирование русского человека оказали влияние петровские реформы по европеизации России [3].

П.А. Сорокин указал на большое значение в формировании и развитии русского человека постоянных войн, которые вела Россия [4, с., 474, 475].

В.С. Барулин считал, что на русского человека повлияли в первую очередь самодержавный режим в имперской России, партийно-государственный абсолютизм Советской России [5].

Ю.А. Левада обосновывал идею о том, что советский человек – это продукт тоталитарного режима [6].

Д.В. Полежаев отмечал значение политического режима в формировании и развитии русского человека [7, с. 271 – 274].

Анализ взглядов русских философов на роли политического фактора в формировании и развитии русского человека позволяет сделать следующие выводы:

– все русские философы считали, что политический фактор играл огромную роль в формировании и развитии русского человека в российском обществе;

– русские философы выделяли следующие составляющие элементы политического фактора, которые сыграли важную роль в развитии русского человека: патриархально-демократическое устройство первых древнерусских княжеств, многочисленные войны, которые вела Россия, устройство московского государства по византийскому образцу,

устройство российской власти по татаро-монгольскому образцу; самодержавие имперской России, реформы Петра I по «прорубанию окна» в Европу, тоталитарный характер советского государства, бюрократическо-полицейское устройство государства, гонения на интеллигенцию, многочисленные насильственные и кровавые революции, монопольное положение в советском государстве коммунистической партии, переходный характер современного российского государства, развивающегося от авторитаризма к демократии и т.д.;

– русские философы считали, что политический фактор способствовал появлению таких свойств русского человека, как чувство отчужденности от власти, абсолютной зависимости от нее, пренебрежительное отношение к нижестоящим людям и верноподданническое отношение к своему господину, патернализм, страх перед государственной машиной, перед любой властью, патриотизм, массовый энтузиазм и героизм в экстремальных ситуациях, долготерпеливость, силовой комплекс, культ вождя, склонность к насилию, искание правды, смирение, бунт, всеобъемлющее отчуждение от власти и т.д.

Литература

1. Бердяев Н.А. Судьба России / Н.А. Бердяев // Русская идея. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005.– С. 23-202.
2. Соловьев В.С. Византизм и Россия. [Электронный ресурс] / В.С. Соловьев. – URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/solovyov/solovv12.htm> (дата обращения: 10.11. 2017).
3. Лосский Н.О. Характер русского народа / Н.О. Лосский // Условия абсолютного добра. – М.: Политиздат, 1991. – С.238-253.
3. Сорокин П.А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии / О России и русской философской культуре. – М.: Наука, 1990. – С.463 – 490.
4. Барулин В.С. Российский человек в XX веке. Потери и обретения себя / В.С. Барулин. – СПб.: Алетейя, 2000. – 431 с.
5. Левада Ю.А. Ищем человека. Социологические очерки. 2000 – 2005 гг. – М.: Новое изд-во, 2006. – 384 с.
6. Полежаев Д.В. Русский менталитет: социально-философское осмысление /Д.В. Полежаев. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. – 370 с.

7. Сабиров А.Г., Сабирова Л.А. Русский человек: сущность своеобразие и перспективы развития. Монография. – Казань: Изд-во РИЦ «Школа», 2014. – 155 с.

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ НАЧАЛА ФИЛОСОФИИ

Кириков О.И., Сухоруких А.В.,

Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород

Философская парадигма объективно существует в параметрах конъюнктуры социально-экономических отношений, а это ключевой фактор социума, сужающий методологический формат собственно философского знания, «навсегда» лишённого метафизических высот и соответствующих аксиологических измерений. Между тем, объективный методологический дискурс философской науки в её европейском классическом прочтении сегодня должен стать максимально приближен к начальным основаниям собственно аристотелевской метафизики, к её теургическим критериям, исходящим из наличия платоновских идеальных форм бытия «сознания-духа» и регламентирующим дельнейшие этические, диалектические, логические и даже политические целеполагания. Такой философско-методологический подход органично снимает сциентические и «постмодернистские», рациональные и иррациональные наслоения, наполняя сущностным смыслом единый онтологический базис.

Высшие аксиологические критерии бытия всех когда-либо имевших место цивилизационных, этно-конфессиональных или государственных «проектов» именно в духовных качествах сознания и нравственных целях познания логически «закольцовывали» и, в конечном счёте, социально регламентировали важнейший антропоцентричный консенсус существования человека и «открывали» человечеству метафизические, «первоприродные» божественные цели бытия. В этом смысле ни человек, ни человечество в целом не завершаются своей биологической природой и не исчерпываются одной лишь антропоцентрической субъектностью, тогда как наследие этико-духовного гнозиса (в той или иной культурно-исторической или конфессиональной форме) неизменно проходило через большинство эпохальных катаклизмов.

Важно, что определённно парадигмальный императив акцентирует и то весомое приобретение, что предельная ценность человеческого существа заключена в его тотальной персонификации, в проявлении квинтэссенции «надбиологических» форм его духовной первоосновы: как не просто «совокупности функций его сознания» [3], но как

непосредственно «сознание» или, другими словами, как величайшая когнитивно-диалогическая константа метафизического универсума. Собственно, это и есть «неповторимое событие» в основе бахтиновской эстетики – «вхождение в бытие» [1], ответственный поступок «по счёту вечности» и, вместе с тем, это и своеобразный «культурный код» человеческой личности в том или в ином измерении бытия. Так, наиважнейшая грань подлинной бытийности её культуры – это парадигмальность обретения звания «человека» и в этическом, и в социокультурном ценностном значении, что само по себе имеет непреходящее значение в масштабах уникального акта обретения универсума сознания: как в микрокосме личностного бытия, так и в социуме в целом.

Персонализация же «в вечности» различных культурно-исторических эпох также обретается аксиологией их культурного наследия. Безусловная значимость конкретно-исторического временного отрезка, его цивилизационное богатство заключается в проявлении персонализированного идеального феномена, своего рода духовно-культурного кластера. Иначе говоря, это «дух эпохи», «душа эпохи» или же, если в ильенковской интерпретации гегелевской диалектики, «духовная формация» производства и репродукции идеальных образов-форм [2], – субъективное отображение объективной реальности в приближении к реальности абсолютной.

Действительно, гегелевский «абсолютный дух», встроенный в исторический процесс или же тождественные по сути, но без последующих идеологических вставок, марксистские феномены: «производство духовных благ», «непроизводительный труд» и «культурный капитал» предстают фактически парадигмальными диффинициями идеальных проекций времени, его универсальных форм «духовного производства» с последующей их институализацией. По существу именно так в своём наибольшем, глобальном аксиологическом измерении проявляется истинность онтологии культуры человека и человечества: «пробуждённая душа» в концепциях неоплатоников, «суверенный дух» в рассуждениях А.С. Панарина [5], лотмановский «коллективный интеллект общества» [4]. Тем самым парадигмой смыслов наполняется созидающая целостность сознания историко-цивилизационного творчества поколений.

Следовательно, как бы методологически не «заземлялась» в различных (вплоть до утилитарных форм философствования) однажды явленная экзистенциальной константой метафизическая идея абсолюта – «тад-экам» в гимнах Ригведы, «единое» у Платона, «нус» у Аристотеля и даже гегелевское «понятие» как абсолютный фактор природы вещей, – несомненно одно: праксиологические интенции социума, в конечном итоге, остаются детерминированы именно аксиологией сверхприродной этико-духовной парадигмы, вне которой всего масштаба наличествующих антропоцентрических рассуждений явно недостаточно для обоснования онтологического статуса человеческой цивилизации.

Литература:

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М: Искусство, 1979. – 423 с.
2. Ильенков Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия. – Т. 2. – М., 1962. – С. 219, 220.
3. Лосев А. Ф. Дух // Философская энциклопедия. – Т. 2. – М., 1962. – С. 82, 85.
4. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб., 2001. – С.392, 395, 416, 492, 557.
5. Панарин А.С. Духовные катастрофы нашей эпохи в свете современного философского знания. Введение // Москва. – 2004. – №3. – С. 147.

БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Мухаметгалиев И.Г.

*Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального
университета, г.Елабуга*

В декабре 2008 г. был принят Федеральный закон «О противодействии коррупции», в котором устанавливались «основные принципы противодействия коррупции, правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней, минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений» [4].

И столько же лет представители различных слоев гражданского общества ведут острые дискуссии о том, насколько эффективны и своевременны предпринимаемые правоохранительными органами меры. Конечно, никто не отрицает, что данное явление в стране приобрело действительно серьезные масштабы, оказывая отрицательное влияние на все институты российского государства и общества. Поэтому правительство вновь акцентирует свое внимание на этой проблеме, подтверждением чему является Указ Президента РФ от 01.04.2016 № 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016 – 2017 годы» [3].

Таким образом, еще десять лет назад одним из ближайших приоритетов была поставлена борьба с коррупцией. В этой связи интересно проследить историю возникновения данного явления, которое имеет место быть не только в России, но и практически в большинстве стран мира, как в предшествующие эпохи, так и на современном этапе.

Исторических документов по данной проблеме сохранилось не много. Но уже в письменных памятниках XIV в. упоминается данное явление, которое классифицируется как «лихоимство» и «мздоимство». Они различались по содержанию. В первом случае речь шла о противоправных деяниях, совершаемых за подношение, в во втором случае – об исполнении своих служебных обязанностей в корыстных целях. При Петре I взяточничество рассматривается уже как преступление, причем не имели эффекта ни жестокие наказания, ни ссылки. В последующие века ситуация еще более усугублялась, но правительство зачастую закрывало глаза, понимая, что жалование чиновников оставляло желать много лучшего. Не исчезла коррупция и в советском государстве [1, с.102].

Для того чтобы начать разрешать проблему, необходимо сначала понимать ее причины, осознавать суть и предвидеть последствия от попыток ее разрешить. Коррупция в России в разных сферах и на разных уровнях имеет подчас совершенно разную природу. В одном случае это механизм компенсации дефицита правила или услуги. С подобным, в частности, в последние годы сталкивается все большее число семей, например, чтобы устроить ребенка в детский сад. Потому что детских садов не хватает. А хороших детских садов не хватает вдвойне.

Еще один из вариантов – это коррупция, связанная с запретительными или разрешительными процедурами. Тут можно сделать

многое, но вот вопрос: кто это будет делать? Прежде чем браться за ужесточение наказания и изменение норм, нужно проделать колоссальную работу по изучению точек возникновения коррупционности, базовых причин. Изучить возможные последствия для всей системы, что произойдет, если эти точки будут ликвидированы или их число уменьшено. Проводить это исследование нужно, во-первых, не разово, а достаточно постоянно (хотя бы для того, чтобы «убивая» одни точки, понимать, где возникают новые), во-вторых, только на аутсорсинге, изучая все аспекты явления. Здесь должны работать социологи, социальные психологи, юристы, экономисты, отраслевые лоббисты. Только так можно получить некое представление о том, где коррупция возникает вследствие несовершенного закона или правила, где – вследствие неоправданной монополии государства; где зависит от персоны занимающего должность, а где – есть типичный продукт национального менталитета (к примеру, патологической нашей неспособности следовать общему правилу и быть, как все).

Американцы, накопившие большой опыт на анализе групповых решений и теорий убеждения, знают, как важно в среде единомышленников или даже якобы единомышленников, поставленных перед выработкой и принятием важного решения, иметь «адвокатов дьявола» – людей, занимающих иную аргументированную позицию, или, как минимум, небезосновательно сомневающихся в последствиях принимаемых решений.

Потому что в противном случае мы вновь получим то, о чем предостерегал более ста лет назад один из величайших французских исследователей Гюстав Лебон: «Введение целой серии бесчисленных мероприятий, имеющих обыкновенно ограничительный характер, необходимым образом ведет к увеличению числа чиновников, обязанных приводить их в исполнение, и усилению их власти и влияния... Власть их тем более велика, что постоянные перемены правления несколько не влияют на их положение. Так как административная каста – единственная, ускользающая от этих перемен и обладающая безответственностью, безличностью и бесперывностью» [2, с.56].

Литература

1. История отечественного государства и права / отв.ред. И.А.Исаев. – М.: Проспект, 2015. – 432 с.

2. Лебон Гюстав. Психология народов и масс. – М.: Академический проект, 2011. – 238 с.

3. Указ Президента РФ от 01.04.2016 № 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016 – 2017 годы» // Российская газета. – 2016. – 13 апреля.

4. Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 03.04.2017) «О противодействии коррупции» // Российская газета. – 2008. – 30 декабря.

ПРАВОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ – ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПОДГОТОВКИ СОВРЕМЕННОГО УЧИТЕЛЯ

Мухаметгалиева С.Х.

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г.Елабуга

Повышение роли права в жизни людей и происходящие изменения в сфере образования предъявляют новые требования к подготовке специалистов социально-гуманитарного направления. Как следует из «Закона об образовании в Российской Федерации» [3], государственных образовательных стандартов, а также квалификационных характеристик, целью высшего профессионального образования является подготовка высококвалифицированных специалистов и разносторонне развитых личностей, способных к активной социальной жизни в обществе и трудовой деятельности. Поэтому актуальными являются задачи, связанные с построением правового государства и гражданского общества. Выполнение этих задач связаны с изменениями в экономике, социальной сфере, законодательстве, в том числе и человеческим фактором, отношением граждан к значимости института права, правовым гарантиям личности.

По мере построения правового государства и гражданского общества в Российской Федерации обновляется законодательство и накапливается соответствующая правоприменительная практика и все более осязаемым становится разрыв между действующим законодательством и низким уровнем правосознания и правовой культуры выпускников высших учебных заведений неюридического профиля.

На фоне происходящих изменений возникает потребность формирования правовой компетентности у студентов – будущих учителей,

как одной из важных и обязательных составляющих профессиональной подготовки. Содержание процесса профессиональной подготовки будущих учителей, связано острой потребностью данной профессии, как специалистов широкого профиля, владеющих знаниями по предмету, в том числе и в области права. Они часто сталкиваются с вопросами оказания консультативно-правовой помощи школьникам и родителям в области образовательного права, оказания помощи в составлении разнообразных документов при оформлении в школу, документов для получения предусмотренных законом, пособий, льгот, алиментов и др. Учителя осуществляют предупредительную работу с школьниками разных возрастов, проводят работу по охране и защите их прав, свобод и законных интересов. Учитель в своей практической деятельности выполняет различные роли и функции: он одновременно учитель, воспитатель и защитник интересов молодого человека, по соблюдению его прав и свобод [2, с.383].

Анализ профессиональной деятельности учителя показывает, что они не только учат и воспитывают, но и непосредственно решают практические задачи по оказанию социально-правовой, консультативной помощи, защиты и поддержки родителей и учеников. В связи с этим среди профессиональных компетенций учителя следует выделить правовую компетентность, включающую правовые знания, правовое сознание и правовую культуру.

Актуальность проблемы формирования правовой компетентности обусловлена противоречиями между требованиями общества к учителям с высокой правовой компетентностью и традиционными подходами к профессиональной подготовке учителей включающий знания правовых норм; между потребностью в учителях, обладающих правовой компетентностью и недостаточной разработанностью методики преподавания правовых дисциплин в вузах неюридического профиля; между необходимостью мониторинга качества процесса формирования правовой компетентности и отсутствием его установленных критериев.

В связи с этим в вузе должно быть организовано обучение, направленное на формирование не только правовых знаний, но и определенных профессиональных умений, навыков и личностных качеств будущего учителя, который впоследствии сможет реализовать себя как учителя.

Правовая компетенция определяет «готовность и способность студентов успешно социализироваться в социуме, позволяя им быть более успешными» [1, с.77].

Вместе с тем необходимо отметить, что правовую компетентность нельзя развить, опираясь только на одну правовую дисциплину. Значительное место в формировании правовой компетентности занимают учебные дисциплины «Правоведение», «Образовательное право», «Нормативное обеспечение образовательной деятельности» и др. Формирование правовой компетентности будущих учителей будет более эффективным при использовании комплекса интерактивных форм и методов обучения, которые направлены на активизацию познавательной деятельности обучающихся, позволяют включить элементы, связанные с важными аспектами человеческой психики.

Таким образом, профессиональная компетентность учителя – это сложное индивидуально-психологическое образование на основе интеграции опыта, теоретических знаний, практических умений, навыков, значимых личностных качеств, обуславливающих его готовность к выполнению профессиональной деятельности. Изучение сущности, содержания, структуры и особенностей профессиональной компетентности учителя позволяет сделать вывод о том, что правовая компетентность является ее подструктурой.

Литература:

1. Моисеева Е.В. Система формирования социально-правовой компетенции у студентов вуза// Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2017. – № 5. – С.75-80.

2. Полякова М.Е. Личностный подход, как основа формирования правовой культуры студентов вуза // Актуальные проблемы права: Сборник научных трудов. Вып.6 / Под ред. Е.В. Протас. – М.: МГИУ, 2016. – С.382-385.

3. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 29.07.2017) "Об образовании в Российской Федерации"// Российская газета", N 303, 31.12.2012.

КОНСТИТУЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК СПОСОБ УСТРАНЕНИЯ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В ОБЩЕСТВЕ

Мухаметгалиева С.Х., Фастовец Л.А.
*Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального
университета, г.Елабуга*

28 апреля 2011 года Президентом Российской Федерации были утверждены «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» [3].

Этот важный правовой акт должен ликвидировать правовой нигилизм граждан. В п.1 «Основ» закреплено, что «развитие правового государства, формирование гражданского общества и укрепление национального согласия в России требуют высокой правовой культуры». В п.10 «Основ» утверждается, что «недостаточный уровень правовой культуры и правосознания, правовой нигилизм граждан России являются серьезной проблемой обеспечения реализации принципов верховенства права». По оценке видных общественных деятелей, этот документ можно назвать стратегическим планом по воспитанию у граждан уважения к закону, обучению людей основам правовой культуры.

К 20-летию Конституции Российской Федерации Президент России В.В.Путин 7 ноября обсудил с ведущими специалистами по конституционному праву состояние Основного закона страны. Он встретился с преподавателями конституционно-правовых дисциплин и исследователями конституционного права более чем 20-ти высших учебных заведений со всей России. Помимо проблем преподавания конституционного права, совершенствования законодательного процесса, стабильности законодательства была поднята проблема конституционной культуры. Отмечалось, что «отказ должностных лиц и СМИ от использования иноязычных терминов («сенат», «сенатор», «импичмент», «спикер» и др.), которые в Конституции отсутствуют,- первый шаг к конституционной культуре» [1].

Можно утверждать, что это ещё и способ повышения правовой грамотности населения и устранения правового нигилизма в обществе. Гражданам, далёким от правовых наук, бывает трудно понять, что «Председатель Правительства» России и «Премьер-министр» это одно и то же лицо, только во втором случае – это иноязычный термин. Вызывает недоумение и использование в средствах массовой информации (например, на телевидении) названия палат Федерального Собрания РФ, представительного и законодательного органов России: Нижняя палата

Парламента вместо Государственной Думы, Верхняя палата Парламента вместо Совета Федерации.

Это в корне неверно, поскольку палаты Федерального Собрания РФ равноправны, каждая обладает в соответствии с Конституцией России своими полномочиями: ст. 102 Конституции РФ закрепляет полномочия Совета Федерации, а ст.103 Конституции РФ – полномочия Государственной Думы [2]. Палаты Федерального собрания РФ не подчинены друг другу, поэтому и нет оснований называть их «верхняя» и «нижняя» палаты.

Корреспонденты средств массовой информации используют данные понятия, видимо, по аналогии с Конгрессом США. Конгресс США состоит из двух палат: Палаты представителей и сената. Заседаниями Палаты представителей руководит спикер. Сенат считается верхней палатой, а Палата представителей, соответственно, нижней палатой американского парламента.

В российских СМИ «спикером» называют Председателя Государственной Думы ФС РФ; а «сенаторами» – членов Совета Федерации ФС РФ. Но самое удивительное, что у нас в России есть «губернаторы», хотя губерний нет. «Губернаторами» в СМИ называют руководителей субъектов Российской Федерации (кроме глав республик). Система органов государственной власти субъектов РФ закреплена Федеральным законом от 06.10.1999 г. №184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» [4]. В ч.4 (п.6) данного Федерального закона закреплено, что «Наименование должности высшего должностного лица субъекта РФ устанавливается конституцией (уставом) субъекта РФ с учетом исторических, национальных и иных традиций данного субъекта РФ. При этом наименование указанной должности не может содержать слов и словосочетаний, составляющих наименование должности главы государства – Президента РФ» (в ред. Федерального закона от 28.12.2010 г. №406-ФЗ).

К сожалению, в некоторых конституциях субъектов РФ закреплены иностранные термины.

В Ч.12 ранее упомянутых «Основ» утверждается, что на формирование правовой культуры и позитивного типа правосознания и поведения влияют следующие факторы:

3) Распространение и использование доступных для восприятия информационных материалов, формирующих правовую грамотность и правосознание населения в печатном, электронном, аудиовизуальном и ином виде, а также с помощью средств массовой информации;

5) понятность, доступность и эффективность законодательства и другие факторы.

«В условиях правового государства возрастает роль закона в системе социальных регуляторов, происходит усиление правовых начал в поведении людей в жизни общества и государства» (ч.10 «Основ»).

Законы должны быть понятны, доступны для восприятия всеми слоями граждан нашего государства. Этому будет способствовать конституционная культура как способ повышения правовой грамотности населения, как способ устранения правового нигилизма в обществе.

Литература

1. Борисов Т. Правовой нигилизм решено ликвидировать программно // Российская газета. – 2011. – 14 июля.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 05.02.2014 №2-ФКЗ // Российская газета. – 2014.- 7 февр.

3. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан// Российская газета. – 2011. – 14 июля.

4. Федеральный закон от 06.10.1999 г. №184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов власти субъектов РФ» (ред. от 03.02.2015). // СЗ РФ. – 1999. – №42. – Ст.5005.

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Нурмухаметова В.В.

*Набережночелнинский филиал Казанского инновационного
университета им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП), г.Набережные Челны*

Мировоззрение представляет собой совокупность самых разнообразных взглядов человека на окружающий мир, а также на свое

место в этом мире. Эта система складывается и развивается на протяжении жизни человека как стихийно, так и целенаправленно. Стихийность формирования мировоззрения проявляется в усвоении знаний, установок, ценностей и т.п., транслируемых семьей, друзьями, СМИ и т.д. Целенаправленный процесс становления мировоззрения связан с официальной системой воспитания и образования, реализуемой в различных образовательных организациях. Такой процесс четко согласуется с официальной доктриной образования и воспитания, построенной на принципах и подходах к организации образовательного процесса, признаваемых обществом как приемлемые и формируемые социально одобряемый тип личности.

Одной из важнейших учебных дисциплин в вузе, способной значительно влиять на становление и развитие мировоззрения человека, является философия. Философия реализует важнейшую мировоззренческую функцию, помогая человеку понять свое место в мире и задуматься о смысле жизни. Она формирует целостный взгляд на окружающую действительность, провоцируя человека абстрагироваться от обыденных вопросов, которые, в конечном счете, оказываются вторичными, и сосредоточиться на «настоящих», мировоззренческих вопросах. Поиск ответов на такие вопросы ведет к изменению жизненных целей, принципов, он основан на важнейшем фундаменте деятельности субъекта – ценностях. Ценности, выступающие чем-либо значимым для субъекта, определяют его социокультурные ориентиры, которые очень важно сформировать у личности, включенной в различные виды социального взаимодействия. Также философия выполняет не менее важную гуманистическую функцию, основное значение которой заключается в обращенности философского опыта к внутреннему миру человека. В свете специфики философского знания и его функций в преподавании данной учебной дисциплины преподаватели, по мнению Сабирова А.Г., могут опираться на принципы объективности и ценностности. Принцип объективности требует от преподавателя рассматривать социальные явления и процессы, как существующие независимо от субъекта, его стремлений, установок и ценностных ориентаций. Принцип ценностности требует от преподавателя рассматривать социальные явления и процессы в интерпретированном виде, в зависимости от его стремлений, установок и ценностных ориентаций. [3., с. 456] Но наиболее оптимальным в процессе

преподавания философии является гармонизация данных принципов, т.е. обеспечить достижение научно-обоснованной, разумной пропорциональности в соотношении передаваемых студентам объективных знаний со своей субъективной ценностной оценкой, излагать на своих занятиях факты, оценивая их с точки зрения соотношения с общечеловеческими идеалами, представлениями о добре и зле, морали и безнравственности.[3., с. 456-457]

Современная система российского высшего образования в настоящий момент претерпевает этап реформирования, последствия которого ощутимо влияют на реализацию мировоззренческой и гуманистической функций философии, да и всего цикла социально-гуманитарных дисциплин. Во-первых, в связи с переходом на бакалавриат, количество аудиторных часов, отводимых на изучение философии и других социально-гуманитарных дисциплин, катастрофически снизилось. Во-вторых, в высшем профессиональном образовании в современных условиях распространяется практико-ориентированный подход в ущерб принципам гуманитаризации и гуманизации. Такие негативные тенденции служат предметом изучения российских исследователей проблем современного высшего образования [1-3]. Лежников В.П. пишет, что «отсутствие или недостаточная гуманитарная образованность как неудавшаяся попытка гуманизации образования негативно, негуманистично сказывается на человеке, на его мироотношении, отношении к своему окружению, себе самому, своим обязанностям, в том числе служебным». [1]

Таким образом, современная ситуация такова, что осуществление мировоззренческой и гуманистической функций философией в условиях сокращения времени, отводимого на ее изучение, достаточно затруднено, но при умелом использовании принципов объективности и ценности с акцентом на мировоззренческие вопросы, преподаватель способен эффективно создавать ситуацию для формирования целостной научной картины мира.

Литература

1. Лежников В. П. Проблемы гуманизации профессионального образования // Науковедение. – № 1. – 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/problemy-gumanizatsii-professionalnogo-obrazovaniya> (дата обращения 20.11.2017 г.)

2. Сабиров А.Г. Практико-ориентированный подход в преподавании социально-философских дисциплин как способ модернизации современного педагогического образования // Образование: традиции и инновации: Материалы IX международной научно-практической конференции. – Прага: World Press s.r.o., 2015. – С. 441-444.

3. Сабиров А.Г. Проблема соотнесения принципов объективности и ценности в преподавании социально-гуманитарных дисциплин в вузе // Проблемное обучение в современном мире: Материалы VI Международных Махмутовских Чтений. – Елабуга: Казанский (Приволжский) федеральный университет, Елабужский филиал, 2016. – С. 454-459.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ НАУКА

Орехов А.М.

Российский университет Дружбы Народов, г. Москва

Социально-философское знание, точно так же, как и философское знание в целом, не следует представлять в виде «цельного монолита»; напротив, внутри себя это знание разбивается на ряд разделов, которые можно обозначить как «социально-философские науки»:

Социально-философская наука – это раздел или отрасль социальной философии, исследующая или отдельную крупную социально-философскую проблему, или междисциплинарную проблему, имеющую существенное значение для социальной философии.

Социально-философские науки (далее – СФН) следует выделять из социальной философии подобно тому, как принято выделять из философии «философские науки», при этом для обозначения специфики СФН к названию собственно философской науки надо прибавлять определение «социальный»: *социальная онтология, социальная эпистемология, социальная аксиология* и т.п.

В число СФН, с нашей точки зрения, должны попадать философские проблемы наиболее крупных социально-гуманитарных отраслей знания таких, как социология, история, экономика, право, экология и т.п., – однако, в данном случае социальная философия фокусируется на исследовании не всего комплекса философских проблем конкретной гуманитарной дисциплины, а лишь тех проблем, что имеют значение непосредственно для социальной философии.

Всего, на наш взгляд, можно указать на существование двенадцати основных социально-философских наук:

- 1) социальная онтология
- 2) социальная эпистемология и методология социальной философии
- 3) социальная аксиология
- 4) история социальной философии
- 5) социально-философская антропология
- 6) социальная экология
- 7) философия истории (социальная философия истории)
- 8) философия экономики
- 9) философия права

- 10) философия политики
- 11) философия культуры
- 12) философия социологии

Одной из важнейших социально-философских наук является, на наш взгляд, социально-философская антропология.

Социально-философская антропология – это философская наука, исследующая человека как субъекта социальных связей и отношений, а также его сущность и природу как общественного существа.

Можно также привести определение «социально-философской антропологии» В.С.Барулина: «Социально-философская антропология ориентирована на выяснение всеобщих законов, принципов взаимодействия общественной сущности человека и человеческой сущности общества в их многоплановости и всемирно-историческом развитии» [1, с.30].

Само название «социально-философская антропология» можно расшифровать и с несколько иной точки зрения – это есть дисциплина, синтезирующая в себе два фундаментальных антропологических направления – *социальную антропологию* и *философскую антропологию*, а, следовательно, синтезирующая между собой два подхода: социально-антропологический и философско-антропологический. Социально-антропологический подход делает акцент на исследование человека как определенного социального института, на изучение специфических форм социальной организации, «группирующихся» вокруг человека.

В свою очередь, философско-антропологический подход нацелен на анализ природы человека с точки зрения самых фундаментальных законов и принципов его бытия, а также на исследование его экзистенциальной сущности.

В частности, А.Г.Сабилов замечал по этому поводу: «Философская антропология имеет сегодня своей задачей исследовать системную сущность человека, создавать человекообразную картину мира, выявить место, роль и предназначение человека в мире. Философская антропология должна подняться на новый качественный уровень в результате интеграции своих конкретных направлений в целостное системное учение» [2, с.25]

Перспективы развития социально-философской антропологии в рамках социально-философского знания следует увязывать как с перспективами развития как непосредственно социальной философии, так

и антропологии в целом (и не только философской, но и социальной, культурной, экономической, политической и т.п.). Чем шире и глубже диапазон подобных дисциплинарных и междисциплинарных исследований, тем больше степеней свободы в продвижении вперед у социально-философской антропологии, тем больше возможных векторов ее развития, и тем интереснее и оригинальнее могут быть ее результаты.

Литература

1. Барулин В.С. Основы социально-философской антропологии. – М.: МГУ. 2002 – 330 с.

2. Сабиров А.Г. Человек в современной философской антропологии. Казань. «Республиканский центр мониторинга качества образования». 2013. – 168 с.

РОЛЬ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Пупышев А.Е.

Елабужский институт КФУ, Г. Елабуга

Проблема роли виртуальной реальности в повседневной жизни человека активно исследуется в современной социально-философской литературе [1]. В ней рассмотрены многие аспекты указанной проблемы. Вместе с тем, в ней в меньшей степени исследованы позитивные и негативные моменты виртуализации повседневной жизни человека. Рассмотрим этот аспект проблемы подробнее.

Виртуальная реальность – это форма бытия человека, представляющая собой его электронную коммуникацию с другим человеком (или группой людей) с помощью компьютерной техники. К ней, прежде всего, относится Интернет-среда, со всеми социальными сетями с личными страницами пользователей, электронными почтовыми ящиками, дневниками, форумами и т.д.

Виртуальная реальность все в большей степени проникает в жизнь человека, т.е. виртуализация жизни современного человека является важной составляющей его жизни. Как отметила Л.Н. Соловьева, «окружающая человека повседневная реальность все больше

виртуализируется, а сформировавшиеся в виртуальном поле образы все чаще онтологизируются» [2].

Виртуальная реальность представляет собой альтернативную сферу бытия, упрощенную копию физического мира, т.е. его модель при отсутствии материальной компоненты. В виртуальном мире человек оказывается в реалии, схожей с действительным миром, получая возможность включиться в действие, аналогично реальным условиям. Он может не только наблюдать, но и совершать активные действия самостоятельно. Человек в виртуальной реальности не обладает такими материальными параметрами как физическое тело, время и расстояние. Он в ней является идеальным субъектом, который владеет всей необходимой информацией и способным переместиться за доли секунды во времени и пространстве. Это многократно увеличивает способности человека. Человек сам создает мир согласно особенностям своей личности, а не строит личность в соответствии со спецификой окружающего мира. Человек может сам управлять собой и действовать иначе, чем в объективной реальности. Человеку приходится жить и действовать в двух мирах: привычном физическом и искусственном виртуальном. Закономерным следствием является эффект дереализации, когда постепенно утрачивается способность проводить параллель между действительностью и реальностью. Это ведет к тому, что человек может заниматься одновременно несколькими делами, находясь в поиске между множеством сообщений и их источников, не имея целостного представления об объективном мире. При этом человек часто теряет свою собственную идентичность.

Человек в условиях информатизации современного мирового сообщества все более погружается в виртуальную реальность. Это происходит, прежде всего, потому, что, как точно определила Л.А. Микешина, «потребность в иллюзорной жизни, когда мир раскрывается как приключение, есть антропологическое свойство» [3, с. 204]. Вхождение и нахождение человека в виртуальной реальности является необходимым условием существования современного человека. Обусловлено это многими причинами, прежде всего, желанием разнообразить формы своего бытия, избежать жизненных проблем, появившихся в реальном мире, получить удовольствие от безличного общения.

Виртуализация повседневной жизни человека приводит как к позитивным, так и негативным явлениям.

Позитивные моменты пребывания человека в виртуальной реальности:

- обеспечение разнообразия бытия человека одновременно в двух мирах, реальном и виртуальном;
- расширение коммуникации и контактов с многими людьми, являющимися пользователями Интернета;
- получение огромной информации быстрым и доступным способом;
- сосредоточенность на письменной речи как основном инструменте коммуникации,
- упрощенность правил, норм и форм общения с другими людьми.

Негативные моменты пребывания человека в виртуальной реальности:

- уход в виртуальную (игровую) реальность и попадание в зависимость от нее;
- отсутствие многих социальных и особенно моральных ограничений;
- вовлеченность в информационный поток, который контролируется другими людьми;
- растворение собственного «Я» в коллективном «Мы»;
- фрагментаризация личностных качеств.

Л.Н. Соловьева так описывает негативную роль виртуализации жизни человека: «виртуальное способствует «обезличиванию в многоликости», поощряет «оборотниче-ство», когда можно стать кем хочешь и когда угодно. Виртуал всегда остается в формате быть иным, а всесторонняя открытость коммуникации, как правило, оборачивается полной утратой идентичности, превращением в абсолютно интерактивное существо, которое уже не является ни отправителем, ни получателем сообщений, а выступает их передатчиком. Индивид вместе с потерей идентичности утрачивает и другие человеческие атрибуты, в том числе телесность, несводимую в условиях цифровой реальности к анатомии тела. Тело человека, размещенное в глобальном виртуальном пространстве, все больше превращается в метафору и является следствием метаморфоз в области коммуникации» [4].

Виртуализация повседневной жизни человека сама по себе не приносит пользы или вреда. Многое зависит от самого человека. Важно, чтобы человек осознавал приоритетность объективной реальности, так

как именно она обладает достоинством непосредственной реализованности. Он должен понимать свою физическую сущность, ее меру и конечность. В этом случае пребывание человека в виртуальной реальности принесет пользу ему и обществу в целом.

Литература

1. См., Микешина Л.А., Опенков М.Ю. Новые образы познания и реальности. – М.: РОССПЭН, 1997, Соловьева Л.Н. Человек в глобальном виртуальном пространстве: философское измерение. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-v-globalnom-virtualnom-prostranstve-filosofskoe-izmerenie> (дата обращения: 21.11. 2017 г.), Шапиро Д.И. Человек и виртуальный мир: когнитивные, креативные и прикладные проблемы.- М.: Эдиториал УРСС, 2000.- 224 с. и др.

2. Соловьева Л.Н. Человек в глобальном виртуальном пространстве: философское измерение. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-v-globalnom-virtualnom-prostranstve-filosofskoe-izmerenie> (дата обращения: 21.11. 2017 г.)

ЧЕЛОВЕК В ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ ТАТАРСКИХ ФИЛОСОФОВ (ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)

Сабиров А.Г.

*Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального
университета, г. Елабуга*

Проблема интерпретации природы и сущности человека в татарской философии активно рассматривается в историко-философской литературе (см., например, [1-4] и др.). В ней рассмотрены многие антропологические идеи, разработанные в татарской философии, проанализированы идеи о человеке многих известных татарских философов. Вместе с тем, в ней в недостаточной степени проанализирована антропологическая направленность татарской философии, а также формирование и развитие идей о человеке в контексте анализа творчества татарских философов, живших в различные исторические эпохи. В данной статье предпринята попытка решить указанную проблему. В ней были использованы некоторые материалы, опубликованные нами в прежней работе [1].

Истоки татарской антропологической философии находятся в философии Волжской Булгарии. Многие идеи о человеке были заимствованы и переработаны татарскими философами из философско-антропологических учений волжско-булгарских философов Абу Хамита аль Булгари, Сулеймана ас-Саксини, Бурхана аль-Булгари, Сулеймана ибн Дауда, которые в свою очередь использовали идеи о человеке арабских философов Газали, Ал-Фараби и Ибн Халдуна. В первую очередь ими была заимствована теория о «добродетельном человеке», которая зиждется на следующих идеях: человек находится в полной зависимости от Абсолюта, в человеке нераздельно слито божие и тварное; человек представляет собой «вместилище» дарованных Богом возможностей, которые он способен и обязан реализовать самостоятельно; человек должен стремиться к самосовершенствованию. Татарские философы заимствовали также антропологические идеи тюркско-татарских философов и поэтов Йусуфа Баласагуни, Ахмада Йасави и Кул Гали. Особенно активно были использованы антропологические идеи Кул Гали: о создании человека Аллахом, о присущем человеку стремления к счастью, о сущности человека, заключающейся в его духовности, о важнейших качествах человека – умеренности в потреблении и стремлении к справедливости.

Впоследствии татарской антропологической философией были заимствованы идеи о человеке философов Золотой Орды и Казанского ханства Махмуда Булгари, Кутба, Хусама Кятиба, Рабгузи и Сайф-с-Сараи, Махмуда Мухаммадьяра. Особенно важны были антропологические идеи Махмуда Мухаммадьяра: идея о справедливости как самом универсальном качестве человека, идея о том, что главными целями жизни человека являются свершение добрых дел, милосердие, помощь людям. В связи с тем, что многие исследователи считают первыми татарскими философами именно философов Казанского ханства, можно признать антропологические идеи этих философов базовыми для татарской философии.

После падения Казанского ханства в татарской антропологической философии усилилось влияние суфийской теории человека. Особенно это проявилось в творчестве таких татарских мыслителей и философов, как Мавля Колый и Габдерахим Утыз Имяни. Они считали, что человек нуждается в вере в Бога; «мудрость Бога» он может познать посредством

мистического познания и аскетического образа жизни»; в познании человеком Бога всегда должен сопровождать наставник.

В конце XVIII – второй половине XIX веков антропологические идеи в татарской философии (в это время татарская философия стала самостоятельной формой духовного освоения действительности) развивали Габдерахим Утыз Имяни, Абу Наср Курсави, Шигабуддин Марджани, Хусаин Фаизханов и Каюм Насыри. Наибольшее значение в это время приобрели идеи Ш.Марджани и К.Насыри. Так были популярны следующие антропологические идеи Ш.Марджани; человек является не только творением Бога, но и результатом естественного развития природы; душа человека проявляется в его способности размышлять и понимать и представляет собой результат развития его тела (в частности, его головного мозга); человек является самым совершенным образованием среди живых существ; человек выступает как физическое, телесное существо, обитающее в пространстве и во времени, обладающее благодаря своему разуму способностью постижения действительности; человек имеет право на свободу и творчество. Позднее получили известность антропологические идеи К. Насыри: человек качественно отличается от высших животных, так как обладает разумом, речью, самосознанием, умением изобретать, открывать тайны природы и ставить их себе на службу; человека формирует общественная среда и воспитание; способности и характер человека являются не врожденными свойствами, а формируются и развиваются в зависимости от условий жизни и воспитания; критерием оценки человека является не богатство и не происхождение, а нравственный облик и личные заслуги человека перед людьми, его ум, внутренний мир и деловые качества. В это время, как отметила Л.Тухватуллина, в татарской антропологической философии «среди качеств, приобретение которых особенно рекомендуется мусульманам, называются именно те, что способствуют достижению земных целей. Взамен приоритета усвоения качеств «захида» – упование, бедность, довольство малым, терпение, теперь называются: оптимизм, вера в собственные силы, уверенность, решительность, нежелание отставать от более развитых соседей – европейцев и русских, стремление к материальному благополучию» [2, с. 189].

В конце XIX – начале XX веков антропологические идеи развивались татарскими философами-джадидами, такими, как Муса Акъегетзаде, Галимжан Баруди, Муса Бигиев, Зыя Камали, Габдулла

Буби, Гатаулла Баязитов, Шамсутдин Культяси, Ризаэтдин Фахретдин, Джамал Валиди, Фатих Карими и другие. Основной их идеей стала идея о том, что человек должен получать современное образование как в области религии, так и в области философии и светских наук. Идеал мусульманина, включавший в себя ранее в основном обладание нравственными качествами и религиозными знаниями, был дополнен многосторонней образованностью. Они не только призывали к распространению знаний, но и практически реализовывали свои идеи посредством создания медресе нового типа и преподавания в них. Важную роль в это время сыграла концепция «абсолютности Божьей милости» М.Бигиева, согласно которой взаимоотношения между Аллахом и человеком должны были выстраиваться на основании доверия, разума и милости Всевышнего.

В начале XX века и особенно после Октябрьской революции 1917 года в традиционную татарскую антропологию стали проникать некоторые материалистические идеи, имеющиеся в философии Муллачура Вахитова, Галимжана Ибрагимова, Гафура Кулахметова, Галимжана Сайфутдинова, Хусаина Ямашева. К ним можно отнести следующие идеи: человек в первую очередь является продуктом социальной среды; человек нуждается в освобождении от социально-экономического гнета; человек взаимосвязан с со своим народом и зависит от него. Популярна была идея Г.Кулахметова о том, что человек творится историей, он живет в народе и может найти себе радость только в его борьбе.

В советский период антропологические идеи развивали такие татарские философы, как Мансур Абдрахманов, Харис Сабиров, Камиль Фасеев, Рашид Амирханов, Яхья Абдуллин, Равиль Балтанов, Булат Галеев, Казбек Гизатов, Марат Садыков и другие. Они в основном исходили из марксистско-ленинской идеи о том, что человек является продуктом всех общественных отношений. В связи с этим они развивали в основном идеи о различных формах взаимоотношений общества и человека, о влиянии социальной среды на человека, об общественном служении человека.

В настоящее время различные аспекты философской антропологии разрабатывают такие татарские философы, как Гульнара Балтанова, Равиль Исхаков, Элионора Камалдинова, Аскадула Сабиров, Лейла Тухватуллина, Айдар Хабутдинов, Камиль Хайруллин, Айдар Юзеев и

др. Они исследуют такие философско-антропологические проблемы, как космобиопсихосоциальная природа и сущность человека; смысл жизни и предназначение человека; положение человека в современном мировом сообществе; личностные качества известных татарских философов; история татарской антропологической философии: роль женщин в современном мире и т.д.

Проведенный анализ антропологических идей татарских философов позволяет выделить следующие черты татарской философии.

1. Наличие в татарской философии значительной антропологической составляющей. Все татарские философы в той или иной мере пытались решить проблемы сущности человека, его роли в окружающем мире.

2. Преобладание в татарской философии религиозно-философской трактовки проблем человека. Большинство татарских философов развивали свою теорию человека как о биодуховном существе, который создан и предопределен Богом, должен верить в Бога, стремиться к счастью, быть образованным.

3. Ориентированность татарской философии на разработку теории идеального человека. Татарские философы видели идеал в том человеке, который обладал следующими человеческими качествами: справедливость и человечность, верность слову и долгу, способность к дружбе и братству, способность к взаимопомощи, единство слова и дела, бесстрашие, уважение к старшим, милосердие к беспомощным, терпеливость.

Литература:

1. Сабиров А.Г. Татарская философия: сущность, история, роль в духовном развитии татарского народа. Монография. – Елабуга: Изд-во ЕИ КФУ, 2012. – 158 с.

2. Тухватуллина Л.И. Проблема человека в трудах татарских богословов: конец XIX – начало XX веков. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2003. – 207 с.

3. Тухватуллина Л.И. Концепция человека в арабо-мусульманской и татарской социальной философии: проблема трансформации. Автореф. дисс. к.филос.н. – Казань, 2002. – URL: <http://www.dissercat.com/content/kontseptsiya-cheloveka-v-arabo-musulmanskoj-i-tatarskoj-sotsialnoj-filosofii-problema-transf> (дата посещения: 10.11.2017 г.).

4. Юзеев А.Н. Татарская философская мысль конца XVIII – XIX вв.
– Казань: Татар. кн. изд-во, 2001. – 192 с.

РУССКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Сабилова Л.А.

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

Проблема русской ментальности активно рассматривается в социально-философской литературе. В ней исследованы сущность русской ментальности, ее основные свойства, показана динамика ее развития. Вместе с тем, в меньшей степени рассмотрены социально-философские аспекты ее анализа. В данной статье мы остановимся на основных аспектах анализа русской ментальности (многие стороны этой проблемы рассмотрены нами в предыдущей работе, см., [1]).

Русская ментальность – это специфическое умонастроение русского человека, которое проявляется в его особенных бессознательных, чувственных и рациональных представлениях, стереотипах и установках и выражает его готовность совершить определенное действие. Она характеризует приверженность (склонность, направленность, ориентированность) русского человека определенным образом воспринимать окружающую действительность и действовать в ней. Русская ментальность является духовным феноменом, отличающим русского человека от всех других типов человека (западного или восточного).

Русская ментальность сформировалась и изменялась под воздействием целостного комплекса природных, экономических, социальных, политических и духовных факторов (как мировых, так и российских). Данные факторы оказывали как позитивное, так и негативное воздействие на русского человека. Особую роль в формировании и изменении русской ментальности сыграли совмещенные факторы: геополитический (большая территория России, ее принадлежность к Евразии), политико-идеологический (имперское устройство России, идеологическая установка «Москва – Третий Рим») и духовно-религиозный (русская религиозная философия, особая роль православия в России, подвижничество русских православных юродивых, канонизированных святых). Ведущую роль в становлении и изменении

русской ментальности во всех исторических эпохах развития российского общества сыграли политический и религиозный факторы, так как именно авторитарное государство и православие являлись системообразующими элементами российского общества.

В социально-философской литературе существуют два основных образа русской ментальности: позитивный и негативный. Позитивный образ русской ментальности был создан в основном философами, которые представляли славянофильское направление в российской философии, испытывали к русскому человеку определенную симпатию, рассматривали ее как особый тип ментальности, отличающийся от ментальности человека западноевропейской и восточноазиатской цивилизаций. Негативный образ русской ментальности был создан философами, которые представляли западническое направление в российской философии, испытывали к русскому народу и русскому человеку определенную антипатию, рассматривали их как представителей азиатско-византийской, а не западноевропейской культуры, видели в них естественного конкурента во влиянии европейской цивилизации на весь остальной мир. В этой связи важно понимать, что своеобразие русской ментальности проявляется именно в специфическом сочетании ее основных свойств (сочетание одухотворенности и технологичности в отношении к природе, коллективизма и индивидуализма, бунтарства и покорности и т.д.) и в степени их выраженности в определенной диспозиции с другими свойствами (приоритетность технологичности в отношении к природе над одухотворенностью, коллективизма над индивидуализмом, бунтарства над покорностью и т.д.). Русской ментальности присущи такие важные специфические свойства как противоречивость, евразийскость и динамизм перетекания позитивных свойств в негативные свойства, и наоборот. Как писал Н.А. Бердяев, «природа русского человека очень поляризованная. С одной стороны – смирение, отречение; с другой стороны – бунт, вызванный жалостью и требующий справедливости. С одной стороны – сострадательность, жалостливость; с другой стороны – возможность жестокости; с одной стороны – любовь к свободе, с другой – склонность к рабству» [2, с. 269].

Кроме того русской ментальности присуще то, что основные, взаимоисключающие ее свойства способны к взаимопереходу, т.е. позитивные свойства в определенных условиях могут превратиться в

негативные свойства, и наоборот, негативные – в позитивные. Так Н.О. Лосский писал, что в русском человеке из могучей силы воли может возникнуть «страстность, максимализм и экстремизм, но иногда обломовщина, лень, пассивность вследствие равнодушия к несовершенному добру земной жизни» из свободы духа и широкой природы «возникают дерзкие, рискованные предприятия, склонность к анархии, неумение столкнуться для общего дела, нигилизм и даже хулиганство», «чуткость к добру соединена у русского народа с сатирическим направлением ума, со склонностью все критиковать и ничем не удовлетворяться» [3, с. 359 – 360].

Русской ментальности присущи следующие основные ее свойства: приверженность к неуважительному отношению к природным ресурсам, склонность к размеренному и экстенсивному труду, приоритетная ориентированность на духовное, а не на материальное потребление, развитость ощущения неразрывной включенности в большие общности людей, устремленность к коллективистскому, общинному образу жизни, приоритетное стремление к уравнильным, социально-справедливым способам распределения материальных и духовных ресурсов, приоритетная склонность к авторитарно-патриархальному отношению к государству, особая вера в высокое, особенное предназначение России, принадлежность к православной вере, преимущественно эмоционально-оценочное восприятие окружающего мира, значительная приверженность к уравнильно-социалистической идеологии, интровертность и экстравертность одновременно, склонность к философствованию, зачастую уничижительное отношение к самому себе.

Важно при проведении всех социально-экономических реформ в Российской Федерации опираться на позитивные метальные свойства русского человека (трудолюбие, коллективизм, общинный демократизм, чувство справедливости, духовность, душевность, религиозность духа, философичность сознания, умение жить в мире с другими людьми, патриотизм, любовь к Родине, разумная ограниченность в обладании собственностью; ограничение потребностей до разумной достаточности; величавость, державность, неторопливость, ценностно-образное мышление). Необходимо также проводить целенаправленные действия, направленные на следующее:

– постепенную нейтрализацию и уменьшение значимости негативных свойств русского человека (создание объективных условий

жизнедеятельности русского человека, которые способствовали бы снижению удельного веса негативных свойств в целостной структуре его личности: развитие социально ориентированной, регулируемой, рыночной экономики, обеспечение социальной справедливости и социальной солидарности, демократизация государства, обеспечение научно-обоснованного уровня и качества жизни, прав и свобод человека, воспитание и перевоспитание отдельных личностей и т.д.);

– динамичное развитие положительных свойств русского человека (материальное и моральное стимулирование положительного личностного развития, поддержка и распространение положительного примера и т.д.).

– приоритетное развитие «срединных», универсально-ценностных свойств русского человека (сосредоточение воспитательной работы на формировании и развитии тех свойств русского человека, которые признаны значимыми для общественного и личностного развития: умеренность, научная рациональность, справедливость, толерантность, сострадание и т.д.).

Литература

1. Сабирова Л.А. Русский человек: сущность своеобразие и перспективы развития. Монография. – Казань, Изд-во РИЦ «Школа», 2014. – 155 с. (в соавторстве)

2. Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. – М.: Наука, 1990. – 272 с.

3. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ФИЗИКИ

Сабирова Ф.М.

*Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального
университета, г. Елабуга*

В современных условиях в процессе подготовки будущего учителя физики важно не только обучать его основной профессии, но и развивать его общую культуру. Одним из оптимальных средств повышения культуры будущего учителя физики, по нашему мнению, является изучение открытий выдающихся физиков в контексте их жизни, судьбы, мировоззрения, философских и религиозных исканий [1, 2]. В Елабужском институте КФУ накоплен достаточный опыт использования историко-биографических сведений при изучении курса физики и смежных дисциплин (электротехники, радиотехники, микроэлектроники). На лекционных и семинарских занятиях наряду с изучением базовых теоретических сведений рассматриваются и следующие сопутствующие им вопросы: Эпоха, во времена которой жил ученый, ее характеристики? Где, в какой стране родился? В какой стране проходила основная деятельность ученого? Кто родители, друзья, какое влияние оказали влияние на судьбу мыслителя? Где получил образование? К каким, кроме физики, наукам еще проявлял интерес во время обучения и в дальнейшем? Занимался ли преподавательской, общественно-политической деятельностью? Какую религию исповедовал? На какие философские учения ориентировался? Какова историческая, социально-политическая ситуация в момент того или иного открытия? Мировоззренческое значение открытия? Были ли открытия в смежных науках? Изменение мировоззрения в течение жизни? Особое внимание – мировоззрение в конце жизни? Отношения ученого с государством, с религией, с другими учеными? Были ли ученики, последователи (создана ли ученым школа)? Чем они прославились?

Так, в ходе изучения курса физики (например, раздела “Молекулярная физика и введение в термодинамику”) студентам приходится встречаться с большим количеством законов, явлений, понятий, связанных с именами тех или иных ученых (законы Гей-Люссака, Бойля-Мариотта, Шарля, Паскаля, уравнение Клапейрона-

Менделеева, распределение Максвелла, цикл Карно, неравенство Клаузиуса и др.). Однако часто студенты имеют очень смутное представление о носителях этих имен и не могут ответить на простейшие вопросы: в какую эпоху и в какой стране они работали, какой была основная сфера их деятельности, какие еще открытия совершили или какие законы были сформулированы каждым из этих ученых? Осведомленность студентов в этих вопросах позволяет значительно расширить кругозор, внести разнообразие в содержание курса, подготовить творчески работающего учителя, что, наряду с основным материалом, способствует более активному вхождению студентов в свою будущую профессию, а также является одним из путей повышения его культуры.

Многие открытия и законы и связанные с ними имена великих ученых-физиков изучаются будущими учителями в курсе истории физики. Тем не менее, как показывает опыт, более подробное ознакомление нужно проводить и в процессе изучения курса физики. Так, на лекциях в соответствующих разделах изучаемой дисциплины в краткой и доступной форме излагаются не только основные идеи той или иной теории, закона или понятия, но и сообщается об исторической эпохе, в которую были они сформулированы или открыты, приводятся не только имена мыслителей, связанные с ними, но и дополнительные сведения, допустим, о мировоззренческой позиции, или политической обстановке, в которой творили ученые (о трагических судьбах Майера – автора закона сохранения энергии, или Больцмана, научные и философские воззрения которого не совпадали с общепринятыми); на практических занятиях решаются и составляются задачи с элементами исторической направленности (например, при решении задачи по определению числа Авогадро из опыта Перрена, преподаватель знакомит студентов об условиях постановки экспериментов, о выводах, полученных французским ученым из опытов, в частности, о том, что броуновское движение является следствием теплового движения молекул среды, что косвенно подтверждает существование молекул). А многие достижения современной физики были удостоены престижной нобелевской премии по физике [3], и информация об истории создания этой премии и достижениях физиков, удостоенных этой премии вызывает большой интерес у студентов. На семинарских занятиях студентами делаются более подробные сообщения о жизни и творчестве физиков

разных эпох, или даже пишутся рефераты о великих ученых и их открытиях. Такая работа по поиску и сбору дополнительной информации, как правило, заинтересовывает студентов, тем более, что большинство ученых занимались педагогической деятельностью, занимались воспитанием и обучением молодежи, прививая ей интерес к науке [4].

Собирая сведения по такой схеме, студент не только больше узнает о физическом законе, открытии, совершенном ученым, но и получает возможность провести сопоставления, сравнения, обобщения научных, исторических, биографических сведений, пополнить свой багаж знаний и по философии, и по другим наукам. Как показывает опыт, основными источниками получения необходимой информации, являются не только классические хрестоматии, но Интернет-ресурсы, однако студенту приходится обращаться и к школьным учебникам, научно-популярной литературе, периодике, дополнительной справочной литературе. Будущий учитель узнает об ученом как о личности, что обеспечивает и человеческое видение явлений природы, изучаемых физикой.

Таким образом: одним из средств повышения культуры будущего учителя является изучение физических законов, открытий с изучением жизни, судьбы, философского мировоззрения ученого-физика, автора открытия или закона.

Литература

1. Sabirov A.G. Heuristic potentials of biographical method in historical and philosophical studies // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6. № 3 S3. С. 249-254.
2. Sabirova F.M. Opportunities of biographic method in improvement of physics teacher training// World Applied Sciences Journal. 2013. Т. 27. № 13 А. С. 294-298.
3. Сабирова Ф.М. О российских физиках и нобелевских премиях // Физика в школе. – 2011. №1. С.8-11.
4. Щербаков Р.Н. Великие физики как педагоги: от научных исследований – к просвещению общества / Р. Н. Щербаков. – 2-е изд. (эл.). – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2012. – 296 с.

ИНТЕРФЕЙС «МОЗГ-КОМПЬЮТЕР» ИЛИ ЧЕЛОВЕК XXI ВЕКА

Садриев А.Ш.

*Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского)
федерального университета, г. Набережные Челны*

Компьютерная техника предстаёт в виде искусственных средств, усиливающих возможности человека для аналитических, наукоемких работ. Она создана в интересах, предназначенных для достижения определённых знаний, оценки фактов; в какой-то мере – это овеществлённая сила знаний об окружающей действительности; овеществлённый труд работников материального производства. Увеличение численности компьютерной техники, электронных гаджетов, которыми мы обладаем, и время, проводимое с ними, – не просто количественный сдвиг. Это ещё и сдвиг качественный. Цифровые технологии и услуги вплетены в нашу повседневность, хотим мы того или нет. Компьютеры раньше были частью нашей повседневной жизни, теперь же они с нами каждую минуту. Как отмечает известный американский психолог и специалист в области искусственного интеллекта Алекс Сучжон-Ким Пан, ««Цифровая жизнь» – это великолепно, но за неё приходится платить, ведь каждый день мы вынуждены перерабатывать невероятный объём информации» [1, с. 18].

В сентябре 2000 г. журнал Business собрал группу экспертов, составленную из 25 выдающихся социологов, аналитиков, бизнесменов, изобретателей, и предложил дать прогноз на 2030 г. По мнению экспертов, в XXI веке Интернет станет беспроводной, подлинно глобальной сетью. Виртуальная реальность будет существовать не в компьютере, а непосредственно в голове человека. Внедрённые в мозг наноботы (микроскопические компьютеры размером с кровяную клетку) позволят подавлять сигналы, поступающие через органы чувств человека из реального мира и заменять их на сигналы, соответствующие конкретной обстановке виртуальной реальности. Таким образом, индивид получает полное ощущение присутствия в другой реальности. Беспроводное соединение мозговых наноботов всех людей в единую сеть обеспечит возможность существования единой реальности, в которой виртуальные люди – электронные модели разных людей – смогут встречаться и общаться между собой. Такое будущее не может не вызвать

соответствующей реакции – восторга и страха перед применением новейших информационных технологий, превращающих людей в подобие марионеток [2, с. 62–63].

Необходимо отметить, что ещё в конце XX столетия немецкий физик-теоретик, основатель синергетики, Герман Хакен предложил идею создания протезов мозга, представляющих собой электронные чипы (цифровые микросхемы), соединённых с тканью человеческого мозга. Учёный считал, что подобные устройства и технологии на их основе могут быть полезны в медицине при лечении различных заболеваний. По его предположениям трудности в этом направлении будут заключаться в создании физической связи между чипами и нейронами мозга, и вряд ли подобные микросхемы будут созданы в ближайшем будущем.

Однако уже в 2001 г. в институте информатики общества Макса Планка впервые были соединены микрочипы с живыми нейронами мозга улитки. А через два года учёные из университета Южной Каролины разработали математическую модель участка мозга гиппокампа, участвующего в механизмах формирования эмоций и консолидации памяти. Причём эту математическую модель удалось запрограммировать в кремниевой микросхеме, и, по заявлениям южнокаролинских учёных, данный чип теоретически можно вживить в человеческий мозг. Подобная операция, при её удачном осуществлении, могла бы, например, помочь больным, у которых есть проблемы с памятью или страдающих болезнью Альцгеймера. Учёные с большой надеждой стали смотреть на подобные протезы мозга.

Надо отметить, что исследования в области симбиоза компьютера и человека получили большое развитие. В западных средствах массовой информации (СМИ) в 2010 г. появилась информация о том, что американские учёные смогли вживить в человеческий мозг компьютерный чип, позволяющий передавать сигналы с него на жесткий диск компьютера и обратно. По заявлению учёных, развитие этих технологий может помочь больным обходить свои недуги и позволить иметь полноценную жизнь.

Кроме того, в будущем подобные компьютерные технологии, теоретически, можно будет применять для подключения доступа в Интернет напрямую к мозгу, потому как новый чип несёт в себе функцию модема, осуществляющего связь и передачу информации между мозгом человека и компьютером. Скажем корпорация «Интел» («Intel Corp.»)

прогнозирует, что уже к 2020 г. пользователи смогут управлять компьютером с помощью добровольно вживлённых в мозг чипом-процессором в обход клавиатуры и мыши, т. е. практическое использование интерфейса «мозг-компьютер» (нейрокомпьютерного интерфейса) – это дело недалёкого будущего.

Возникает закономерный мировоззренческий вопрос, какие последствия несёт в себе развитие подобных интерфейсов? Ведь компьютерные технологии служат не только хорошим помощником, но зачастую становятся разрушителем.

Если рассматривать положительные моменты, развитие данной технологии может заключать определённые перспективы. Например, вживлённые в организм микрочипы, а в последующем и наноботы, позволят человечеству преодолеть болезни, связанные с нарушением работы мозга, парализованным людям дадут возможность двигаться, помогут вернуть потерянное зрение и утраченный слух, предоставят технологии управления совершенными протезами, создать совершенного солдата; использование нейрокомпьютерного интерфейса приведёт к возможности управления бытовыми приборами, погрузиться в глобальную сеть Интернет и в мир онлайн-игр силой мысли. Всё это ведёт к совершенно новому уровню качества жизни и увеличению свободного времени.

Отрицательной стороной развития интерфейса «мозг-компьютер» может стать то, что подобная компьютеризация приведёт человечество к рабству, и это наихудший, но также вероятный, сценарий. Что будет, если подобные технологии станут доступны тем, кто не отягощён принципами нравственности, морали, гуманизма? Через эти имплантаты появится возможность управлять человеком без его ведома, влиять на его подсознание и изменять личность до неузнаваемости, сконструировать любое «Я» в корыстных целях.

Однако приходится констатировать, что компьютеризация стала неотъемлемой частью современного мира, где разнообразные информационно-вычислительные устройства – от универсальных электронно-вычислительных машин (ЭВМ) до микропроцессоров – выступают одним из важнейших средств преобразования деятельности современного человека. Информация, обрабатываемая компьютером, во многих случаях без непосредственного участия человека, управляет различными производственными процессами, существенно повышает

эффективность, качество продукции. В тех же случаях, когда окончательное решение принимает человек, огромное значение для этого имеют точность, полнота, оперативность информации, поступление и обработку которой обеспечивает ЭВМ. Как следствие, необходимо, чтобы человек осмысленно взаимодействовал с компьютерными технологиями, широко использовал методологии науки, философии и различных мировоззренческих систем. Развитие личности и информационных технологий должно быть таким, что разум и тело смогут гармонично взаимодействовать с компьютерами и управлять ими, человечество получит возможность творческого самосовершенствования.

Литература

1. Пан, Алекс Сучжон-Ким. Укрощение цифровой обезьяны: [пер. с англ.] / Алекс Сучжон-Ким Пан. – М.: АСТ, 2014. – 319, [1] с.
2. Садриев А. Ш. Философия виртуальной реальности и компьютерные технологии. – Набережные Челны: Изд-во ИНЭКА, 2009. – 170 с. – (Монографические исследования).

ИМАН И ГЫЙЛЕМ КАК МАРКЕРЫ ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ К.НАСЫЙРИ

Салимова Д.А.¹, Салимов Р.Х.²

¹*Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга,*

²*Абу-Даби (Объединенные Арабские Эмираты)*

Времена, когда некоторые мусульмане придерживались мнения, что изучения «достойны» только те науки (и знания), которые непосредственно связаны с исламом, канули в лету. Истинная исламская цивилизация сопровождалась не только подвижничеством на религиозно-духовном поприще, но и развитием светских наук. Мечети были не только местом поклонения, но и образовательными центрами, об этом говорят бессмертные художественные произведения классиков татарской литературы.

Вспомним, что 19 век – это время великих открытий в естественных науках, которые, по утверждению некоторых исследователей, должны были расшатать «слепую веру в Бога» в народной массе. Как известно, татарское общество XIX в., общество переходного периода, является

реформирующимся и трансформирующимся, характерными чертами которого выступают формирующаяся индустриальная капиталистическая экономика, секуляризация, коммодификация, рационализация всех аспектов социальной жизни, ускорение темпа обыденной жизни и фрагментарность опыта людей. В этот период особо остро встанут проблемы традиционного (веры) и нового (знания) в национально-духовной жизни татар. Известно, что одним из основополагающих принципов классического Просвещения является непререкаемый суд разума, авторитету которого подлежит весь окружающий мир, т.е. для просвещения наука, разум, знания имели концептуальное значение во все времена.

Татарская общественная мысль, имеющая многовековую историю, стала привлекать к себе внимание исследователей как предмет научного интереса сравнительно недавно. Широкий спектр этнокультурных, этнополитических, этнолингвистических факторов, исторических этапов формирования татарского народа продолжает порождать различные концептуальные подходы в освещении татарской общественной мысли. В трудах Я.Г. Абдуллина, Р.М. Амирханова, Р.Ф. Мухаметдинова, А.Н. Юзеева Ф.М. Султанова, Ибрагима Т.К., Р.М. Мухаметшина, А.Г. Сабирова, Р.С. Хакимова, М.М. Хасанова и др. освещены и систематически изложены различные аспекты татарской общественной мысли с многообразием ее социальных, политических, этических и иных проблем. Серьезные труды, увидевшие свет в последние годы, среди которых «Очерки истории татарской общественной мысли» (научный редактор Р.М. Амирханов), 2000, «Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте» Т.К. Ибрагима, Ф.М. Султанова, А.Н. Юзеева, 2002, «Проблема человека в трудах татарских богословов» Лейлы Тухватуллиной, 2003, «Татарские интеллектуалы: исторические портреты (научный редактор Р.М. Мухаметшин), 2005 и «Очерки Марджани о восточных народах» А.Н. Юзеева, 2003 г. Эти труды в основном посвящены сравнительному исследованию проблем развития философии с ее различными направлениями религии и политики, ислама и государства и стали весомым словом в исследованиях татарской философской мысли.

Проблема же соотношения веры и знания (науки), образования, в преломлении проблемы к составляющим татарской просветительской мысли в татарской философской науке специальному исследованию не

подвергалась. Исключением в этом плане являются замечательный коллективный труд Т.К. Ибрагима, Ф.М. Султанова, А.Н. Юзеева (см. выше) и указанная книга Лелы Тухватуллиной: в них проблема веры и наук исследуется в общемусульманском контексте, представлена пантеистическая интерпретация арабо-мусульманской философии.

В качестве предварительного замечания следует отметить, что для татар испокон веков образование, знание выдвигались на передние позиции в оценке личности: *Белэзге юан – берне егар, белеме бар – менне егар. Уку – эн э бел эн кое казу и т.д. Акыл яшьтә түгел – башта* (нами собрана картотека из 100 народных пословиц и поговорок – а это краткие тезисы народной мудрости – в них призыв к получению образования).

Воспитание, образование, культура, разносторонняя образованность личности в трудах татарских просветителей выдвигаются в качестве главных антропоцентрических критериев, и это имело многовековую историю в недрах татарской народной и духовной мысли, всегда стремящейся к обновлению, открытой другим ценностям.

Со второй половины XIX века становятся заметными изменения в сознании социума, на первых порах ощутимые в среде ограниченного числа интеллектуалов. Среди личностей, деятельность которых имела особое значение в деле обновления различных сторон жизни, например, в плане развития наук, образования-культуры, прежде всего необходимо называть Ш.Марджани, К.Насыри и Р.Фахретдина и З.Камали. Те же мотивы, усиленные эффектом художественного слова, мы наблюдаем и в произведениях художественной литературы. Сочинения М.Акьегетзаде, Р.Фахретдина, З.Бигиева, З.Хади, Ф.Карими наполнены сюжетами о людских трагедиях, причины которых заключаются в невежестве.

К.Насыри (1825-1902) был человеком энциклопедических знаний. Его труды по филологии, лингвистике, истории, этнографии, педагогике и методикам, астрономии и математике, географии, земледелии и т.д. ценны, прежде всего, потому, что основы различных знаний он изложил на родном татарском языке. К.Насыров основательно изучил литературу Востока, был истинным полиглотом. Он переработал и издал арабоязычное литературное произведение «Повесть о сорока везирах» (1868); перевел и опубликовал на татарском языке средневековый литературный памятник «Кабуснамэ» (1886); он переводил также и тексты на турецком языке. К.Насыри в своих трудах поднимает вопрос о роли науки в жизни общества, проповедует всеислие знания, а науку

считает самым ценным богатством рода человеческого. Наука, по его точке зрения, – это верный источник знаний, а знания – необходимая основа человеческой деятельности. Ученый-энциклопедист был верным последователем ислама, у него есть ряд произведений, в которых популяризируются мусульманские обряды и основы исламского вероучения. По его мнению, мировой порядок, течение процессов природы определяется Аллахом, но непосредственно в эти процессы он не вмешивается. «Мир этот, – пишет он, – мир причин. Все, в чем мы нуждаемся, связано с определенной причиной. Знание этих причин достигается размышлением, умственными поисками. Необходимо познать причины явлений и действовать, опираясь на них [4, с. 42].

Основные свои мировоззренческо-философские взгляды Насыри изложил в «Фаваких-ал-джуласа...» («Плоды собеседников», сокращенный вариант известен как «Кырык бакча» («Сорок садов»). В начале каждой главы приводятся изречения авторитетов античности и арабо-мусульманского Востока по различным вопросам жизнедеятельности человека. Например, в главе «О знании, мудрости, адабе» Насыри приводит суждения античных философов Сократа, Платона, Аристотеля, восточных мыслителей Сибавейхи, Джахиза, пророка Мухаммада, имама Шафии. Следующий отрывок из «Книги о воспитании» может пролить свет в вопрос: что сыграло одну из ключевых ролей в мировоззрении и мировосприятии ученого?

«Наставление двадцатое. У одного египетского эмира было два сына. Один посвятил свою жизнь изучению наук, между тем как другой нажил добро и сделался богат. Первый стал мудрецом, второй – министром финансов. Однажды богатый брат сказал, с презрением взглянув на ученого: «Я уже стал султаном, а ты все топчешься на одном месте». О брат мой, аллах, да будет свято его имя, все же на моей стороне, – ответил мудрец, – ибо я стал наследником пророка, в то время как тебе досталось наследство фараона.

О сын мой, из этой притчи ты должен уяснить себе, что знания, вне всякого сомнения, есть наследие пророка» [2, с. 85]. В той же книге, в сто третьем наставлении ученый назидательно указывает: «Если не будешь почтителен со старшими и терпелив с младшими, то считай, что ты безбожник. Когда выучишь арабский язык, сын мой, сможешь прочитать обо всем этом в священных книгах» [Там же, с. 98]. Приведенные отрывки свидетельствуют, что Каюм Насыри, отдавая

предпочтение знанию и разуму в своих антропоцентрических оценках, последовательно подчеркивал роль веры в духовном становлении личности.

Детям-школьникам, да и вообще молодым людям К.Насыри советует выбирать себе друзей не по религиозным и национальным признакам (это не существенно), а по их умственным и душевным качествам. В понимании ученого-просветителя мораль трудовых масс гораздо благороднее, ибо стремятся к взаимопониманию и дружбе. К.Насыри своими трудами и своей самоотверженной деятельностью оказал неоценимую помощь татарскому народу в понимании его исторического прошлого и культурного наследия, также в усвоении жемчужин мировой культуры.

Можно констатировать: религия в мировоззрении Насыри занимает несомненно определенное место, хотя светский пласт в его мировоззренческой парадигме доминирует над религиозным. Будучи мусульманином, он выделял в религии обрядо-этические нормы ислама, отводя при этом науке первенствующее положение. При этом он всегда оставался сторонником мирного существования науки и ислама. Самое ценное в его учениях также было то, что К.Насыри стремился воспитывать не только тягу к знаниям у татар, но и за то, чтобы эти знания в действии: «О сын мой, есть две группы людей, жизнь которых бессмысленна и бесполезна. Одни всю жизнь копят добро, но не используют его. Другие всю жизнь копят знания, но не используют их для дела. Бойся оказаться в их числе» [2, с. 90].

Идея соотношения веры и знания у К.Насыри, впитавшего в себя передовые идеи классической арабо-мусульманской философии, была для своего времени весьма прогрессивной. Она открывала дорогу научному поиску, прогрессу, ратовала за разностороннюю образованность, сохраняя при этом высокий авторитет ислама, особо указывая на важность для человека его аксиологических аспектов и нравственных традиций, связанных с историко-культурными традициями татарского народа. К.Насыри был одним из тех, чьи произведения получили гуманистическое звучание и сторонником учения, в центре которого Человек с его Верой во Всевышнего и со своей верой, надеждами, нуждами и верой в светлое будущее. Стремление ряда исследователей причислять К.Насыри к демократическому направлению 19-го века можно назвать «веянием 70-х», влиянием идеологических заказов своего

времени; в то же время признанной считается точка зрения о том, что К.Насыри, как и Ш.Марджани, ратовал за проникновение светского знания в татарскую культуру, за мирное сосуществование философии и религии [1, с.123].

Литература

1. Ибрагим Т.К., Султанов Ф.М., Юзеев А.Н. Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте. – Казань, 2002.
2. Насыри К. Избранные сочинения. – Казань, 1953 (на тат. яз.).
3. Сабиров А.Г. Татарская философия: история, сущность и роль в духовном развитии татарского народа. – Елабуга, Изд-во ЕИ КФУ, 2012. – 158.
4. Татарские интеллектуалы. Исторические портреты (Научный редактор и составитель Р.М. Мухаметшин). – Казань, 2005.
5. Тухватуллина Лейла. Проблема человека в трудах татарских богословов. – Казань, 2003.

ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Сафиуллина И.Б.

Магистрант, Елабужский институт Казанского Федерального Университета (научный руководитель: старший преподаватель, кандидат философских наук Сабирова Л.А.), г. Елабуга

Россия – это многонациональное государство, где мир и дружба народов являются национальным достоянием и охраняются правовыми нормами. Наша общая главная задача сохранить мир и дружеское благоденствие народов в России. В этом большую роль играют подготовленные педагоги и поликультурное образование.

Под поликультурным образованием мы понимаем многообразие методик преподавания и воспитания, которые опираются на этнорелигиозные культурные традиции с учетом этнической и религиозной ситуацией в регионе, где реализуется образовательный процесс.

Поликультурное образование включает в себя обучение и воспитание.

Джуринский А. Н. считает, что поликультурное воспитание, имеет сходство с интернациональным воспитанием, которое включает в себя уважение разных народов, жизненных ценностей, культур, цивилизаций, способность коммуникации; соблюдение не только прав, но и обязанностей в отношении иных национальных групп; понимание необходимости межнациональной солидарности; готовность участвовать в решении проблем другого сообщества и этноса. При этом отличиями поликультурного воспитания от интернационального выступают "акцент на взаимосвязи культур, одна из которых доминирует, предусматривает, прежде всего, освоение культурно-образовательных ценностей, сосуществование различных культур в общем социальном пространстве, адаптацию с иными культурными ценностями. Поликультурное воспитание, с одной стороны, отрицает формирование человека вне национальной культуры, с другой – содействует порождению мультиидентичной личности как средоточия и пересечения нескольких культур" [1, с. 67].

Целями поликультурного образования являются:

1) подготовка учащихся к активному и полноценному сотрудничеству в современном поликультурном мире, создание условий и технологий адаптации и самореализации личности в современном многонациональном обществе;

2) изучение традиций родной культуры, процесса переработки этих традиций в рамках новой культуры, а также оказание помощи и поддержки представителям контактирующих этнических культур, воспитание взаимной открытости, интереса и терпимости;

3) обеспечение постоянного сравнения двух и более культур – родной и других для развития способности выделять и критически осмысливать ценности каждой культуры, а также формировать свою собственную культуру;

4) формирование активной позиции по отношению к неравенству, развитие способности критически воспринимать стереотипы, относящиеся к другим людям и их культурам;

5) утверждение и развитие гармонии в отношениях между школьниками, учениками и учителями, а также между самими педагогами как членами различных этнических групп [2, 3].

Экстремизм является одним из факторов постоянного роста преступлений, связанных с насилием на почве расовой, религиозной, а

также национальной нетерпимости. Противоборство экстремизму – одна из главных задач любого государства. Экстремизм – это призыв к насилию, а не только пренебрежение общепринятыми нормами, законами. Под экстремизмом в правовом понимаются призывы к насилию, возбуждению ненависти, вражды или унижение достоинства в связи с принадлежностью к определенной социальной, религиозной, этнической группе. Экстремистские материалы- это речевые средства и изображения содержащие в себе призывы к насилию, возбуждению вражды и оскорбления на национальной, религиозной, социальной почве. Экстремизм проявляется в различных сферах человеческой жизнедеятельности: политике, межнациональных и межэтнических отношениях, религиозной жизни, экологической сфере, искусстве, музыке, литературе. Экстремисты могут принадлежать к разным национальностям, исповедовать любое мировоззрение, принадлежать к любой социальной группе. Некоторые исследователи определяют экстремизм как привязанность, преданность крайним мерам и взглядам. Экстремист-это лицо использующее насилие в противовес общепринятым нормам общества. Экстремистом можно назвать также лицо или группу людей, пытающихся навязать свою волю другим людям, порою прибегая к использованию силы.

Причины экстремизма кроются в человеческой психологии. Экстремизм характеризуется исторической изменчивостью. Фактически все заговоры и мятежи, которыми богата как отечественная, так и мировая история, представляли собой, с точки зрения действующего в то время законодательства и существующего общественного устройства, не что иное, как своеобразные типы преступных группировок, которые стремились к достижению политических целей. Экстремизм и преступность – явления родственные. Только преступники стремятся к материальной выгоде или власти, а экстремисты отстаивают политические, религиозные или расовые убеждения, что тоже не исключает стремления к материальному.

Согласно данным МВД РФ [4], возрастная категория группировок экстремистской направленности- это молодые люди, не достигшие 30-летнего возраста. Их в подобных объединениях находится до 80%. При этом, наиболее быстро экстремистские идеи приживаются в среде учащихся общеобразовательных школ. В этом нет ничего удивительного, поскольку психика ребенка еще не до конца сформирована и легко

подвергается негативному влиянию. В связи с этим, наиболее важна профилактика экстремизма в образовательных учреждениях.

Основной задачей школы, в профилактике экстремизма, является формирование гуманистической личности, обладающей терпимостью в межэтнических отношениях. Дети, осознающие, что все люди разные, по внешнему виду, интересам, социальному положению и ценностям, гуманные дети. Они признают, что каждый человек индивидуален, и каждый индивид имеет право жить на нашей планете. Задачей общеобразовательного учреждения, в лице каждого педагога, является создание всех необходимых психолого-педагогических условий, способствующих возникновению и поддержанию терпимости среди школьников. Формирование у учащихся чувства терпимости – это длительный и сложный процесс. При прохождении данного пути осуществляется профилактика терроризма и экстремизма в школе. На начальном этапе данного процесса педагогу необходимо обеспечить эмоциональный комфорт детям. Педагог должен привить учащимся необходимость в критическом мышлении, взаимопомощи, самоконтроле. Педагог обязан построить свои отношения с учащимися как на уроках, так и вне стен школы. При этом каждый ребенок должен быть признан им как значимая и ценная личность. Умение договариваться и идти на компромисс, способность убедить в своей правоте без создания конфликтной ситуации сближает интересы учащихся различных национальностей и вырабатывает непримиримость к проявлениям жестокости и агрессии. Одним из направлений, оказывающим влияние на формирование толерантности, является военно-патриотическое воспитание. Организация встреч с ветеранами как Великой Отечественной, так и локальных войн, сбор реликвий и документов о героизме и мужестве защитников Родины; – запись воспоминаний ветеранов; – адресная помощь инвалидам, участникам боевых действий, а также семьям погибших воинов; – работа с архивными данными по уточнению судеб военнослужащих, принимавших участие в войне 1941-45 гг. и т. д. Профилактика терроризма и экстремизма в школе предусматривает также организацию празднований Дня Победы с военно-патриотическими песнями и шествиями, проведением акции «Георгиевская ленточка», «Бессмертный полк», волонтерские акции по чествованию ветеранов и др.

Профилактика терроризма подразумевает и подготовку молодежи к ведению военной службы. Сюда входят: - работа оздоровительных оборонно-спортивных лагерей; – открытие военно-патриотических клубов; – проведение соревнований по пулевой стрельбе и т. д. Все это способствует не только улучшению спортивной подготовки молодых людей, но и их активному вовлечению в познавательную деятельность с одновременным формированием нужной установки на предстоящую армейскую службу. К вышеописанным мерам профилактики не лишним будет добавить организацию кружков художественного творчества, посещение краеведческих и исторических музеев. Все это окажет значительное влияние на интерес к традициям своего народа, его обычаям и культуре, а также на укрепление любви к родному краю. Соответственно возрасту учащихся возможно проведение различных акций добрых дел, таких как «Отряд Тимуровцев», поздравления на день пожилого человека и пр. Вариантом профилактики экстремизма и терроризма может быть организация разъяснительной работы по поддержке различных национальных культур. Немаловажную роль играет и духовное воспитание. Чувство международной толерантности невозможно без веротерпимости молодых людей. Согласно действующей Конституции, Россия является светским государством. Это говорит о том, что никакая религия в нашей стране не устанавливается в качестве обязательной или государственной. Кроме того, Конституция РФ утверждает свободу вероисповедания, и каждый может свободно пропагандировать свои убеждения, при условии, если он не нарушает российских правовых норм. Каждый человек вправе выбрать для себя религиозные и иные убеждения. Для профилактики агрессии и жестокости детям необходимо рассказывать о разных вероисповеданиях и типах мировоззрений. Нужно дать человеку возможность самостоятельно остановить свой выбор на той или иной религии или отказаться от всех ее разновидностей. Только в таком случае у школьника выработается доброжелательное отношение к любому мировоззренческому подходу. В план мероприятий по профилактике терроризма и экстремизма можно также включить специальный курс, рассказывающий о религиях народов России. При этом необходимо, чтобы чужая вера преподносилась в качестве мировоззрения, находящегося в основе той или иной национальной культуры. Из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что экстремизм – одно из самых пагубных явлений. Профилактика

экстремизма является залогом успеха развития любого общества. Корнем любого экстремистского начала, является неконтролируемый протест. Если в обществе увеличивается количество таких протестов, атмосфера в нем накаляется. Следующей ступенью будет появление экстремистских организаций. По сути, в обществе происходит некий ступор, за которым следует социальный взрыв. Борьба с экстремизмом не должна опираться только на силовые методы. Они, как правило, дают лишь временный эффект. Необходимо начинать борьбу с экстремистскими проявлениями, с истоков, используя всевозможные методы профилактики.

Литература

1. Джуринский А.Н. Педагогика межнационального общения: Поликультурное воспитание в России и за рубежом. – М.: Сфера, 2007.
2. Макаев В.В., Малькова З.А., Супрунова Л.Л. Поликультурное образование – актуальная проблема современной школы // Педагогика. – 1999. – №4. – С.3-10.
3. Сысоев П. В. Языковое поликультурное образование в XXI век // Язык и культура. – 2009. – № 2(6). С. 109.
4. Сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф>

ЧЕЛОВЕК И БИОСФЕРА: МЕХАНИЗМЫ АКТУАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ СОЦИОБИОЭКОКОЭВОЛЮЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Смирнов С.В.

*Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального
университета, г. Елабуга*

С середины XX века, имеет место процесс экспоненциального роста антропогенного воздействия на природу. Его следствием, стало нарушение газовых, химических и радиационных параметров биосферы: задымление и насыщение атмосферы парниковыми соединениями; внесение в литосферу соединений тяжелых металлов и радиоактивных элементов; загрязнение вод мирового океана бытовыми и промышленными отходами.

Данные проблемы ставят перед человечеством задачу охраны и производства природных ресурсов и условий.

Осуществление данной задачи, возможно в рамках реализации стратегии направляемого социобиоэкоэволюционного развития, под которой, мы понимаем комплекс мероприятий, направленных на адаптацию деятельности человека к «естественным процессам, происходящим в биосфере, т.е. к развитию окружающей среды, которая сохраняет (или содействует сохранению) состояния биосферы в окрестности того эволюционного канала, который оказался способным произвести человека» [1, с. 29].

Направляемость в развитии социобиоэкологической системы (системы человек – общество – природа) видится нам в форме реализации так называемой «стратегии трех шагов»: развития экологического мышления, перехода к экологическому производству и реализации экологической политики.

Развитие экологического мышления связано с задачей формирования представлений о масштабах и последствиях экологического кризиса. Осознание актуальности экологических проблем, целесообразности их незамедлительного решения, должны привести к отходу от существующих потребительских и эгоцентрических приоритетов жизни и деятельности человека; к формированию понимания того, что будущее может поставить перед ним задачу выживания в мире ставшим непригодным для существования разумного существа.

Как верно отмечает в этой связи А. Печчеи, если человек «найдет в себе силы полностью и до конца осознать всю сложность и неустойчивость его нынешнего положения и принять на себя всю ответственность, которая отсюда проистекает, если он сможет достичь того уровня культурной зрелости, который позволит ему выполнить эту нелегкую миссию, тогда будущее принадлежит ему. Если же он падет жертвой своего же внутреннего кризиса ми не справится с высокой ролью защитника и главного арбитра жизни на планете, что ж, тогда ему суждено стать свидетелем того, как станет резко сокращаться число ему подобных, а уровень жизни вновь скатится до отметки, пройденной несколько веков назад» [2, с. 181].

Переход к экологическому производству необходим с целью минимизации вредного воздействия человека на природные экосистемы.

В этом направлении, уже сегодня предпринимаются определенные шаги.

К примеру, использование современных удобрений и внедрение технологий генной модификации способствует повышению продуктивности сельскохозяйственных земель без дополнительного увеличения их общей площади (что приводит к деградации естественных ландшафтов и природно-территориальных комплексов). Развитие компьютерной техники позволяет более эффективно использовать транспортные пути, минимизируя затраты на прокладку телефонных линий, строительство дорог, мостов, туннелей. Использование спутников позволяет составлять карты местности, не прибегая к организации геодезических экспедиций. Производство новейших теплоизоляционных материалов позволяет снизить затраты на отопление жилья, на производство строительных материалов.

В тоже время, пока, имеющиеся достижения не позволяют кардинально снизить объем негативного антропогенного воздействия на биосферу. Рост численности населения планеты, умножение материальных потребностей общества, сокращение срока службы материалов используемых человеком в производстве и в быту в силу их морального «устаревания» и т.д., компенсируют имеющиеся позитивные тенденции, приводят к непрерывному росту антропогенного влияния на природу. Эти явления говорят не просто о необходимости внедрения в производственный процесс экологических технологий, но о полной экологизации производства – его переводе на экофильные «рельсы».

Реализация экологической политики позволит регламентировать характер и масштабы деятельности человека в биосфере.

К основным задачам экологической политики относятся:

- осуществление мер по мониторингу состояния окружающей среды;
- разработка мер по наиболее эффективному использованию природных ресурсов;
- рекультивация и охрана природных территорий;
- установление норм предельного загрязнения человеком природной среды;
- охрана редких и исчезающих видов растений и животных.

Важным аспектом реализации экологической политики является развитие международного экологического законодательства. Принятые на межгосударственном уровне решения, позволят повысить «экологическую эффективность» производственной деятельности человека, предупредить факты нарушения экологического

законодательства, своевременно отреагировать на экологические угрозы. Это требует развития экологической культуры населения, установления приоритета этических ценностей над ценностями материального плана. Как верно отмечает в этой связи М.Д. Андреев, «единственный путь сохранения человека в составе биосферы – это путь такого изменения образа жизни людей, который согласовал бы их потребности и потребление природных ресурсов с возможностями сохранения биосферы в эволюционном пути их совместного развития. Эту проблему нельзя решить чисто техническими средствами. Необходимо качественно изменить природу общества, необходима новая цивилизация с иным мировоззрением, для которой совокупность экологических императивов (запретов) будет столь же органически присуща, как и стремление к сохранению жизни человека» [3, с. 214].

Литература

1. Моисеев Н.Н. Еще раз о проблеме коэволюции // Вопросы философии. 1998. – №8. – С. 27.
2. Печчеи А. Человеческие качества. – М.: Издательство «Прогресс», 1980. – 301 с.
3. Андреев М.Д. Философские вопросы геоэкологии (диалектический материализм). – М.: Издательство «Спутник+», 2013. – 396 с.

БИОСФЕРА, ТЕХНОСФЕРА, ЧЕЛОВЕК: ОТ ПАРАДИГМЫ КОНФРОНТАЦИИ К МОДЕЛИ АНТРОПОБИОСИМБИОЗА

Смирнов С.В., Копанева К.А.

*Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального
университета, г. Елабуга*

Единство человека и природы – факт, не требующий доказательств. Это единство имеет место на уровне физиологии, клеточного строения, специфики реакций организма на внутренние и внешние раздражители, в способности живого и мыслящего вещества воздействовать и изменять окружающий мир.

Величие Жизни в том, что многообразие ее проявлений формирует глобальные параметры биосферы: газовый состав атмосферы, во многом,

ее тепловой режим и микроклиматические параметры, химический состав гидросферы и литосферы.

Но Жизнь изменяет мир неосознанно, посредством реализации физиологических процессов имеющих место в ходе питания, дыхания и размножения организмов. Человек же является носителем культурной биогеохимической энергии с помощью которой, он изменяет мир сознательно и целенаправленно. Эта энергия является видовым признаком человечества, она связана с психической деятельностью разумного существа и определяется способностью человека мыслить [1, с. 126-127].

Стремление к изменению окружающей природы, было присуще человеку уже с момента его выделения из состава животного мира.

Если в эпоху первобытности это стремление носило адаптогенный характер и было продиктовано потребностью человека выжить, то со времен неолитической революции, деятельность человека начинает приобретать адаптогенно-адаптирующий характер. В это время (примерно десять тысяч лет назад) появляются первые искусственные экосистемы – агробиоценозы.

Последующее усложнение структуры общества приводит к формированию антропогенных ландшафтов – городов, дорог, ирригационных систем и т.д. Возникают первичные антропоценозы – искусственные сознательно создаваемые и целенаправленно поддерживаемые системы, в рамках которых человек осуществляет свою социальную жизнь и экономическую деятельность.

В индустриальную эпоху, благодаря ускоренному развитию науки и совершенствованию техники человек начинает влиять на интегральные параметры биосферы – газовый состав атмосферы, гидрологический режим поверхностных и подземных вод, химический состав литосферы и т.д. Это приводит к ослаблению регуляторных и гомеостатических функций живого вещества; к снижению его способности нивелировать возмущения, вызванные антропогенным вмешательством в природу.

Сегодня, объектом воздействия человека становится вся природа, пространства ближнего космоса. «Закончен после многих сотен тысяч лет неуклонных стихийных стремлений охват всей поверхности биосферы единым социальным видом животного царства – *человеком*. Нет пределов возможному его размножению. Научной мыслью и государственно организованной, ею направляемой техникой, своей жизнью человек

создает в биосфере новую *биогенную силу*, направляющую его размножение и создающую благоприятные условия для заселения им частей биосферы, куда раньше не проникала его жизнь и местами даже какая бы то ни было жизнь» [1, с. 27].

Широкое вмешательство человека в природу приводит к трансформации антропоценозов в техносферу – преобразованную человеком биосферу, состоящую из технических комплексов с незамкнутыми производственными циклами в которых естественные круговороты вещества и энергии заменены на искусственные.

В настоящее время техносфера охватывает значительную часть биосферы. Ее дальнейшее расширение может привести к разбалансировке механизмов биотической регуляции природной среды, ставя человека перед фактом разработки механизмов техногенного управления природой. Однако, «заменить биотическую регуляцию техногенной невозможно – человечество не сможет обеспечить переработку потоков информации такого объема, который доступен естественной биоте (каждый микрон земной поверхности контролируется сотнями независимых организмов, любая клетка которых перерабатывает потоки информации, сравнимые с потоками информации в современных компьютерах)» [2, с.100].

Исходя из этого, в современных условиях задачей человека ставится минимизация негативного воздействия на биосферу. Эта минимизация видится нам в целесообразности объединения вещественно-энергетических потоков характерных для техносферы и материально-вещественных круговоротов присущих живому веществу. Данное объединение необходимо с целью комплексного использования природных ресурсов и условий, недопущения вывода вещества биосферы за рамки биогеохимических круговоротов, выполняющих функцию стабилизации глобальных параметров географической оболочки.

Результатом объединения био- и техногенных круговоротов, станет переход к антропобиосимбиотическим формам взаимодействия живого и мыслящего вещества.

Антропобиосимбиоз мы характеризуем как форму совместного, взаимовыгодного отношения между человеком и природой, основанную, на объединении вещественно-энергетических потоков характерных для техно-социо-антропогенных комплексов и структур живой и неживой

природы, направленных, на сохранение и поддержание гомеостатических параметров географической оболочки.

Целесообразность объединения антропо- и биогенных круговоротов вещества и энергии, обусловлена необходимостью создания оптимальных условий для функционирования Жизни на Земле. Глобальное же значение Жизни состоит в том, что живые организмы являются участниками всех вещественно-энергетических процессов протекающих в природе, в том числе, процессов улавливания солнечной энергии и ее трансформации в энергию химических связей органических молекул, последующем использовании биохимической энергии для совершения геологической работы, создающей, в итоге, условия для проявления культурной биогеохимической энергии находящей свое воплощение в деятельности человека по преобразованию окружающего мира.

«...Жизнь, – пишет В.И. Вернадский, – является великим, постоянным и непрерывным нарушителем химической косности нашей планеты. Ею в действительности определяется не только картина окружающей нас природы создаваемая красками формами, сообществами растительных и животных организмов, трудом и творчеством культурного человека, но ее влияние идет глубже, проникает более грандиозные процессы земной коры. Нет ни одного крупного химического равновесия, в земной коре, в котором не проявилось бы основным образом влияние жизни, накладывающей неизгладимую печать на всю химию земной коры» [3, с. 56].

Необходимость приоритетного сохранения Жизни обусловлена также уникальной способностью организмов нейтрализовать возмущения, выводящие биосферу из состояния равновесия. Эта способность реализуется благодаря «огромному биологическому многообразию (число биологических видов на планете составляет много миллионов, возможно, 30 или даже 100 млн.). Именно это разнообразие сформировало компенсаторно-восстановительные и регулятивные механизмы, гарантирующие в определенном диапазоне гомеостазис системы «биота – планета», причем стабильность планетарной экосистемы обеспечивается дублированием звеньев биогеохимических циклов и взаимозаменяемостью ее составляющих. Чем выше биоразнообразие, тем стабильнее экосистема, в то время как одно- либо двухвидовые сообщества (биоценозы) оказываются нестабильными» [7, с. 21].

В условиях современных экологических рисков, таким образом, антропобиосимбиоз есть желаемая и необходимая форма взаимодействия человека (общества) и природы. Формирование антропобиосимбиозов есть необходимое условие сохранения гомеостаза биосфера, недопущения перехода ее параметров за пределы, несовместимые с существованием человека.

Литература

1. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991. – 270 с.
2. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Экологический вызов и устойчивое развитие. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 415 с.
3. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2007. – 576 с.
4. Романович А.Л., Урсул А.Д. Устойчивое будущее (глобализация, безопасность, ноосферогенез). М.: Жизнь. Издательская группа, 2006. – 512 с.

КРИЗИС САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Спиридонов А.Ю.

*Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального
университета, г. Елабуга*

Проблема самоидентификации человека не поднималась в формате философского дискурса вплоть до начала XX века, хотя основы его были заложены ещё во времена Древней Греции в ходе обсуждения категорий тождества и различия. Но именно в прошлом веке в связи с проблемой «потерянных поколений» и, особенно, в связи с событиями Второй мировой войны и её последствиями вопрос самоидентичности человека стал восприниматься научным сообществом как вопрос особой важности. В реалиях современной жизни в связи со сломом коммунистической идеологии и последовавшим за ним крушением советского государства кризис самоидентификации как социума, так и отдельного индивидуума приобрёл необычайную остроту и требует внимательного и всестороннего рассмотрения. В настоящее время стала совершенно очевидной культурно-историческая опосредованность всех аспектов жизни человека, и анализ самоидентичности человека часто предстаёт в

научных работах как анализ результата процесса становления личности в условиях динамично изменяющихся культурных и исторических условий. Вместе с тем, существует тенденция к анализу идентичности человека «как результата её порождения иным», где иному придаётся роль «инициатора самоотличения» [1]. Тем не менее представляется актуальным анализ не только становления личности или её отношения к иному, но и процесса разрушения уже сформированной идентичности, а также её недооформления или отказ от формирования полноценной личности.

В современной научной литературе значительное количество работ посвящено культурологическому, философскому, психологическому и социологическому анализу кризиса идентичности. Проблемы самоидентификации в различной мере исследовали в своих работах как социологи, так и психологи (Н. Эллиас, Ж. Лакан, Э. Эриксон и др.), также значительное количество работ посвящено философским предпосылкам кризиса идентичности (П. Тейяр де Шарден, П. Гиллих, Ж. Деррида, К. Ясперс, М. Хайдеггер и др.).

Проблема идентичности человека в связи с развитием современных биотехнологий, ставящих вопрос о пределах идентичности человека, также находится в фокусе внимания специалистов (Сидорова Т.А. «Идентичность человека в контексте проблем начала жизни в биоэтике»).

Феномен глобализации, проявивший себя в появлении глобального финансового рынка и глобальных социальных сетей, оказывает сильное влияние на культурное окружение индивидуумов, социальных групп и культуры целых народов, что привлекает внимание исследователей к последствиям глобализации для формирования самоидентичности человека (Э. Ридденс, В.Л. Иноземцев, М. Кастельс и др.). Тем не менее проблема частичной недифференцированности собственного «Я» и «иноного», порождаемой травмированной или недооформленной личностью в условиях динамично изменяющейся культурной и социальной среды остаётся недостаточно разработанной, не смотря на широкую представленность в научной и философской литературе проблематики кризиса самоидентификации.

Кризис идентичности на постсоветском пространстве стал неотъемлемой частью жизни общества. Его влияние прослеживается во всех сферах жизни страны от экономической до духовной, что сопровождается различными комплексами проблем от падения

производительности труда до процветания тоталитарных сект. Корни кризиса следует искать в сломе советской идентичности и дискредитации коммунистической идеологии, лежавшей в основе самоидентификации советского человека. Схожие процессы проходили в послевоенной Германии в процессе денацификации, тем не менее на лицо глубокое различие в полученных результатах. Если немецкое общество сумело восстановить относительную устойчивость довольно быстро, то проблемы самоидентификации современного российского общества не решены, хотя и заметны некоторые улучшения.

В поисках источника продолжающегося кризиса необходимо исследовать процессы слома советской идентичности или «смерти модели советского человека». Как и в денацифицируемой Германии процесс слома начался с искусственного прививания чувства вины обществу за собственное прошлое, что привело к глубокому кризису поколений, связанному с утратой доверия между молодёжью и людьми старшего поколения. Этот процесс усугублялся психологическим сломом, сопровождавшимся ростом числа самоубийств, девиантного поведения, криминализацией общества. Тем не менее как в Восточной, так и в Западной Германии эти негативные процессы были преодолены в короткое время и социум был выведен на путь равномерного развития, что в современном нам обществе происходит с огромным трудом и основные последствия слома до сих пор не преодолены.

Причину этого, как видится, надо искать в непреодоленном кризисе идентичности. Если в немецком обществе на место уничтоженных нацистских ценностей были немедленно введены ценности и идеалы советского общества на востоке Германии и либерального общества на западе, то в постсоветском обществе такой замены ценностей непосредственно после уничтожения коммунистической идеологии не произошло, что закрепило травму у старших поколений и воспрепятствовало нормальному процессу самоидентификации у подростков. Некоторыми исследователями (И.М. Ильинский, П.И. Бабочкин) эта ситуация была определена как «разрыв поколений». «Главное, в чем проявляется разрыв поколений, – отмечает Ильинский, – не в их отношениях (при всей их напряженности), а в практически полном отсутствии культурного ядра, которое по законам преемственности должно быть передано от «отцов» и «дедов» к их «детям» и «внукам» [2].

Последующие попытки внедрения неолиберальных идей толерантности, мультикультурализма и крайнего индивидуализма, а также господство постмодернистских идей в интеллектуальной сфере не только не смогли исправить сложившейся ситуации, но и воспрепятствовали складыванию оформленной системы ценностей у новых постсоветских поколений, что только усугубило кризис идентичности в российском обществе. На это обстоятельство обращают внимание авторы социологических исследований (Ю.М. Резник). «Авторы известного сборника „Иное не дано”, – говорит исследователь, -, вышедшего под общей редакцией Юрия Николаевича Афанасьева, придерживаясь определенного замысла, не могли предвидеть, что у перестройки очень скоро обнаружатся альтернативы, способные изменить социокультурный облик страны (см.: Иное не дано. М., 1988). Вопреки такой однолинейной логике, утверждающей возможность и однозначность выбора демократического пути, на который якобы ступили народы бывшего Советского Союза, антропологи руководствуются установкой, согласно которой „иное” не только всегда дано (хотя бы потенциально), но и имеет разнообразные формы проявления.» [3]. Некоторые исследователи предлагают нам взгляд на кризис самоидентификации с точки зрения порождения идентичности «иным» (А.Ю. Шеманов). «...следует рассмотреть, как самоидентичность порождается иным не в ходе прямой детерминации с его стороны, а путем инициированного со стороны иного самоотличения». Далее утверждается, что «Современность... .. характеризуется изменением места иного в человеческом мире: то, что воспринимается как иное, – смерть, страдание, любовь, игра, искусство и т.д. – изгоняется из повседневности» [1].

П.Бергер и Т.Лукман в своей работе предлагают отталкиваться в вопросе восприятия реальности индивидами от повседневности. Поскольку повседневность ощущается людьми как высшая реальность, заставляющая сознание напряженно бодрствовать, постольку иные типы реальности, в том числе и идеи, можно рассматривать как производные от повседневности и как иное по отношению к ней. «По сравнению с реальностью повседневной жизни другие реальности оказываются конечными областями значений, анклавами в рамках высшей реальности, отмеченными характерными значениями и способами восприятия.

Высшая реальность окружает их со всех сторон, и сознание всегда возвращается к высшей реальности как из экскурсии» [4].

Повседневность, эта высшая реальность, хотя и является основой для иных реальностей «конечных областей значения», нуждается в «восполнении», в целостном восприятии и придании ей смысла. Принуждая нас к взаимодействию, она также является для нас связующим миром, миром коммуникации и социального взаимодействия. Но для современного общества характерно исключение иных реальностей из повседневности, на что указывает ряд исследователей, например, Э. Гидденс. «Секвестрация опыта отделяет индивидов от некоторых из главных референтных пунктов морали, посредством которых упорядочивалась жизнь в пре-модернистских культурах» [5]. Такое исключение неизбежно приводит к рационализации повседневности, например, к медикализации смерти и болезней, отношению даже к собственному телу как к вещи требующей ухода, при этом сами смерть, болезнь и тело выпадают из реальности и уже не могут служить в качестве инициатора самоотличения.

Аналогичным образом происходит исключение из повседневности таких реальностей как идеология и культура. Несмотря на широчайший доступ к информации в современном обществе, происходит «оповседневнивание рефлексии». Но границы окружающих повседневных явлений задаются ценностным строем человека, и исключение ценностей (конечных областей) из высшей реальности приводит к размыванию этих границ и к неустойчивости образа себя.

Таким образом можно сделать выводы. Во-первых, изгнание из окружающей повседневности идеологии и культуры, ценностей в следствие «разрыва поколений» приводит к размыванию реальности. Во-вторых, рационализация исключает иное (смерть, болезни, тело) как эмоционально переживаемые события из повседневности, что приводит к невозможности самоотличения себя от иного. В-третьих, оба этих процесса приводят к неустойчивости образа себя и к кризису самоидентификации.

Литература

1. Шеманов А.Ю. Самоидентификация человека и культура. – СПб., 2007.
2. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. – М.: Голос, 2001.

3. Резник Ю.М. Doctrina. Studia społeczno-polityczne 2, 2005.
4. Бергман П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., 1995.
5. Гидденс Э. Трансформация интимности. – СПб.: Питер, 2004.

ДЕВИАНТНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Фурсова В.В.

Казанский Федеральный (Приволжский) Университет, г. Казань

Первые исследователи девиации во французской социологической школе исходили из постулата, согласно которому социальная девиация не может проявиться у биологически нормального индивида. Такое понимание девиации преобладало в научном дискурсе вплоть до двадцатого столетия. Биологическое объяснение достигло своего апогея в период между первой и второй мировыми с активной практикой евгеники. В истории остались два ужасающих эксперимента : массовая стерилизация в США и биологические «чистки» в нацистской Германии. Другое течение, являющееся антиподом биологического подхода, объясняло девиантное поведение как результат социального обучения. Согласно теории культурного переноса, криминальное поведение усваивается в процессе интеракции с другими индивидами, ведущими преступный образ жизни.

Предметом изучения социологии девиантного поведения является не только криминальные и преступные поступки, но также такие феномены, как суицид, употребление наркотиков, алкоголизм, социальная маргинальность и т. д. Она также тесно связана с изучением социальных проблем так называемого андеркласса и субкультур. На сегодняшний день сосуществуют две парадигмы в изучении девиантного поведения. Первая включает этиологические теории, трактующие отклоняющееся поведение как реально существующий феномен. В этом случае социологи сужают свой интерес, прежде всего, на причинах, объясняющих переход от потенциального отклоняющегося акта к акту реальному. Вторая парадигма имеет интеракционистскую природу, рассматривая девиацию

как продукт «наклеивания ярлыков поведения» (l'étiquetage des comportements), результат упорядочивания социального пространства.

Сегодня в русле социологии девиантного поведения и криминологии во Франции существует множество направлений разного уровня и масштаба, некоторые из которых мы рассмотрим ниже.

Деятельностные теории: преступный выбор как стратегия. По словам Мориса Кюссон (Maurice Cusson), профессора криминологии, «чтобы понять действие индивида, необходимо со всей серьезностью отнестись к причинам, на которые он ссылается в обосновании своего поступка». Кюссон вводит понятие рациональности у социального актора. К тому же, он выдвигает гипотезу, согласно которой «преступность должна пониматься как жизненный выбор, поскольку преступник выбирает модель мышления, согласно которой нарушение закона принесет ему больше пользы, нежели вреда» [1]. Для индивида, совершающего преступление, оно всегда приносит удовольствие в краткосрочной перспективе, но в долгосрочной оно неизбежно влечет тюремное заключение или смерть. Образ жизни преступника базируется на презрении к будущему и преобладании настоящего момента. Девиантный поступок «задумывается как результат выбора, сделанного индивидами, которые стремятся максимизировать их удовольствие».

Детерминистские теории: общество как механизм производства девиаций. В детерминистском течении отмечают, в частности, работы Лорана Мюккели (Laurent Mucchieli). Для него «сегодняшний рост чувства небезопасности и насилия объясняется двумя главными факторами: с одной стороны, экономическим и социальным кризисом (конец «славного тридцатилетия», увеличение безработицы и непостоянной занятости, особенно среди молодежи) и, с другой стороны, проблемой политической репрезентации (политики утратили всякое доверие)» [2], что объясняет возникновение жестокого общества. Для Себастьяна Роше (Sébastien Roché), социолога, причины преступности носят не только экономический или социальный характер. Он полагает, «рост преступности связан со взлетом индивидуализма: в условиях угасающей классической солидарности каждый думает, как бы использовать другого» [3]. В этой теоретической перспективе прослеживается вопрос о том, почему некоторые индивиды становятся преступниками, в то время как другие, при тех же обстоятельствах и идентичной обстановке, не стремятся к отклоняющемуся поведению и не

разделяют его ценностей: к примеру, безработные, живущие в пригородах, вовсе не становятся преступниками. Иначе говоря, при равных условиях не каждый нарушает социальные и правовые нормы.

На сегодняшний день во Франции можно выделить пять векторов в современных исследованиях отклоняющегося поведения:

1) исследователи *социального* в факторах, способствующих девиантному поведению (безработица, урбанизация и т.д). В этом подходе девиация связывается с одним фактором или их переплетением;

2) социологи, работающие в русле *теории социальной регуляции*, которая трактует девиантное поведение как конфликт между личными устремлениями и навязанной включенностью в социальную группу. Девиация понимается как отрыв социальной единицы от общности (акцент в этом подходе ставится на индивидуальном, а не социальном);

3) популярная среди французских криминологов теория *социальной реакции* (берущая начало еще в Чикагской школе), согласно которой девиации возникают из-за социальной дезинтеграции, ослабления систем социального контроля;

4) теория социализации, делающая упор на механизмы усвоения и обучения девиантному поведению;

5) теория социального конструирования, согласно которой любое общество сознательно продуцирует отклонения от нормы;

6) и, наконец, направление, в котором отклоняющееся поведение выступает как способ напоминания социально-правовых границ, которые нельзя пересекать, являясь чем-то вроде «клапана безопасности». Таким образом общество самоохраняется от неконтролируемых социальных потрясений. [4]

Таким образом, можно сделать вывод о том, что представители французской социологической школы объясняют причины девиации в комплексе : как с точки зрения социальных факторов макросреды, так и с учетом индивидуальных микро-факторов, что позволяет сформировать целостный подход к изучению поведения человека.

Литература

1. Cusson M., «Comment devient-on délinquant?» // «Approches sociologiques de la déviance», mensuel n°176, 2006. – 59 p.

2. Mucchieli L., « La déviance : normes et transgression, stigmatisation », in // Sciences Humaines, Normes Interdits Déviance, n°99, novembre 1999. – 32 p.

3. Roche S., «Comment devient-on délinquant?» // «Approches sociologiques de la déviance», mensuel n°176. 2006. – 59 p.

4. La déviance : à la recherche d'une identité entre changement social et contrôle social. Девиантное поведение : к вопросу идентичности социального изменения и социального контроля. Электронный ресурс. <<http://sebastien.nogues.free.fr/biblio-virtuelle/DEUG/socio/Deviance.pdf>

ИЗУЧЕНИЕ РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Чернышева Ф.А., Шаймарданов К. Р.

*Набережночелнинский филиал Казанского инновационного
университета имени В.Г. Тимирязова, г. Набережные Челны*

В последние десятилетия в России в связи с национальной стратегией на повышение рождаемости и укреплению семьи представляет интерес изучение репродуктивных установок молодых людей, так как это позволяет выявить демографические перспективы развития региона. В этом контексте особую актуальность приобретает изучение репродуктивной мотивации молодежи (особенно причин отказа от рождения детей).

Для изучения тенденций в изменении репродуктивных установок современных молодых людей в 2017 году было проведено добровольное анонимное анкетирование студентов на базе колледжа ЧОУ ВО «Набережночелнинский филиал Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова». Приняли участие 225 человек (лиц мужского пола 80 человек, женского пола 145 человек). Выборка репрезентативна для выборочного исследования и однородна по возрасту (16-17 лет), поскольку респонденты – студенты 1 курса, обучающиеся на базе 9 классов основного общего образования с одновременным получением среднего общего образования). Полученный эмпирический материал систематизирован и математически обработан.

В работе с этой возрастной группой применялась анкета, в которой вопросы сформулированы на основе той, что подготовлена Федеральной службой государственной статистики совместно с Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации «Репродуктивное поведение россиян» для проведения специального обследования по вопросам семьи,

рождения и воспитания детей (утверждено Приказом Росстата от 31 июля 2012 г. №426) [1].

Как известно, ответы на предлагаемые вопросы в указанном документе используются для разработки новых мер поддержки семьи и детей, повышения рождаемости в нашей стране. Однако предложенные вопросы, в разработанной авторами анкете, были адаптированы с учетом аудитории участников, чтобы они были понятны для них, а также для достижения однозначности ответов и исключения неправильной интерпретации результатов. Согласно результатам анкетирования в отношении брачного состояния родителей и классификации структуры семей встречается широкий спектр ответов. В целом, среди участников присутствуют представители разных семей по показателям семейного состава населения, что позволяет оценивать демографическую конъюнктуру современных общественных структур в регионе. Рассмотрены ответы на вопрос о необходимости регистрации первого брака или последующих повторных браков и о времени, когда это следует производить. Представляя наиболее часто указанные ответы, следует перечислить следующие: до совместного проживания, сразу после начала совместного проживания, после проверки своих чувств в течение одного года – двух лет, только при условии ожидания рождения ребенка. Отмеченное характерно для вопросов, касающихся и первого, и последующих повторных браков.

Учитывая возрастные особенности респондентов, из анкет были исключены вопросы, касающиеся детности семей, адресованные лицам, состоящим в браке на момент заполнения анкет. Анализ анкет по данному вопросу позволил установить показатель детности 1,9, что соотносимо со значением 0,183, приводимом в официальной статинформации для России последних лет[3]. В рамках социально-демографических исследований фиксируется уменьшение разрыва между желаемым и ожидаемым числом детей (ключевые индикаторы в изучении репродуктивных ориентаций населения), что свидетельствует о формировании устойчивой ориентации на малодетную модель семьи, так, например, в соседней с Республикой Татарстан Удмуртии[2]. Изучение мотивации рождения детей в рамках нашего исследования показало разную значимость для опрошенных указанных факторов по пятибалльной шкале (1балл – означает, что эта причина не имеет практически никакого значения; 5 баллов – имеет очень большое

значение). В частности, ранжирование участниками произведено таким образом. Среди малозначимых факторов названы: желание укрепить семью; с двумя детьми больше гарантии в получении от детей поддержки в старости и не остаться одиноким; желание решить жилищные проблемы, используя государственную поддержку (например, «материнский (семейный) капитал»); единственный ребенок может вырасти эгоистом. Большое значение отводится в ответах студентов следующим из предложенных факторов: двое и более детей повышают авторитет человека в обществе; желание иметь ребенка другого пола; исключения одиночества для того, чтобы имеющийся ребенок не чувствовал себя одиноким. Не обошли вниманием и такой вариант ответов, как желание одному из детей передать свои знания, мастерство, чтобы «пошел по стопам матери или отца».

Респонденты проявили единодушие относительно влияния на здоровье работника условий труда, ограничивая при этом возможность иметь детей. По мнению опрошенных студентов, появление в их семье младших сестер и братьев может изменить доходы семьи по части благосостояния, улучшить жилищные условия, ограничить профессиональный рост их родителей и изменить круг общения, вызвать неоднозначное отношение со стороны родственников и окружающих.

К сожалению, осведомленность участников анкетирования из младшей возрастной группы о способах предохранения от беременности на момент проведения исследования можно оценить, как низкую. По результатам оценки действенности государственной помощи семьям с детьми, реализуемых в настоящее время, большинство указали, к сожалению, отсутствие у них информированности по этому вопросу, так как родители не обсуждают с ними вопросы относительно бюджета семьи, а также в отношении компенсаций затрат родителей на оплату посещения детских дошкольных учреждений, сокращения подоходного налога родителям, на каждого ребенка (так называемые, «стандартные налоговые вычеты», увеличивающиеся в зависимости от очередности рождения ребенка; «социальные налоговые вычеты», частично компенсирующие затраты на образование или лечение ребенка), за исключением предоставления «материнского (семейного) капитала». Указанное свидетельствует о недостаточной осведомленности молодежи об основных приоритетах государственной политики в отношении семьи и повышения уровня рождаемости в нашей стране, поэтому важно

формирование в обществе с помощью средств массовой информации (рекламы – социальной, коммерческой) образа семьи с 3 детьми как нормы для современного общества. Малодетность в отличие от много – и среднететности неизбежно ведет к депопуляции. Если число детей в семьях слишком мало, то в государстве необходимо попытаться заинтересовать семьи иметь большее число детей, создавая при этом и необходимые условия для изменения тенденций демографических процессов. Населению страны необходимо знать о возможных последствиях распространения однодетных детей, тем самым косвенно влиять на намерение россиян иметь большее число детей в своей семье.

Формированию менталитета семьи, в большей мере, способствует время, проведенное вместе со всеми членами семьи, свободное от работы и домашних дел. К наиболее часто упоминаемым вариантам ответов следует отнести, когда родители по возможности оставляли детей либо дома, либо с прародителями или другими родственниками, а также с соседями. Однако, было бы предпочтительнее проводить это время дома (в семейном кругу) или же совершать общие прогулки во время отдыха.

В семьях, в которых есть младшие сестры или братья у опрошенных студентов, лишь их малая часть (менее 10%) ответили, что охотно и регулярно помогают в уходе за ними и воспитании. Учитывая возрастные особенности изучаемого контингента участников опроса, вполне ожидаема такая доля положительных ответов на этот вопрос. Внимание авторов привлекла формулировка отдельных опрошенных, в какой форме они проявляют нежелание выделить свое время для помощи родителям. В качестве примера можно привести следующую выдержку из ответов «Специально на занятиях в колледже не выполняю практические задания, чтобы это сделать дома, чтобы была важная отговорка не заниматься с младшими членами семьи». Кроме того среди опрошенных достаточно часто высказывается мнение о том, что родители должны пользоваться услугами няни, учреждений по уходу за детьми (детское дошкольное учреждение, групп кратковременного ухода за детьми, продленного дня и т.п.).

Таким образом, полученные в ходе анализа анкет данные позволяют сделать выводы, о том, что практически невозможно ожидать существенного изменения сложившихся тенденций в репродуктивном поведении молодежи, не акцентируя внимания на образе жизни, поведении современных молодых людей, информированности по вопросам брака и семьи, а также демографической политики государства.

Литература:

1. Анкета «Репродуктивное поведение россиян» Федеральной службы государственной статистики / Приказ Росстата от 31 июля 2012 г. N 426 URL: <http://com-papers.info/form7/anketa3.htm>

2. Борисова О.Е. Репродуктивная модель добровольной бездетности//Вестник Удмуртского университета Т. 26, вып. 3,2016. С.22-25

3. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography

ПРОФИЛЬ В «ВКОНТАКТЕ» КАК ИНСТРУМЕНТ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ АККАУНТОВ ЕЛАБУГИ)

Чехлов А.П.

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Елабуга

Интернет сделал информацию доступнее, а социальные сети, основанные на одном из базовых свойств концепции Веб 2.0, то есть на пользовательском контенте (UGC – User Generated Content), предоставили возможность всем и каждому заявлять о себе. В настоящее время накопился огромный и открытый массив данных, ждущий своих исследователей. Зачастую пользователи социальных сетей не задумываются о том, что они публикуют, о том, кто и с какой целью может использовать эту информацию.

В статье описана попытка обобщения информации, собранной со страниц профилей социальной сети «ВКонтакте». Был выгружен и использован массив профилей, зарегистрированных в данной социальной сети в качестве елабужцев. Для сбора данных использовался сервис «ТаргетХантер» [1]. Обнаружено 63344 аккаунтов, что сопоставимо с населением Елабуги, которое составляет 74259 человек [1, С. 83]. Профили имеют различную степень заполненности данных. Присутствуют как аккаунты с минимальным набор данных (фамилия, имя, пол, город), так и профили с подробной информацией (социальный статус, возраст, семейное положение, наличие второй половинки, место

учёбы и работы, род деятельности, интересы, политические предпочтения и так далее).

Точных и публичных данных о количестве фейковых аккаунтов в социальной сети нет, методологическую трудность предоставляет и верификация тех данных, что указана на страницах. Ранее была предложена классификация аккаунтов в соответствии с фазами развития образа на основе концепции «Симулякра» Жана Бодрийера [3, С. 23-25].

В статье исходим из того, что задача интернет-исследований заключается не в том, чтобы проверить достоверность открытой информации и провести последующий анализ, а из той точки зрения, что любая информация достойна внимания. Пусть даже она будет продуктом намеренного искажения или попытки введения в заблуждение. Действительно, если мы хотим исследовать «реальность», то лучше обратиться сразу к самой «реальности». Мы рассматриваем не елабужан в социальной сети, а страницы, которые заявлены в качестве страниц елабужан.

Проведём обзор некоторых количественных данных, сделаем замечание, что речь идёт именно о показателях и характеристиках, указанных на страницах, а не о реальных людях.

Количество страниц-мужчин достигает 47,69% (46,2%), женщин – 52,31% (53,8%). Для сравнения в скобках указаны статистические данные [1, С. 15]. Наблюдается разница около 1,5%.

Семейное положение указано примерно у четверти профилей, среди них: женаты или замужем – 45,80%, в активном поиске – 19,11%, не женаты или не замужем – 18,76%. Менее формальные статусы отношений не столь популярны. Можно сделать вывод, что на страницах предпочитают указывать лишь те статусы, которые являются относительно постоянными.

Род занятий заполнен у 34,18%, из них: учатся в школе 7,72%, работают 26,64%, учатся в ВУЗе – 65,64%. Отметим, что обнаружено 4252 страницы, соответствующих двум требованиям: «учёба в ВУЗе» и возраст «от 25 лет». Основную массу студентов составляют молодые люди до 25 лет, а в крупнейшем ВУЗе города по состоянию на 01.11.2017 без иностранцев обучается 4408 студентов [4, С. 2]. Очевидно, что присутствует несоответствие.

Студенчество является активной и динамичной социальной группой, а их идентификация зачастую ярко выражена. На данном этапе

исследования можно предположить, что молодые люди указывают место учёбы, но закончив ВУЗ не указывают место работы. Выделим две возможные причины такого поведения: 1) работа не является престижной, а человек стесняется её указывать, 2) отпадает потребность в публичном заявлении своего статуса (вопрос самореализации отходит на второй план).

Политические предпочтения указаны на менее 10% страниц, из них 66,57% отметили свои взгляды как «умеренные». Коммунистические взгляды являются наиболее популярными, но они отмечены лишь на 358 страницах. Если же учесть только тех, кто хотя бы один раз в 2017 году заходил в социальную сеть (будем считать их активными страницами), то численность «коммунистов» снижается до 96. Просмотр информации из 96 аккаунтов «коммунистов» и их последних публикаций выявил только одну страницу, на которой была сделана републикация материала, явно относящегося к коммунистической идеологии (недовольство по поводу развала СССР). Оставшиеся 95 страниц содержали ещё меньше информации, которые бы позволили выявить политические взгляды. Можно заключить, что большинство страниц в своём наполнении имеют низкую политическую составляющую. Политические активные профили реже чётко обозначают политические взгляды при помощи графы «политические предпочтения». Дальнейшее выявление аккаунтов с выраженными политическими взглядами и их анализ возможен на уровне исследования виртуальных сообществ и контента, а не профилей.

Графы, которые бы помогли оценить гражданские позиции заполнены в меньшей степени. Пункты «Главное в людях», «Главное в жизни», «Отношение к курению» и «Отношение к алкоголю» заполнили 5-6% от всей выборки.

На уровне коммуникации пользователи склонны к закрытию публичного обращения к ним, но готовы к приватному общению. Так, для других пользователей закрывают стену в 79,05% случаев, зато возможность добавления в друзья и возможность отправки личных сообщений оставили открытыми 93,3% и 81,03% соответственно.

Отдельный интерес вызывает распределение указанного возраста на страницах. Социальная сеть позволяет полностью скрывать или делать доступными для просмотра полную дату рождения, либо же показывать только дату и месяц.

Информация по возрасту и дате рождения полностью скрыты в 39,03% случаев, известны только день и месяц на 25,10% анкет, полный возраст открыт у 35,86%. На данный момент социальная сеть в качестве года рождения позволяет выбирать в диапазоне между 1901 и 2003. Указание даты рождения – необходимое условие регистрации, поэтому те, кому в текущем году не исполняется 14 лет, технически не могут указать верные данные. Помимо этого, встречается другая причина, по которой пользователи изменяют свой возраст. Например, подростки завышают свой возраст, чтобы казаться старше.

Социальную сеть «ВКонтакте» используют не только молодёжь, как иногда ошибочно полагают. Ею пользуются и взрослое население, и пенсионеры. Однако возраст старше 90 в большинстве случаев указывают школьники, «шутники» или просто фейки.

Если считать активными страницами только те, которые были в online хотя бы один раз в 2017 году, то таких окажется 29572, что составляет 46,68%. В интернет-маркетинге в целях поиска целевой аудитории зачастую отсеивают страницы, с которых больше месяца не заходили в online. В этом случае останется 40,36% страниц. Да, общее число анкет сопоставимо с населением Елабуги, но минимальную активность проявляют меньше половины из них.

В заключении отметим, что профили в социальной сети создаются по различным причинам. Пользователи предпочитают скрывать или не указывать некоторые данные о себе, отдельные графы имеют низкую заполняемость среди рассматриваемых страниц. Степень заполняемости и причина, по которой указанная информация не соответствует действительности, варьируются в зависимости от пунктов, предложенных администраторами социальной сети «ВКонтакте». Профиль является первым и важным, но не самым главным инструментом виртуальной самопрезентации. О мировоззрении и интересах, транслируемых через страницу, больше скажет контент, опубликованный на странице, связи между пользователями и сообщества, в которых состоят пользователи. В качестве дальнейшего анализа заполняемости страниц планируется сбор информации в динамике, на данный момент можно предположить, что страницы заполняются во время создания самой страницы, а в дальнейшем изменяются редко.

Литература

1. Возрастно-половой состав населения городских округов и муниципальных районов Республики Татарстан: Статистический сборник / Татарстанстат – Казань, 2017. – 143с. URL: tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/resources/c5e0fc804217c99be7ff27f9898572/ВПС-2017.zip (дата обращения: 19.11.2017).

2. Сервис «ТаргетХантер» для подбора целевой аудитории и автоматизации рекламных кампаний в социальных сетях. URL: <https://targethunter.net/> (дата обращения: 31.10.2017).

3. Чехлов А.П. Самопрезентация в социальных сетях в условиях симуляции // Общество. Человек. Риски / Под редакцией проф., д.ф.н. М.О. Орлова. Саратов: ИЦ «Наука», 2017. – 187 с.

4. Численность обучающихся по основным образовательным программам высшего образованияна 01.11.2017 г. URL: https://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/F481868643/VO_na_01.11.2017.pdf (дата обращения: 19.11.2017).

НАШИ АВТОРЫ

Амиров Рафаил Газизович, кандидат философских наук, доцент, Набережночелнинский институт Казанского федерального университета, г. Набережные Челны.

Барябина Елена Николаевна, доцент, кандидат социологических наук, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., г. Саратов.

Бикмухаметова З.М., студентка, Елабужский институт Казанского федерального университета, г. Елабуга.

Бутенко Сергей Викторович, соискатель кафедры общественных наук Волгоградской гос. академии последиplomного образования, г. Волгоград

Валиуллина Чулпан Фаилевна, доцент, кандидат педагогических наук, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП), г. Набережные Челны

Гагаев Андрей Александрович, профессор, доктор философских наук, Мордовский государственный университет, г. Саранск

Гагаев Павел Александрович – профессор, доктор философских наук, Пензенский институт развития образования, г. Пенза

Гайнутдинов Ринат Ришатович, аспирант, Елабужский институт Казанского федерального университета, г. Елабуга.

Галимов Ильшат Равильевич, магистрант Казанского национально-исследовательского технологического университета (КХТИ), г. Казань.

Гарифзянова Альбина Раисовна, кандидат философских наук, доцент, Елабужский институт Казанского федерального университета, г. Елабуга.

Гаффарова А.А., студентка, Елабужский институт Казанского федерального университета, г. Елабуга

Гимадеева Г.Р., студентка, Елабужский институт Казанского федерального университета, г. Елабуга.

Гимадеева Динара Рифкатовна, ассистент, Институт социально-философских наук институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань

Громов Егор Валерьевич, кандидат философских наук, доцент, Елабужский институт Казанского федерального университета, г. Елабуга.

Давлиев Ильмир Анасович, студент, Набережночелнинский институт Казанского федерального университета, г. Набережные Челны.

Дырин Сергей Петрович, доктор социологических наук, профессор, Набережночелнинский государственный торгово-технологический институт, г. Набережные Челны

Задворнов Андрей Николаевич, кандидат философских наук, доцент, Набережночелнинский институт Казанского федерального университета, г. Набережные Челны.

Зарипова Лейсан Мирзануровна, экстерн-соискатель Казанского государственного института культуры, г. Набережные Челны

Ибрагимов А.З., студент, Елабужский институт Казанского федерального университета, г. Елабуга

Ильин Александр Геннадьевич, кандидат философских наук, доцент, Елабужский институт Казанского федерального университета, г. Елабуга.

Исаева К.А., студентка, Елабужский институт Казанского федерального университета, г. Елабуга

Исмагилов Тимур Фаритович, кандидат физико-математических наук, сотрудник НИИ механики Московского государственного университета, г. Москва

Каишев И.Н., студент, Елабужский институт Казанского федерального университета, г. Елабуга

Кириков Олег Иванович, доктор философских наук, профессор, г. Воронеж.

Копанева В.А., студентка, Елабужский институт Казанского федерального университета, г. Елабуга

Костромин В.В., студент, Набережночелнинский институт Казанского федерального университета, г. Набережные Челны

Мухаметгалиев Искандар Габдулвалиевич, кандидат социологических наук, доцент, Елабужский институт Казанского федерального университета, г. Елабуга.

Мухаметгалиева Сафия Хамитовна, кандидат исторических наук, доцент, Елабужский институт Казанского федерального университета, г. Елабуга.

Нурмухаметова Виктория Васильевна, кандидат философских наук, доцент, Набережночелнинский филиал Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП), г. Набережные Челны

Пупышев Александр Евгеньевич, аспирант, Елабужский институт Казанского федерального университета, г. Елабуга

Орехов Андрей Михайлович, доктор философских наук, доцент РУДН, г. Москва

Сабиров Аскадула Галимзянович, доктор философских наук, профессор, Елабужский институт Казанского федерального университета, г. Елабуга.

Сабирова Лиля Андреевна, старший преподаватель, кандидат философских наук, Елабужский филиал Казанского национально-исследовательского университета, г. Елабуга.

Сабирова Файруза Мусовна, кандидат физико-математических наук, доцент, Елабужский институт Казанского федерального университета, г. Елабуга.

Садриев Алмаз Шамилович, доцент, кандидат социологических наук, Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Набережные Челны

Салимов Р.Х. – выпускник аспирантуры ЕИ КФУ, г. Абу-Даби (Объединенные Арабские эмираты)

Салимова Дания Абузаровна, профессор, доктор филологических наук, Елабужский институт Казанского федерального университета, г. Елабуга.

Сафина Лилия Альбертовна, магистрант Казанского национально-исследовательского технологического университета (КХТИ), г. Казань

Сафиуллина Ирина Борисовна, магистрант, Елабужский институт Казанского федерального университета, г. Елабуга.

Смирнов Сергей Владимирович, кандидат философских наук, доцент, Елабужский институт Казанского федерального университета, г. Елабуга.

Смирнова В.Ю., студентка, Елабужский институт Казанского федерального университета, г. Елабуга

Спиридонов Алексей Юрьевич, аспирант, Елабужский институт Казанского федерального университета, г. Елабуга

Степанов А.П., студент, Набережночелнинский институт Казанского федерального университета, г. Набережные Челны

Сухоруких Алексей Викторович, кандидат философских наук, секретарь Воронежского филиала РФО, г. Воронеж.

Фастовец Людмила Александровна, старший преподаватель, Елабужский институт Казанского федерального университета, г. Елабуга.

Фурсова Валентина Владимировна, доцент, кандидат социологических наук, Институт социально-философских наук институт Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань

Чернышева Фаизила Абузаровна, доцент, кандидат педагогических наук, Набережночелнинский филиал Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП), г. Набережные Челны

Чехлов Андрей Петрович, аспирант, Елабужский институт Казанского федерального университета, г. Елабуга.

Шаймарданов Камиль Рустемович, студент, Набережночелнинский филиал Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП), г. Набережные Челны.

СОДЕРЖАНИЕ

Амиров Р.Г. Техносферный человек: кто он?	3
Барябина Е.Н. Аналитическая составляющая программ профилактики правонарушений несовершеннолетних.....	6
Бикмухаметова З. М. Дискурс-анализ концепций изучения молодежи на примере различных исследований	10
Бутенко С.В. Роль государства в становлении исторической идентичности (философско-образовательный аспект)	14
Валиуллина Ч.Ф. Педагогические модели в обучении студентов колледжа.....	23
Гагаев А.А., Гагаев П.А. Татарский человек: модель татарского человека в татарском эпосе	28
Гайнутдинов Р.Р. Виртуализация человеческого бытия в образах кинематографа докомпьютерной эпохи	34
Галимов И.Р., Сафина Л.А. Человек в современных педагогических концепциях как фактор повышения качества образования.....	38
Гарифзянова А.Р., Каишев И.Н. Визуальный образ советской молодежи в СССР в 1930-е гг.	41
Гаффарова А.А., Ибрагимова А.З. Образы межкультурного взаимодействия в произведениях Г.Тукая	45
Гимадеева Г.Р. Проблема гуманизма в воспоминаниях фронтовиков о Великой Отечественной войне	49
Гимадеева Д.Р. Трансформация социального статуса человека в информационном обществе под влиянием Интернета	52
Громов Е.В. Образы мировой культуры в мировоззрении русского человека	55
Давлиев И. А. Феномен застоя в политике и его влияние на человека политического	60
Дырин С.П. Функционально-личностные роли руководителя в условиях многоаспектного подхода к управлению персоналом	63

Задворнов А.В., Костромин В.В. Человек политический в условиях информационного общества	67
Задворнов А.Н., Степанов А.П. Влияние месторазвития на формирование человека политического в России: от прошлого к настоящему	71
Зарипова Л.М. Коммуникативная культура личности в разрезе глобализации	75
Ильин А.Г. Человек и специфика гуманитарных парадигм	78
Исаева К. А., Смирнова В. Ю. Политология и политическая культура современного человека в России	81
Исаева К. А., Смирнова В. Ю. Проблема человека в современной политологии	84
Исмагилов Т.Ф. Роль политического фактора в формировании и развитии русского человека в концепциях российских философов	86
Кириков О.И., Сухоруких А.В. Парадигмальные начала философии	89
Мухаметгалиев И.Г. Борьба с коррупцией: историко-правовой анализ	91
Мухаметгалиева С.Х. Правовая компетентность – важный элемент подготовки современного учителя	94
Мухаметгалиева С.Х., Фастовец Л.А. Конституционная культура как способ устранения правового нигилизма в обществе	96
Нурмухаметова В.В. Роль философии в формировании мировоззрения студентов	99
Орехов А.М. Социально-философская антропология как социально-философская наука	102
Пупышев А.Е. Роль виртуальной реальности в повседневной жизни человека	104
Сабиров А.Г. Человек в интерпретациях татарских философов (историко-философский анализ)	107
Сабирова Л.А. Русская ментальность в контексте социально-философского анализа	112
Сабирова Ф.М. Использование историко-биографических сведений как средство формирования культуры будущего учителя физики	116
Садриев А.Ш. Интерфейс «мозг-компьютер» или человек XXI века	119
Салимова Д.А., Салимов Р.Х. Иман и гыйлем как маркеры личности в	

философских воззрениях К.Насыри	122
Сафиуллина И.Б. Профилактика экстремизма как одна из форм поликультурного образования	127
Смирнов С.В. Человек и биосфера: механизмы актуализации стратегии социобиоэкоэволюционного развития	132
Смирнов С.В., Копанева К.А. Биосфера, техносфера, человек: от парадигмы конфронтации к модели антропобиосимбиоза	135
Спиридонов А.Ю. Кризис самоидентификации человека в современном обществе	139
Фурсова В.В. Девиантность человека в интерпретации представителей французской социологической школы	143
Чернышева Ф.А., Шаймарданов К. Р. Изучение репродуктивных установок современной молодежи	146
Чехлов А.П. Профиль во «ВКонтакте» как инструмент самопрезентации (на примере аккаунтов Елабуги)	150
Наши авторы	155

Научное электронное издание

ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-
ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ

Материалы Всероссийской научно-практической
конференции,

г. Елабуга, 24-25 ноября 2017года.

Подписано к печати 30.11.2017. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 10. Тираж 100 экз. Заказ №

Издательство ЕИ КФУ
423600, г.Елабуга, ул.Казанская, 89.

*Редакционно-издательский центр
Казанского (Приволжского) федерального
университета*